

Департамент культуры
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
«Государственная библиотека Югры»

МАТЕРИАЛЫ
III окружных
«Лопаревских чтений»

Департамент культуры
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа — Югры
«Государственная библиотека Югры»

МАТЕРИАЛЫ III ОКРУЖНЫХ ЛОПАРЕВСКИХ ЧТЕНИЙ

(Ханты-Мансийск, 28 сентября 2011 г.)

Санкт-Петербург
«Литературный Город»
2011

ББК 63.3(2Рос-6Хан)

М 34

Составитель *Т. В. Пуртова*

Редактор *В. К. Белобородов*

Ответственная за выпуск *О. А. Кривошеева*

М 34 Материалы III окружных Лопаревских чтений, Ханты-Мансийск, 28 сентября 2011 г. / Департамент культуры Ханты-Манс. авт. окр. — Югры, Гос. б-ка Югры ; [сост. Т. В. Пуртова]. — СПб. : Литературный Город, 2011. — 128 с.

ISBN 978-5-902499-49-7

Сборник содержит выступления участников третьих окружных краеведческих чтений, посвященных памяти Хрисанфа Мефодьевича Лопарева (1862–1918), уроженца с. Самарово, историка, сотрудника Императорской публичной библиотеки Санкт-Петербурга (ныне Российская национальная библиотека).

ББК 63.3(2Рос-6Хан)

© Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, издание, 2011

© Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Государственная библиотека Югры», издание, 2011

© ООО «Литературный Город», оформление и печать, 2011

ISBN 978-5-902499-49-7

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

28 сентября 2011 г. в г. Ханты-Мансийске прошли третьи окружные краеведческие чтения, посвященные Хрисанфу Мефодьевичу Лопареву (1862–1918), выходцу из с. Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск), историку, сотруднику Публичной библиотеки Санкт-Петербурга (ныне Российская национальная библиотека), автору первого исследования, посвященного истории с. Самарово.

Организатором чтений является Государственная библиотека Югры. В чтениях приняли участие сотрудники библиотек, архивов, музеев, студенты, краеведы из Ханты-Мансийска, Екатеринбурга, Омска, Тюмени, Нижневартовска, Сургута, Нягани и Ханты-Мансийского района.

Итогом чтений является издание сборника докладов.

Материалы расположены по трем тематическим блокам:

- Хрисанф Лопарев и село Самарово: исследования и документы;
- История Югры: лица, факты, даты;
- Краеведческая деятельность библиотек, музеев и образовательных учреждений.

Участниками чтений выявлены и введены в оборот новые документы и исторические сведения об ученом Х. М. Лопареве, его семье, новая информация по истории с. Самарово и о его жителях, был обобщен опыт современной краеведческой деятельности.

ХРИСАНФ ЛОПАРЕВ И СЕЛО САМАРОВО: ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

П. И. Лопарев и семья Дорониных

*Букреев Валентин Павлович, историк, директор Любинского краеведческого музея,
р. п. Любино, Омская область*

В наше время господства Интернета кому-то кажутся анахронизмом поиски и находки... в книгах. Избежала участи попасть в макулатуру и осела на полках нашего музея книга «400 лет Тобольску», изданная Средне-Уральским книжным издательством в Свердловске в 1987 г.

В этом сборнике мое внимание привлек документ № 133 «Из воспоминаний П. Никитина о событиях в Тобольске в 1917–1918 гг.». П. Никитин вспоминал III крестьянский съезд, на котором должен был быть обновлен состав исполкома. Но по случаю эвакуации власти из Тобольска съезд, не окончив работу, 13 июня 1918 г. был распущен. Заседание съезда проходило в здании бывшего дворянского собрания, находившемся на ул. Рождественской (ныне Семакова) под председательством Платона Лопарева.

Хантымансийский краевед Василий Дмитриевич Конев передал мне огромную часть своего личного архива — и это тоже послужило побудительным толчком к работе над данным исследованием. До работы с архивом В. Д. Конева в моем сознании отложилось, что у Платона Лопарева в жизни было всего две вехи, связанные с Омском. Первая — это учеба в Омском низшем механико-техническом училище в 1907–1910 гг., и вторая — роковая, связанная с расстрелом Платона в 1938 г. Но нашлась и третья вежа — промежуточная между годами учебы юного Платона и его трагической гибелью.

В книге В. Д. Конева «О малой Родине с любовью», изданной в г. Омске в 2004 г., на с. 31 можно прочесть: «В кооперации, на этой трудной и весьма ответственной работе, П. И. Лопарев находился на протяжении десяти лет, занимая различные должности. Сразу же после армии, в 1918 г., он поступил на краткосрочные кооперативно-инструкторские курсы при Политехническом институте г. Омска, после окончания которых работал инструктором в с. Самарово».

Далее в своей книге Василий Дмитриевич пишет о создании в Самарово по инициативе П. И. Лопарева партизанского отряда для борьбы с отступающими белогвардейцами.

«Одними из первых вступили в отряд сестры Клавдия и Даша Доронины. Клавдия работала в больнице, организовала в отряде санитарную часть. Сестры оказывали помощь раненым и больным, ограждали бойцов от повсеместно свирепствовавшего тифа, проводили беседы на политические темы».

Коли уж речь зашла о связях большой семьи Дорониных с Омском, слово следует передать Андрею Федоровичу Палашенкову, выдающемуся омскому историку-краеведу. Его книга «Памятники и памятные места Омска и Омской области» (Омск, 1967) до сих пор является настольной книгой краеведов Среднего Прииртышья.

Несколько страниц своего труда А. Ф. Палашенков посвятил Дорониным — сестре, брату Клавдии и Дарьи.

«...Доронина Степанида Петровна. Родилась в с. Демьянском Тобольской губернии. Родители ее крестьяне среднего достатка. Стива, так обычно называли Степаниду Петровну, окончила учительскую семинарию, два года учительствовала» (Палашенков А. Ф. Памятники и памятные места Омска и Омской области. — Омск, 1967. — С. 95).

Палашенков рассказывает о большом влиянии на Степаниду ссыльных, которые поселились в Демьянском. Осенью 1916 г. Стива Доронина начала учиться в знаменитом университете Шанявского в Москве. Ей приходилось выполнять партийные поручения, в том числе весьма опасные. Летом 1917 г. Стива и ее муж Петр Хотеенков поехали в Демьянское, а затем в Омск, где включились в партийную работу. В середине мая 1918 г. Доронина и Хотеенков вернулись в Демьянское. Вскоре по приезду Петр был арестован карателями. Отступившие из Тобольска белогвардейцы арестовали Доронину.

«На допросе держала себя гордо и дерзко. Ее увезли. Верстах в 150 от Демьянского С. П. Доронину закололи штыками и тут же зарыли в песок на берегу Иртыша» (Палашенков А. Ф. С. 95).

Так трагически сложилась судьба родной сестры Клавдии Дорониной-Лопаревой — Степаниды Петровны.

Одна из глав в труде Палашенкова посвящена мужу Стивы — Хотеенкову Петру.

Палашенков характеризует Петра как активного подпольного работника, соратника и друга Залмана Иудовича Лобкова (1898–1919) — участника революции и Гражданской войны в Омске, большевика.

Хотеенков родился в глухой деревне Смоленской губернии, рано осиротел. Двенадцатилетним пареньком ушел в уездный город, где научился малярно-кровельному делу. Затем поступил в университет

Шанявского, включился в подпольную революционную работу. Осенью 1916 г. Петр приехал в Сибирь — на родину жены. Здесь в августе его мобилизовали в армию и направили в Омск.

«Хотеенков и Стива Доронина от непомерной работы заболели и уехали на родину Дорониной, в село Демьянское. Там, в связи с совершившимся переворотом, Хотеенков был арестован и отправлен в Тобольск, а затем в Омск. В концентрационном лагере в Омске Хотеенков пробыл недолго, совершил удачный побег. Около года ему удалось проработать в подполье на Южном Урале и Западной Сибири. В мае 1919 г. Петр Хотеенков был схвачен белогвардейцами и расстрелян в городе Златоусте» (Там же. С. 96).

И последняя глава в книге — «Доронин Федор Петрович» — о родном брате Степаниды и Клавдии Дорониных. О Доронине в Омске напоминают стены здания мужской фельдшерской школы (на углу улиц Ленина и Тарской), которую Федор Петрович окончил в 1908 г.

После окончания Омской фельдшерской школы Федор Петрович короткое время работал фельдшером. За связь с ссыльными был уволен. В 1914 г. попал на фронт. После Октябрьской революции Федор Петрович вернулся в Демьянское, там он провел в конце января 1918 г. съезд трудового крестьянства северной части Тобольского уезда.

«28 августа 1918 г. в Демьянском был арестован Ф. П. Доронин. До лета 1919 г. он находился в Тобольской каторжной тюрьме, а 10 июля был отправлен в Иркутск, в Александровский централ, откуда его перевели в тюрьму Троицкосавска. Здесь 31 декабря 1919 г. Ф. П. Доронин был зарублен казаками, ворвавшимися в тюрьму для поголовного истребления всех заключенных» (Тобольская правда. — 1957. — 21 августа).

Письма Х. М. Лопарева к членам Общества любителей древней письменности (по материалам отдела рукописей Российской национальной библиотеки)

Танкова Екатерина Викторовна, библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры, г. Ханты-Мансийск

На предыдущих «Лопаревских чтениях» В. К. Белобородовым была высказана мысль о том, что для нахождения писем Лопарева к своим адресатам необходимо изучать личные архивы этих людей. С этой це-

лью в 2010 г. мы побывали в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. В нем хранится масса рукописных источников, в том числе личная и деловая переписка различных персон. Нас интересовали фонды тех личностей, с которыми вел переписку Хрисанф Мефодьевич Лопарев.

Письма Лопарева содержатся в фондах Дмитрия Фомича Кобеко (историка, директора Императорской публичной библиотеки), Сергея Федоровича Платонова (историка, академика Российской академии наук), Ивана Васильевича Помяловского (секретаря Общества любителей древней письменности), Павла Никитича Тиханова (члена-корреспондента и редактора изданий Общества любителей древней письменности). Переписка носила служебный характер и касалась деятельности Х. М. Лопарева в Обществе.

С Дмитрием Фомичом Кобеко (когда тот был исполняющим должность председателя Общества любителей древней письменности) в 1887 г. Х. М. Лопарев вел переписку о делах Общества, о том, что им сделано и какое вознаграждение он за свою работу получил или хотел бы получить. В 1902 г. (когда Д. Ф. Кобеко был директором Императорской публичной библиотеки) Х. М. Лопарев писал о том, как проходит его командировка во Флоренцию.

С Сергеем Федоровичем Платоновым он вел переписку об издании и редакции Лопаревым книг.

Письма И. В. Помяловскому и П. Н. Тиханову также касаются деятельности Х. М. Лопарева в Обществе.

Общество было создано в 1877 г. Основной его задачей стало «издание славяно-русских рукописей, замечательных в литературном, научном, художественном и бытовом отношении, и перепечатывание книг, сделавшихся библиографической редкостью»¹.

Сотрудничество Х. М. Лопарева с Обществом началось в 1887 г. с посещения собраний в Обществе. В это время Д. Ф. Кобеко (временно исполнявший в тот период обязанности председателя Общества) привлек его к описанию рукописей. В течение 1887–1889 гг. Х. М. Лопаревым описано 624 славяно-русских и несколько греческих рукописей из собрания Музея Общества. Называется этот труд «Описание рукописей Общества любителей древней письменности». Первый том вышел в 1892 г., 2-й — в 1893-м, 3-й — в 1899-м.

По предложению секретаря Общества И. В. Помяловского Х. М. Лопарев занял должность библиотекаря и помощника секретаря. В 1891 г.,

¹ Устав ОЛДП. — СПб., 1877.

после ухода Помяловского с должности секретаря, председатель Общества граф С. Д. Шереметев предложил эту должность Хрисанфу Мефодьевичу. Об этом свидетельствует письмо Х. М. Лопарева к И. В. Помяловскому от 29 апреля 1891 г.: «Гр. С. Д. Шереметев дал на мое имя официальную бумагу, где просит меня вступить в отправление должности Секретаря Общества»¹. В 1892 г. П. Н. Тиханов уходит из Общества. Лопарев очень переживал по этому поводу. В письме к Тиханову он пишет: «...кто будет теперь следить за нашими трудами? Кто будет корректировать наши издания и памятники?»; «...Что же будет с «Житием Прокопия», с «Можайскими Актами», с «Сочинениями кн. Вяземского» и пр. и пр.?..»². Граф С. Д. Шереметев поручил Х. М. Лопареву взять на себя обязанности редактора до нового назначения, о чем Хрисанф Мефодьевич сообщает П. Н. Тиханову 23 декабря 1892 г.: «Граф С. Д. Шереметев поручил мне самым категорическим образом принять от Вас все бумаги и корректуры Общества. Я уже сделал распоряжение в типографии, дабы все корректуры присылали на мое имя. Я сам буду их редактировать до назначения нового редактора...»³.

Состоя в Обществе, Лопарев с научной целью совершил командировки в Геную, Рим, Флоренцию, открыл множество новых списков рукописей, а европейскую известность ему принесло обнаружение в 1892 г. поэтического «Слова о погибели Русской Земли», датированного XIII в. Ученые ставят это произведение в один ряд со «Словом о полку Игореве».

В письмах Лопарева к редактору Общества П. Н. Тиханову чувствуется равнодушие к издательским делам. В то время издания Общества печатались в типографии Императорской Академии наук. В одном из писем Лопарев рассуждает о том, как поступает типография для того, чтобы увеличить объем текста, а следовательно, выручить за издание больше денег:

«А между тем набрано черт знает что. Конечно, Мартени, вероятно, потирает руки от удовольствия, имея в виду получить лишнюю сотню рублей. Ведь типография будет считать так, как будто вся книга печатается в одну строку...»

¹ ОР РНБ, ф. 608. Помяловский, оп. 1, ед. хр. 963, л. 22.

² ОР РНБ, ф. 777, № 693 Тиханов П. Н., л. 22.

³ ОР РНБ, ф. 777, № 693 Тиханов П. Н., л. 29.

А сравнивая эту строку с длиной набранного текста, вижу, что из каждой строки, по крайней мере, по 5 букв убрано, на 5 букв длина строки укорочена (а типография ведь возьмет деньги за полную страницу); $32 \times 5 = 160$ букв взято из страницы, то есть 4 строки. Полагая, что всего будет 800 страниц в книге, нахожу, что мы теряем 3200 строк или 100 страниц (6 листов); типография возьмет деньги 1) за эти 6 листов набора, да 2) за бумагу, да 3) за новые 6 листов набора, которого бы не было иначе. Итого Академия возьмет деньги ни за что ни про что за 12 листов набора и бумагу. А это ведь пахнет 300 рублей. <...>

Впрочем, я тут ничего не понимаю; вы этим делом занимаетесь, Вам лучше знать, что лучше, что хуже, что красивее, что уродливее, что выгоднее, что накладнее»¹.

Те, кто уже знаком с личной перепиской Лопарева, могли заметить одну из черт его характера — бережливость, расчетливость. И это проявляется, как мы видим, не только в быту, но и в служебных делах.

В сопровождающих записках к корректурам того или иного издания Лопарев делает приписки по поводу своих личных дел, здоровья. Приведу некоторые из них:

7 июня 1891 г.: «Простите, что не сейчас по получении от Вас письма ответил; я так обленился, что просто не могу ничего делать, какая-то рассеянность и переливание из пустого в порожнее. Все думаю о свадьбе и все ничего не могу выдумать. Впрочем, к делу²». В это время он думал о женитьбе на Ю. М. Поповой, которая так и не состоялась.

В одном из писем 1891 г. Лопарев сообщает о работе над книгой «Самарово, село Тобольской губернии»: «...Для себя собственно я сделал лишь одно: довел «Самарово» до наших дней. Хотелось бы в этом году и отпечатать его, но беда в том, что я не посмотрел двух важных книг по этому вопросу: «Тобольских губернских ведомостей» и «Тобольских епархиальных ведомостей»³.

Общество любителей древней письменности — только одно из обществ, в которых Хрисанф Мефодьевич состоял, но в нем он многое

¹ ОР РНБ, ф. 777, № 693 Тиханов П. Н., л. 14, 15.

² ОР РНБ, ф. 777, № 693 Тиханов П. Н., л. 12, 13.

³ ОР РНБ, ф. 777, № 693 Тиханов П. Н., л. 22.

сделал для изучения и публикации памятников древнерусской и византийской литературы.

Полагаю, что изучение писем Лопарева из личных архивов его адресатов необходимо продолжить, предварительно выявив их по описаниям фонда Х. М. Лопарева в Петербургском филиале архива Российской академии наук.

Родственники П. И. Лопарева — семья Дорониных

Патрикеев Новомир Борисович, академик Петровской академии наук и искусств, магистр краеведения, заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, почетный читатель Государственной библиотеки Югры, г. Ханты-Мансийск

Тридцать пять лет назад, работая редактором Ямало-Ненецкой окружной газеты, я заканчивал вторую краеведческую книгу «Рассвет над Ямалом» и не мог не обратить внимание на только что выпущенную в Свердловске книгу «Семья Дорониных».

В ней я увидел широкое эпическое и трагическое полотно и впечатляющую картину жизни Тобольского Севера в конце XIX — начале XX в. И сейчас в рамках Лопаревских чтений, думаю, правомерно рассказать об этой семье как родственниках Платона Ильича Лопарева.

Глава династии Петр Степанович Доронин родился в с. Демьянском в 1862 г. и, как все крестьяне-старожилы, занимался охотой, рыболовством, скотоводством, земледелием, заготовкой дров, сбором дикоросов, зимой работал ямщиком, но был также известен как большой мастер-печник, плотник и строитель легких и «ходких» рыбацких лодок. Один из немногих грамотных на селе, он выписывал тобольскую газету «Сибирский листок» и старался дать возможное по тем временам образование для своих пятерых детей. Смелый и добрый, болеющий за общее дело, Доронин пользовался большим уважением односельчан и не раз избирался волостным старшиной и «доверенным» общественной (кооперативной) лавки, созданной на средства крестьян.

Неудивительно, что он общался с наиболее образованными людьми того времени — политическими ссыльными. Так, по детским и юношеским воспоминаниям демьянца Николая Никандровича Накорякова,

будущего профессионального революционера и писателя, известного как Назар Уральский, Петр Степанович Доронин был в деловых и приятельских отношениях с Константином Владиславовичем Гамолецким, проходившим вместе с А. И. Ульяновым по делу о покушении на императора Александра III. В 1891 г. Доронин и Гамолецкий вдвоем возглавили борьбу односельчан с эпидемией холеры.

Во второй половине 1890-х гг. Накоряков учился в Тобольской семинарии и часто встречался с П. С. Дорониным, приезжавшим в г. Тобольск по кооперативным делам. С его помощью у Петра Степановича завязалось близкое знакомство с губернским агрономом Николаем Лукичом Скалозубовым, будущим депутатом II и III Государственных дум. Доронин слушал лекции Скалозубова в музее и в народной аудитории. Его интересовало множество вопросов: как поднять урожайность хлеба, можно ли улучшить породу коров. Получая от агронома сортовые семена морозоустойчивых культур, проводил опытные посе- вы. Сельская община при содействии Скалозубова приобрела породистого быка.

Накоряков же познакомил Доронина со старыми политссыльными Тобольска — украинским поэтом Павлом Арсентьевичем Грабовским и бывшим политкаторжанином Виктором Федоровичем Костюриным — редактором газеты «Сибирский листок», с известным тобольским толстовцем Алексеем Ивановичем Степановым, у которого читал и обсуждал роман «Воскресенье».

С тобольскими прогрессивными деятелями Петр Степанович общался около десяти лет.

В 1906 г. в с. Демьянское прибыло много ссыльных участников первой русской революции. Жили они в домах местных крестьян. В числе других у Дорониных квартировал сотрудник газеты «Приволжский край» Ляховицкий. Это был участник революционного движения с 1899 г., в будущем видный советский дипломат, академик Иван Михайлович Майский.

Много лет общаясь с политическими ссыльными, читая принесенную ими литературу, часто подпольную, Петр Степанович стал глубже разбираться в общественно-политических и экономических вопросах, делился своими знаниями с односельчанами.

После февральской революции, при Временном правительстве, П. С. Доронин избирался председателем волостного земства, но из числа гласных уездного тобольского земства был исключен как неблагонадежный. Как сторонник советской власти он дважды аресто-

вывался — колчаковцами в 1919 г. и белогвардейцами в 1921 г. После окончательного установления советской власти был председателем Демьянского волостного исполкома, а затем членом Тобольского уездного исполкома, работал заведующим «Бюро коммун» в уездном земельном отделе. Умер П. С. Доронин в 1922 г.

Старший сын Дорониных Федор вступил в революционное движение, будучи учащимся Омской фельдшерской школы. С тех пор он не терял связи с политическими ссыльными. В 1914–1917 гг. был в армии, где вел агитационную работу среди солдат. После демобилизации участвовал в становлении советской власти. В начале 1918 г. он был председателем Первого съезда советов северных волостей Тобольской губернии в с. Демьянском. В августе 1918 г. арестован белогвардейцами и 1 января 1920 г. расстрелян в Кяхте. Его именем названы улицы в Тюмени, Тобольске и Ханты-Мансийске.

Его жена Евдокия Михайловна также вела агитацию и пропаганду среди крестьян. Летом 1920 г. вступила в РКП(б). Избиралась председателем ячейки. В 1921 г. во время кулацко-эсеровского мятежа в качестве фельдшера отступала из Демьянска через Обдорск в Марре-Сале. Затем была заведующей райздравотделом, работала в Новосибирском губздравотделе, в Наркомздраве РСФСР.

Старшая дочь Стефания (Стива), учительница, в 1916 г. вступила в партию. Училась в Московском народном университете Шанявского. Здесь она познакомилась со своим будущим мужем Петром Хотеенковым. Вскоре он был арестован, а после побега вел революционную работу в Щелково под Москвой.

После июльских дней Стива и Петр ведут большевистскую пропаганду в Омске. В конце ноября 1917 г. Петр избирается председателем Омского совета рабочих и солдатских депутатов, Стива — членом Омского горсовета. В июле 1918 г. во время отпуска в Демьянске Петр был арестован, увезен в Тобольскую каторжную тюрьму, бежал, вел партийную работу в Челябинске, где был схвачен колчаковцами и расстрелян. В 1919 г. арестовали и Стиву. При остановке у с. Нового Стиву вывели из трюма, закололи штыками и сбросили под обрыв.

Младшая дочь П. С. Доронина Даша работала в это время на Самаровском телеграфе, затем вступила в партизанский отряд П. И. Лопарева. После окончания Гражданской войны работала политическим комиссаром Московского телеграфа.

Младший сын Петра Степановича Иона в ноябре 1919 г. вступил в партизанский отряд Лопарева. В начале 1920 г. работал членом во-

лостного исполкома, с июня 1920 г. в Красной Армии. После окончания командных курсов в 1921 г. в качестве комиссара отряда на пароходе «Сергей» участвовал в освобождении многих населенных пунктов на р. Иртыше и Оби от Тобольска до Обдорска. На основании личных воспоминаний, архивного документального и мемуарного материалов он написал семейную хронику Дорониных. После Гражданской войны получил высшее образование, жил и работал в Москве. Он — кандидат исторических наук, участник Великой Отечественной войны.

А теперь, без преувеличения, о героико-драматической жизни средней дочери Петра Степановича — Клавдии, чья судьба связала семью Дорониных с именем Лопаревых. Клавдия Петровна родилась 4 ноября (н. с.) 1896 г. в с. Демьянском. Окончила сельскую школу, сельское двухклассное училище, Ялуторовскую учительскую прогимназию и Тобольскую фельдшерско-акушерскую школу.

Летом 1918 г. получила направление в Самаровскую больницу, где из-за отсутствия врача исполняла обязанности заведующей врачебным участком.

Работа оказалась очень трудной, поскольку в 1918–1921 гг. здесь свирепствовал брюшной тиф. После того как от тифа умерли фельдшеры Петр Андреевич Шехирев и Алексей Михайлович Кузнецов, К. П. Доронина осталась в больнице одна и сама переболела тифом. Выезжать к больным приходилось за 60–70 верст зимой на лошадях, летом на лодках. Часто перед ее глазами предстала жуткая картина: в некоторых домах болели все поголовно, лежали без всякого ухода и медицинской помощи. Позже у Дорониной появилась помощница — фельдшер Прасковья Павловна Молокова.

В 1919 г. К. П. Доронина вышла замуж за Платона Ильича Лопарева, а в конце октября вместе с П. С. Молоковой и сестрой — телефонисткой Дарьей Дорониной — вступила в его партизанский отряд. После освобождения Самарова Доронина и Молокова организовали госпиталь.

В апреле 1920 г. Клавдия Петровна вступила в Самаровскую ячейку сочувствующих РКП(б), в августе у Лопаревых родился сын Юрий. В начале 1921 г. мирная жизнь была нарушена. На юге Тюменской губернии началось крестьянское восстание, вошедшее в советскую историографию как кулацко-эсеровский мятеж. П. И. Лопарев был вызван в Тобольск для организации отряда по борьбе с повстанцами. Такие отряды стали создаваться в Самарове, Сургуте, Березове и Обдорске, объединившись в Северный революционный коммунистический отряд,

вынужденный отступать перед превосходящими силами противника. Клавдия Доронина оставила у родственников Лопарева шестимесячного сына, эвакуировала медицинскую часть, ставшую походным госпиталем, и вместе с П. Молоковой снова сопровождала больных и раненых бойцов до Обдорска. Там отряд разделился. Одна часть стала отступать на Север полуострова Ямал к радиостанции Марре-Сале, вторая — через Полярный круг на р. Печору.

К счастью, дальше Ошвора повстанцы не пошли, как и перестали преследовать группу, отступавшую в Марре-Сале. Они вернулись в Обдорск потому, что в тылу у них появился экспедиционный добровольческий отряд П. И. Лопарева, который в начале мая освободил Самарово. После весновки в д. Петрушки на р. Усе К. Доронина вместе с госпиталем добралась по р. Печоре и Каме до Перми, а затем железной дорогой до Тюмени.

Возвратившись в Самарово, К. П. Доронина снова стала работать фельдшером-акушеркой больницы. В 1922 г. у нее родилась дочь Диана. В 1924 г. вместе с мужем переехала в Тобольск. А в 1928 г. вместе с детьми десяти и шести лет выехала в Березовский район с подвижным отрядом Центрального комитета Красного Креста для работы среди национального населения.

Обосновались в Полновате. Клавдия Петровна обходила хантыйские дома, прививала санитарную культуру, ездила в ближайшие юрты, осматривала и лечила жителей, руководила женским делегатским собранием.

Через год К. Доронина вернулась в Тобольск и стала работать в пригородном с. Ивановском, где П. И. Лопарев возглавлял строительство зверофермы. Там она до 1930 г. заведовала детскими яслями. Потом снова и уже окончательно в Тобольске работала фельдшером хирургического кабинета городской центральной амбулатории, инспектором здравоотдела по охране материнства и младенчества.

В 1932 г. в возрасте 36 лет, имея двоих детей, поступила на вечернее отделение Пермского медицинского института, который окончила в 1937 г., роковым для ее семьи. По ложному обвинению был арестован Платон Ильич, а сама она исключена из партии. И в этой ситуации она продолжала активно трудиться врачом в Тобольской поликлинике и больнице, по совместительству преподавала анатомию, акушерство и гинекологию в медицинском училище. Во время Великой Отечественной войны руководила выездными бригадами по борьбе с эпидемическими заболеваниями.

После разоблачения культа личности она была восстановлена в партии с сохранением стажа (с 1922 г.), а П. И. Лопарев реабилитирован.

Награждена орденами и медалями. Почетный гражданин Тобольска и Ханты-Мансийска.

Литература

1. Доронин, И. П. Семья Дорониных / И. П. Доронин. — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1966. — 91 с.
2. Патрикеев, Н. Б. Семья революционеров / Н. Б. Патрикеев // Красный Север. — 1966. — 30 нояб.
3. Рябошапко, А. Семья Лопаревых-Дорониных / А. Рябошапко // Югра. — 2004. — № 9. — С. 42–46.
4. Доронина, К. П. Воспоминания о Лопареве Платоне Ильиче, о Гражданской войне на Тобольском Севере : [рукопись]. 1957.
5. Доронина, К. П. Автобиография : [рукопись]. 1984.

Презентация книги «Искренне делюсь с Вами как с другом»: из переписки Х. М. Лопарева и Ю. М. Поповой

Сажаева Людмила Дмитриевна, начальник Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, г. Ханты-Мансийск

По заказу Службы по делам архивов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры издан новый сборник архивных документов — личных писем Х. М. Лопарева и Ю. М. Поповой под названием «Искренне делюсь с Вами как с другом...», редактором-составителем которого является В. К. Белобородов. Книга продолжает знакомить читателей с документальными свидетельствами жизни и деятельности Х. М. Лопарева. В сборнике впервые опубликована переписка Хрисанфа Мефодьевича с другом юности Юлией Марковной Поповой, много значившей в его жизни. Письма охватывают период с 1880 по 1915 гг.

Основой данного издания стали документы Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук и Государственного исторического архива. Копии этих архивных документов пополнили фонд

пользования Государственного архива Югры. Работу по отбору архивных документов для сборника провел Юрий Лукич Мандрика — он же издатель сборника.

Опубликованная переписка интересна прежде всего тем, что открывает нам новые черты Лопарева, не строгого кабинетного ученого, а вполне обычного человека.

Много лет живя в одном городе — Петербурге, Х. М. Лопарев и Ю. М. Попова, служившая классной дамой в театральном училище, не только переписывались, но и, конечно же, встречались. Отношения их были неровными, неоднократно они переходили с «ты» на «вы» и обратно, но душевная связь сохранилась до последних лет жизни Хрисанфа Мефодьевича.

Читая письма, мы открываем разные грани личности Х. М. Лопарева — например, такие черты, как заботливость, бережливость. В его письмах к Поповой он подробно, порой скрупулезно описывает денежные затраты. Но это не от скопидомства, а именно от бережливости, без которой он не смог бы помогать ближним — матери, семье покойного брата, многим другим нуждающимся. Известно, что он помогал даже родной гимназии и в последние годы жизни на скопленные 7000 рублей учредил в ней стипендию имени Хрисанфа Лопарева.

По мере чтения переписки увлекаешься, переживаешь вместе с авторами писем. Чтение захватывает, с нетерпением ждешь, когда эти любящие, страдающие в разлуке люди воссоединятся, и вдруг разочаровываешься тем, что не суждено им быть вместе. Какие-то жизненные обстоятельства помешали состояться их браку.

В одном из писем Юлия Марковна пишет: *«Большое спасибо за письмо, дорогой Хрисанф. Ты пишешь тепло, мило, хотя и нет уже прежней ласки. Лет 5 назад, когда мы были безупречны и служили идеалом друг для друга, мы жили бы счастливо вместе, а сейчас мы видим друг в друге нехватки. Женись, пока время не ушло, мне будет больно видеть тебя несчастным, пойми это и согласись».*

Желаю всем участникам конференции и всем читателям приятного прочтения книги.

ИСТОРИЯ ЮГРЫ: ЛИЦА, ФАКТЫ, ДАТЫ

Югра начала XX в. в зеркале источников по истории православных приходов (на примере Нижневартовского прихода)

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор Нижневартовского государственного гуманитарного университета, г. Нижневартовск

Проблемы истории православных приходов на Севере Западной Сибири нашли отражение в ряде современных документальных публикаций. Однако их авторы ограничивали свои изыскания преимущественно XVIII — третьей четвертью XIX в. Вне сферы внимания оставался, как правило, конец XIX — начало XX в., когда развитие экономики, транспортной инфраструктуры, рост численности населения обусловили необходимость совершенствования административно-территориального устройства края, изменений в системе управления, создания новых хозяйственных и социокультурных объектов. Одним из аспектов этой политики являлось в том числе строительство новых православных храмов и организация приходов.

В дореволюционный период храм являлся не просто местом совершения религиозных обрядов, но и духовным центром, притягивавшим православных людей разных званий и сословий. Вокруг церкви формировалась община, члены которой в большей или меньшей степени осознавали свое единство. Ее причтом выполнялись функции демографического учета. Наличие храма являлось также показателем высокого статуса поселения, повышало его привлекательность для мигрантов.

Опираясь на доступные нам источники, можно попытаться реконструировать ряд сюжетов, которые в совокупности помогают понять как историю собственно приходского храма, так и проблемы социального и демографического развития края.

В первую очередь следует определить границы территории прихода. Наглядность обеспечивает использование картографического материала. Основой для реконструкции служит карта А. А. Дунина-Горкавича 1903 г. Самаровский лесничий не только оставил детальное описание региона, но и нанес на карту места расположения многочисленных остяцких юрт и русских поселений, расположенных в бассейне р. Оби.

Состав прихода выявляется по епархиальным справочным изданиям и рапортам настоятелей. Вартовский (Нижневартовский) приход Сургутского благочиния Тобольской и Сибирской епархии включал поселения на р. Оби от Майонских юрт (Мегион) до Калымских

юрт на современной границе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и Томской области, а также нижнее течение р. Вах до устья р. Колек-Еган. Нижневартовский приход находился на территории трех волостей Сургутского уезда — Локосовской, Ларьякской и Нижне-Лумпокольской.

Еще один важный источник — «Тобольские епархиальные ведомости» (далее «ТЕВ»). В этом выпускавшемся каждые две недели периодическом издании нашли отражение самые разные вопросы истории православия на Севере Западной Сибири. Так, интерес представляют опубликованные в официальном отделе каждого номера сведения о вакансиях в приходах епархии и назначениях на должности настоятелей храмов, дьяконов и псаломщиков. Внимательный просмотр всех номеров за время существования прихода позволил восстановить хронологию назначений, перемещений священнослужителей, церковных старост. Подробности биографий, семейного положения членов причта приводятся в клировых ведомостях, хранящихся в фонде Тобольской духовной консистории (Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (ГУТО ГА в г. Тобольске), ф. И-156).

Дополнительные сведения содержатся в материалах инспекционных поездок епархиальных архиереев по Северу Западной Сибири. Они представлены в виде опубликованных на страницах «ТЕВ» дневниковых записей сопровождавшего архиерея секретаря, в которых даются интересные подробности, касающиеся встреч владыки с прихожанами, его впечатлений о храме, выявленных проблемах и путях их решения. В частности, в «ТЕВ» есть информация о поездках 1896 г. и 1911 г.¹, а также иные данные, в основном относящиеся к миссионерской деятельности.

Не меньший интерес имеют обстоятельства, при которых выбиралось место строительства храма, организовывался строительный комитет, утверждался проект. Переписка по этим вопросам хранится также в фонде Тобольской духовной консистории ГУТО ГА в г. Тобольске. Причем если в ходе работы не возникало особых организационно-финансовых сложностей, все происходило быстро и гладко, то и документального материала откладывалось немного. Применительно же к интересовавшей нас теме сложилась иная ситуация.

¹ Лебедев, М., протоиерей. Поездка Преосвященного Агафангела в г. Сургут и далее по рр. Ваху и Югану // Тобольские епархиальные ведомости. 1896. № 17. С. 391–395; № 18. С. 417–419; № 19. С. 443–446.

Храм, освященный в честь преподобного Сергия Радонежского, строился с 1904 по 1908 гг. на левом берегу реки в нынешнем с. Вампугол. Однако в январе 1911 г. он сгорел. Большинство русского населения считало, что церковь следует восстанавливать на прежнем месте. Однако причт настаивал на строительстве на противоположном берегу реки — Нижневартовской пристани. Вопрос стал предметом бурной дискуссии. В ходе обсуждения, продолжавшегося два года, каждая из сторон в поддержку своей позиции высказывала ряд аргументов, в которых содержатся в том числе и подробности жизни местного населения в рассматриваемый период. В конечном счете причт при содействии полиции прибег к голосованию по отдельным селениям. Предпочтение было отдано правому берегу реки¹.

Внешний облик храмов можно восстановить по чертежам, планам, схемам, хранящимся в фонде Тобольского губернского строительного комитета (Ф. И-353). Многие чертежи выполнены на ватмане тушью и раскрашены.

В дореволюционный период на причт возлагался текущий учет населения. Используя статистические материалы, необходимо было охарактеризовать демографические процессы, происходившие в селениях прихода.

Ежегодно священники подавали сводные данные по основным демографическим событиям, нашедшим отражение в метрических книгах. Благочинным эти сведения суммировались. Интерес представляют также и материалы первичной отчетности, хранящиеся в фонде Тобольского губернского статистического комитета (Ф. И-417). В ведомости вносились сведения о времени появления на свет новорожденных, возрасте и поле умерших, возрасте вступивших в брак; указывался месяц, когда брак регистрировался. Таким образом, на основе суммирования указанных данных за ряд лет можно составить представление о движении населения как на территории изучаемого прихода, так и при необходимости — всего благочиния, Севера Западной Сибири. Дополнительные уточняющие сведения извлекались из метрических книг, сосредоточенных в Государственном архиве Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и в архивах местных ЗАГСов.

Какие демографические тенденции и этнографические особенности выявляются на основе указанных источников? Традиционно временем создания новой семьи крестьяне выбирали осень (от Покрова до Филиппова

¹ Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г. Тобольске). Ф. 156. Оп. 18. Д. 828. Л. 44–44 об.

заговенья: 1 октября — 14 ноября), когда заканчивался очередной цикл сельскохозяйственных работ, или зиму — от Крещения до Масленицы. Север Западной Сибири имел здесь свою специфику, отражающую зависимость семейного уклада от рода занятий. Большинство свадеб устраивалось в Нижневартовском приходе в январе-феврале (77 %). Причем безусловное предпочтение отдавалось первому месяцу года (56,5 %)¹. Сходная тенденция наблюдалась и в соседних приходах. Так, в 1914 г. в Сургутском уезде в январе было заключено 52,3 % браков, в феврале — 8,1 %².

Данные по брачному возрасту следует признать достаточно близкими к общероссийским. Супругами становились жители разных селений, располагавшихся как на территории Нижневартовского, так и соседних приходов (Ларьякского, Нижне- и Верхне-Лумпокольского и др.), в чем, вероятно, с одной стороны, сказывался широко распространенный у коренных народов Тобольского Севера обычай экзогамии, с другой — сложность выбора брачного партнера в малоллюдных селениях. Исключения делались при повторных браках, так как в данном случае женщина не являлась уроженкой того места, где она проживала.

Коэффициент рождаемости (число рождений на 1000 населения) в Европейской России в 1903–1907 гг. составлял 47,2, в 1908–1912 гг. — 44,8³, превосходя аналогичные показатели большинства европейских стран. В Нижневартовском приходе при общей численности населения, колебавшейся в диапазоне 500–900 человек, этот коэффициент был еще выше, достигая, по-видимому, не менее чем 50–70 (62,9 в 1917 г.)⁴. Основные факторы, обуславливавшие постепенное снижение коэффициента рождаемости во второй половине XIX–XX вв. (урбанизация, секуляризация общественного сознания, женская эмансипация и др.), на далекой сельской периферии еще не успели заметно сказаться.

¹ Поездка его Преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, Епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Тобольского и Сургутского уездов // Там же. 1911. № 21. С. 487–495.

² Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 254. Л. 29; Д. 239. Л. 18–20; Д. 209. Л. 20; Д. 298. Л. 24 об; Д. 323. Л. 44; Д. 221. Л. 25; Отдел ЗАГС г. Нижневартовска. Метрическая книга за 1916–1918 гг. о родившихся, о бракосочетавшихся, о умерших; Метрическая книга за 1917 г. о бракосочетавшихся, о умерших.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 298. Л. 25.

⁴ Население России в XX веке: исторические очерки. В 3 т. М., 2000. Т. 1. 1900–1926 гг. С. 59.

Внебрачные дети среди православного населения России, по данным на 1910 г., составляли лишь 2,4 %¹. В Нижневартовском приходе эти цифры были почти в 8 раз выше. По статистическим подсчетам, сделанным за 5 лет, из 159 младенцев 18,9 % записаны как незаконно-рожденные. Указанная особенность объясняется, скорее всего, распространением среди коренного населения внецерковного брака, регистрировавшегося старейшинами в соответствии с нормами обычного права.

По христианским обычаям ребенка необходимо было крестить в ближайшее время после рождения, часто на восьмой или сороковой день. По народным представлениям некрещеный младенец особенно уязвим для злых сил. Данные метрических книг за 1917–1918 гг. указывают, что в 90 % случаев население прихода крестило ребенка в течение одного месяца после рождения².

Выбор имени традиционно привязывался к святому, чтимому в день крещения. Однако к решению этого вопроса родители и священник подходили с большей гибкостью. С 1917 по 1918 гг. встречается лишь 7 совпадений дня святого с днем рождения, и 7 — с днем крещения (16,5 %)³. В основном же выбирался святой, с чьим именем был связан один из дней в пределах месяца после рождения или крещения ребенка (около 60 % случаев). Однако встречались примеры, когда ребенка, родившегося в августе, могли назвать в честь святого или святой, чей день отмечался в июне (и наоборот) и т. п. Скорее всего, родители называли младенца именем кого-либо из умерших родственников или же наиболее почитавшегося в семье святого. Упомянутый в этнографической литературе обычай давать имя по святцам в пределах 8 дней до или после рождения⁴ соблюдался в 1917–1918 гг. лишь в 33 % крещений⁵.

При изучении возрастной структуры смертности обращает на себя внимание тот факт, что от общего числа умерших с 1909 по 1918 гг.

¹ Подсчитано по: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 254. Л. 29; Д. 239. Л. 1–2 об; Д. 209. Л. 20; Д. 298. Л. 24 об; Д. 323. Л. 44; Д. 221. Л. 1–1 об; Ф. 425. Оп. 1. Д. 4. Л. 14; Отдел ЗАГС г. Нижневартовска. Метрическая книга за 1916–1918 гг. о родившихся, о бракосочетавшихся, о умерших; Метрическая книга за 1917 г. о бракосочетавшихся, о умерших.

² Отдел ЗАГС г. Нижневартовска. Метрическая книга за 1916–1918 гг. ...; Метрическая книга за 1917 г. ...

³ Там же.

⁴ Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры / Под. ред. Ю. В. Бромлея. М., 1987. С. 398.

⁵ Отдел ЗАГС г. Нижневартовска. Метрическая книга за 1916–1918 гг. ...; Метрическая книга за 1917 г. ...

доля детей до 10 лет включительно составляла в Нижневартовском приходе около 45 %¹. Данная ситуация объясняется слабым развитием медицинского обслуживания, недостатком элементарных медицинских знаний у местных жителей, сложной эпидемиологической обстановкой.

В метрических книгах при фиксации рождений, смертей, бракосочетаний указывалось место регистрации переселенцев, что позволяет в общих чертах проследить направление миграционных потоков на территории Нижневартовского прихода. Выявленные сведения показывают, что районами, из которых шла основная масса переселенцев, являлись: на западе — Тобольский уезд и г. Сургут; на юго-востоке — Нарымский и Томский уезды Томской губернии. Вероятно, для крестьян из мест с более благоприятными природно-климатическими условиями (Европейская Россия, юг Западной Сибири) берега по среднему течению Оби были мало привлекательны. Для жителей смежных с Тобольским Севером уездов переселение не означало принципиального изменения образа жизни и занятий. Для самых предприимчивых это была возможность добиться успеха в крае с богатыми промысловыми ресурсами.

Важно проследить динамику численности населения на территории изучаемого прихода, основой для чего служат изданные статистические справочники², архивные материалы фондов Тобольского губернского статистического комитета и Тобольского окрисполкома (Ф. Р-434).

Можно отметить интересные тенденции развития демографической ситуации в Нижневартовском приходе. Экономическая активность русских, интенсивная эксплуатация рыболовных и охотничьих угодий, вероятно, заставляли коренных жителей уходить с обжитых мест. Число обских угров с 1900 по 1925 гг. в районах появления русских существенно сократилось. В то же время аборигенное население выросло в селениях по р. Вах, находившихся в относительном отдалении от русских сел и деревень. Здесь в восьми юртах численность жителей увеличилась в целом со 142 до 181 человек³. Таким образом, присутствие русских, возможно, было одним из факторов, вызвавших отток аборигенов.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 254. Л. 29; Д. 239. Л. 18–20; Д. 209. Л. 20; Д. 298. Л. 25; Д. 323. Л. 44; Д. 221. Л. 24; Отдел ЗАГС г. Нижневартовска. Метрическая книга за 1916–1918 гг. ...; Метрическая книга за 1917 г. ...

² См., напр.: Тобольская губерния. Список населенных мест по сведениям 1868–1869 годов. СПб., 1871. С. 95–98 и др.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 405. Л. 33–34; Ф. 434. Оп. 1. Д. 188. Л. 70.

В целом же следует указать на высокий информационный потенциал источников по истории приходов Севера Западной Сибири, позволяющих не только изучить состав причта, историю строительства храмовых зданий и проблемы организации приходской жизни, но и раскрыть проблемы социального и демографического развития края на рубеже XIX–XX вв.

Самаровские горы в фольклоре хантов

Лапина Маина Афанасьевна, кандидат исторических наук, г. Ханты-Мансийск

«Самаровская гора» находится в самой западной оконечности Обь-Иртышского водораздела Средне-Обской низменности Западно-Сибирской равнины. Территория характеризуется возвышенным (с высотами до 120 метров над уровнем моря) и рассеченным глубокими логами и оврагами рельефом (1).

Среди хантыйского населения «Самаровские холмы» считаются священными. Поэтому они нашли отражение в фольклоре и верованиях хантов. В космогонических мифах первотворения говорится о том, что «Самаровские холмы» подняла из водных глубин священная птица гагара.

Информация о «Самаровских горах» имеется в трудах Х. М. Лопарева, С. К. Патканова, Н. М. Спафария и др.

Х. М. Лопарев в книге «Самарово», упоминая о «Самаровских горах», пишет: «На правом берегу Иртыша, в верстах 20 от впадения его в Обь, у подножия довольно высоких гор Самаровских: Паленины, Коммиссарской, Филиновой и Романовой, раскинулось село Самарово. Сначала как остяцкие юрты, потом как русский ям...» (2).

События, связанные с историей этой местности, впервые упоминаются в 1582 г. в Кунгурской летописи. Название Самаровского Городка связано с историей вооруженного противостояния остяцкого князя Самара и отряда казаков, сподвижников Ермака. Еще в середине XVI в. в устье Иртыша находились владения Белогорского княжества, здесь правил остяцкий князь Самар, который пользовался большим влиянием среди местных племен, так как владел известным хантыйским святилищем. Городок Самара состоял из двух частей — небольшого селища у подножья горы и укрепленной площадки на вершине восьмидесятиметровой горы, почти отвесно спускающейся к реке. Крепость

была почти неприступной. Центром крепости был Тунк-пох-вош, или *Самар-Вош* (Самаров-Городок), расположенный на высокой горе в 15 верстах от большого устья Иртыша и бывший главным опорным пунктом Белогорского княжества (3).

Городок Тунк-пох-вош связан с именем седьмого и наиболее могущественного сына верховного божества обских угров *Нум-Торума*, более известного под именами *Мир-Вантты-Ху*, *Орт-Ики*, *Ас-Тый-Ики*. В верованиях хантов он является одним из главных божеств, посредником между людьми и высшими божествами. Основная функция *Мир-Вантты-Ху* (Осматривающего Землю) — борьба за справедливость, наказание зла. Он представлен всадником на белом коне. Если люди его призывали на Землю, то для него ставили четыре серебряные тарелочки. Он имеет зооморфный облик — речного гуся.

Место поклонения божеству *Мир-Вантты-Ху* находилось недалеко от с. Троицкого. Информация о месте поклонения этому божеству имеется в трудах Платона Ильича Лопарева. В журнале «Наш край» за 1924 г. он пишет: «В Юртах Проточных, в семи верстах от Троицкого, невидимо обитает *Ун-Урт*, большой бог всех остяков и русских. Ежегодно сюда съезжаются массы поклонников, представителей почти всех туземных народностей Севера, делают «поросты», испрашивают милостей и успехов у *Ун-Урта* на охоту и промысел, богатыми дарами благодарят за прошлое благополучие и удачи» (4).

О божестве *Ун-Урте*, он же *Мир-Вантты-Ху*, имеется множество мифологических сказаний, одно из них записал Платон Ильич Лопарев от жителя Самаровского района Н. А. Курмашина. В сказании говорится, как из колена старой кобылы родился мальчик, которого назвали Тав-Кэт-Сей-Вум-Пох (Лошадиного колена косатый сын). П. И. Лопарев также записал и другую сказку под названием «*Ине-хон*» («Водяной царь»), о белогорском божестве, хранителе рыбных богатств р. Оби и Иртыша, принимающем образ лебедя.

В главном святилище этого духа хранилось его антропоморфное изображение, сделанное из дерева, рядом с ним находился отлитый из железа гусь. На других культовых предметах *Мир-Вантты-Ху* изображался в виде всадника на коне. Позднее в этих местах был построен Троицко-Белогорский погост (5).

Несомненно, эти божества в верованиях и фольклоре хантов занимали одно из главных мест.

Село Самарово имело хантыйское название *Самар-Вош* (Самаров-Городок), иртышские ханты еще называли его *Танат* (Иртышское).

Особенностью хантыйской фольклорной традиции является указание географически конкретной местности: как рек, холмов, так и селений. Это подтверждается и фольклорными материалами местного хантыйского населения. Например, в мифологической сказке «Троитс-Ики» (о Троицком Богатыре), записанной в 1898 г. финским исследователем К. Ф. Карьялайненом от В. Я. Каскина, говорится: «[Троицкий Богатырь] подошел к берегу р. Согом, в воду нырнул. Превратил себя в щуренка с золотой чешуей, давай плыть по течению. По течению доплыл до обильного Иртыша, его белых вод достиг.

— Базьяновского селения женщина и мужчина не заметили бы меня. [Дальше плывет].

— Усть-Иртышского селения женщина с мужчиной не заметили бы меня» (6).

В оригинале данного сказания говорится о селении «Иртышском», Н. И. Терешкин перевел его как «Усть-Иртышское». Возможно, оно имело и такое название, так как «Самаровские горы» называли еще и «Усть-Иртышскими», поэтому и селение могло называться Усть-Иртышским.

В героическом сказании «Богатыри города Эмдэра», записанном С. К. Паткановым в 1888 г. в Ескинских юртах Верхне-Демьянской волости, говорится о пяти братьях-богатырях города Эмдэра, которые отправились за невестой, и, кроме одного из них, остальные погибли в схватке с братьями невесты. В сказании названы несколько вершин Самаровской горы, на которых погибли братья-богатыри:

Когда мы добрались до высокого мыса Самаровской «горы»
И мой брат [Долго-Сушеную-Конскую-Спину-Раздробивший-Богатырь]
Со своими двумя оленьими быками взбирался вверх,
Подобно тому, как карабкаются летние белки,
Они, догнав нас на славных крылоногих животных
(мужа) полуденной страны,
Окровавленного мужа две половины тут положили (7).

Другой брат Эмдерских богатырей погиб «на высоком мысу Сарайской «горы». Третий брат погиб на «высоком мысу «горы» Тюнка». Только одному из братьев удалось выжить в этой схватке.

Названные в героическом сказании «Богатыри города Эмдэра» высокий мыс гор «Сарайской» и «Тюнка» сохранились только в фольклоре, больше они нигде не встречаются, а название «Самар унт вун тый»

(Самаровской горы) до сих пор сохранилось. Поэтому можно сказать, что «Самаровские горы» старше, чем данное героическое сказание, и что эти горы называются не именем князя Самара, а князь Самар носит имя той местности, где он жил. В традиционной культуре хантов часто жители получали имена той местности, где они жили, что и подтверждается фольклорными источниками.

В верованиях хантов места, где велись сражения, погибали богатыри, являются священными, поэтому и «Самаровские горы» для хантыйского населения священны. Обнаженные части гор ханты называли «*Санхум венш*» («Лицо холма»). К таким холмам нельзя было близко приближаться, а тем более подниматься по ним. Считается, что это лик местного божества. Женщинам не принято было смотреть в сторону «*Санхум венш*», по отношению к обнаженному холму они соблюдали обряд избегания, поэтому лицо и волосы закрывали платками.

Памятник природы «Самаровский останец» — это крупные глыбы палеоценовых пород, получившие название «Самаровский ледниковый отторженец». Эти обнаженные части «горы» всегда привлекали людей. В середине 1990-х гг., во время международной научной конференции, группа ученых пожелала сфотографироваться у подножья «Самаровского останца». Их повезли туда на автобусе. При подъезде к горе автобус забуксовал и не смог сдвинуться с места. Тут ученые-ханты вспомнили о предназначении горы и вернулись назад.

Сейчас появились новые легенды о «*Санхум венш*». Будто они связаны с женским божеством обско-угорского населения «Золотой бабой». Что отблески смолы деревьев хантами принимались за слезы «Золотой богини», поэтому они здесь поклонялись ей. Пока никакие источники не подтверждают эту версию. Местному населению нельзя было без особой необходимости приближаться к обнаженным склонам гор, а издали невозможно было разглядеть смолу деревьев. Тем более что смола стекает по стволу дерева, а ствол прикрыт ветками. Требовалось очень много смолы, чтобы увидеть этот блеск издали.

В фольклорной традиции хантов также нашли отражение события, связанные с приходом Ермака. Например, «Сказка о встрече и дружбе Ермака с хантыйским князем». В содержании сказки имеются отголоски покорения хантыйского населения русскому царю. Н. В. Лукина в 1971 г. в с. Забегаловка Томской области записала другое «Предание о Ермаке», в которой Ермак приходил к хантыйскому богатырю в Колпашево. И они составили грамоту об отклонении от военной службы

остяков. В этом предании Ермак олицетворяет русских казаков; в действительности же он не был у Колпашево (8).

«Самаровские горы» находятся в живописной местности, поэтому они вдохновляли на творчество не только древних хантыйских сказителей, но и современных писателей и поэтов. Например, хантыйский поэт Микуль Шульгин посвятил горам свое стихотворение «Горы у Ханты-Мансийска». Он пишет:

Я люблю Самаровские горы
 Всей душой.
 Виден с них родной и близкий город
 Небольшой... (9).

Итак, «Самаровские горы» нашли отражение в древних фольклорных произведениях, а также в религиозных верованиях хантыйского населения. Сила, энергетика данной местности объединяла хантыйское население, которое расселилось на большой территории Северо-Западной Сибири. Ханты-Мансийск, который расположен на «Самаровских холмах», и в наши дни привлекает многих людей, став многонациональным окружным центром. Так древняя история края связана с современностью.

Литература

1. Природный парк «Самаровский чугас» // Памятник природы «Ханты-Мансийские холмы» [Электронный ресурс] / адм. Ханты-Мансийск. авт. окр. — Ханты-Мансийск, 2011. — Режим доступа: http://www/admhmao/ru/obsved/priroda/pr_parki/sam_chug/xolm.htm. — Загл. с экрана.
2. Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа : хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень : Софт-Дизайн, 1997. — С. 1.
3. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней : учебник для старших классов. — Екатеринбург : Волот, 1999. — С. 145.
4. Лопарев, П. Поклонение Ун-Урту // Наш край. — Тобольск, 1924. — № 1. — С. 3–10.
5. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н. В. Лукиной. — М. : Наука, 1990. — С. 19.

6. Karjalainen, K. F. Der Troits-Alte und seine Tochter / Sudostjakische Textsammlungen / Neu transkr., bearb. und herausg. von E. Vertes. — Helsinki : Suomalais-ugrilainen seura, 1975. — В. 1. — С. 108. [на нем. языке; хант. тексты с нем. пер.].
7. Патканов, С. К. Сочинения в 5 томах. — Тюмень, 2003. — Т. 5. — С. 292.
8. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н. В. Лукиной. — М. : Наука, 1990. — С. 179.
9. Шульгин, М. И. Мави Ас (Медовая Обь). — Ханты-Мансийск, 2009. — С. 240.

Петр Николаевич Шеймин как деятель просвещения

Белобородов Валерий Константинович, журналист, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, г. Ханты-Мансийск

Петр Николаевич Шеймин был, по-видимому, первым из коренных самаровцев, кто получил гимназическое, а затем и университетское образование. Шеймины — один из наиболее заметных самаровских родов, начинали они как ямщики, затем стали весьма состоятельными торгующими крестьянами. Отец Петра Николаевича Николай Григорьевич Шеймин, по свидетельству Х. М. Лопарева, имел интерес к учению и в конце первой половины XIX в. был одним из немногих грамотных самаровцев. И, заметив способности у сына, в 1870 г. отвез Петра в Тобольскую гимназию.

Совершенно необычная судьба сложилась у этого выходца из рыбацкой семьи, в его лице Самарово выпустило жизнеспособный росток в интеллигентскую среду Европейской России. Х. М. Лопарев в книге «Самарово» писал: *«Мой друг П. Н. Шеймин кончил курс гимназии в 1879 г., поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в 1883 г. с золотой медалью, полученною им за конкурсное сочинение «Паспортная система в России»; ныне он состоит приват-доцентом в Новороссийском (в Одессе) университете по кафедре полицейского права»* (Лопарев Х. М. Самарово: село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом с картой, планом и шестью видами. Спб. 1896. С. 45).

Долгое время иных источников сведений о П. Н. Шеймине мы не знали. Обращались в Одесский университет с просьбой прислать биографическую справку, но ответа не получили. И лишь несколько лет

назад удалось познакомиться с фондом Х. М. Лопарева в Петербургском филиале архива РАН, в деле № 538 которого хранится 52 письма Шеймина к Лопареву. Эти письма дают нам возможность бегло проследить жизненный путь нашего земляка-самаровца — к сожалению, не до конца.

Шеймина и Лопарева многое связывало как в годы учебы в университете, так и после его окончания. Из Петербурга Петр писал Хрисанфу о студенческой жизни, изъявлял готовность встретить и поддержать Хрисанфа в случае его поступления в университет. Позднее они имели близкое общение в Петербурге. Оба окончили университет с медалями за конкурсные работы, к обоим проявлял интерес бывший тобольский окружной исправник А. П. Дзерожинский, способствовавший поступлению Лопарева в гимназию, оба опубликовали свои статьи в 41-м номере газеты «Восточное обозрение» в 1895 г. Переписка возобновилась после отъезда Шеймина в Одессу. Петр сообщал о своих университетских делах, просил о присылке необходимых книг, разных других дружеских услугах.

Поселившись в Одессе в 1886 г., Шеймин преподавал студентам право, писал магистерскую диссертацию. В 1889 г. послал ее текст Лопареву, попросив сделать поправки, что тот, отличавшийся безусловной обязательностью, и исполнил. Разрабатывал учебные курсы, в 1893 г. участвовал в переписи населения Одессы, читал публичную лекцию о переписях.

Пытаясь отыскать новые для меня сведения о П. Н. Шеймине, несколько раз заглядывал в Интернет — сначала безуспешно, но позднее удалось найти некоторые сведения об его деятельности в одесский период жизни. Обнаружилось, что в эти годы он писал учебники (Учебник права внутреннего управления (полицейского права). [Соч.] П. Шеймина, прив.-доц. Новорос. ун-та. Вып. 1–9. СПб. 1891–1897. 9 т. ; Полицейское право : лекции прив.-доц. П. Н. Шеймина. 1887–1888 ак. г. — Одесса, 1887), научные труды (Полицейская борьба с нарушителями общественной безопасности по германскому праву : ист.-юрид. исслед. Петра Шеймина. — Одесса, 1889; Закон, обычай и цыгане // Журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. — 1898. Кн. 7. (Сентябрь). С. 58–93), занимался переводом с немецкого языка юридической литературы — трудов Г. Мейера, Э. Ленинга, Л. Иолли.

Одесская жизнь, по-видимому, чем-то не устраивала Шеймина. В письме к Лопареву 5 февраля 1897 г. он просил: *«Буде узнаешь что-либо*

положительное в Министерстве народного просвещения об открытии юридического факультета в Томском университете, сейчас мне черкни для соображений». В 1900 г. Шеймин оставил Одессу и «получил профессорство в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства в Люблинской губернии», близ Варшавы.

Этот переезд знаменует собой важный поворот в судьбе Петра Николаевича: здесь он, служа в институте, «заболел» делом народного просвещения. Шейминская порода, ее энергия, предприимчивость, жизненная стойкость проявились в совершенно новых условиях и в иной сфере деятельности. Уже в 1903 г. он руководил частным четырехклассным училищем с программой казенных гимназий и намерен был идти дальше, так как министр народного просвещения дал разрешение на открытие гимназии. В 1906 г. гимназия в Новой Александрии открылась. Письмо к Лопареву от 2 августа 1907 г. имело на конверте оттиснутый в типографии штамп: «П. Н. Шеймин, адъюнкт-профессор института сельского хозяйства и лесоводства в пос. Новая Александрия, учредитель частной с правами правительственных мужской гимназии».

В 1910 г. Шеймин добился перевода гимназии из Новой Александрии в Варшаву. В 1915 г. состоялось семь выпусков шейминской гимназии: четыре в Новой Александрии и три в Варшаве, окончили курс около 200 учащихся.

Организация учебного дела временами давала Шеймину почувствовать на себе силу неблагоприятных обстоятельств. Он их не боялся. 2 августа 1907 г. Петр Николаевич писал Лопареву: «Кандидатов ловлю в гимназию мою вдоволь. Здесь времена забастовки поставили меня в такое положение, что я принужден был сделать из училища, потом и гимназии долгов 5 тысяч рублей. Словом, меня описали и вычитали за долги 1/3 жалованья. Но в 1906/7 учебном году дела поправились: я уплатил 3 тысячи рублей, а две уплачу в августе и буду иметь хорошее чистое, без долгов, дело...»

Из письма от 1 января 1912 г.: «В прошлом учебном году я понес на Варшавской гимназии большой убыток, ибо 60 учеников-евреев, учившихся в моей бывшей Новоалександрийской гимназии, министерство не пустило в мою Варшавскую гимназию. Отсюда убыток в 12–14 тысяч рублей. Кроме того, гимназия сделала около 15 тысяч рублей долга. В текущем году из 15 тысяч рублей... долга останется 3–3 1/3 тысячи рублей на будущий год. В прошлом учебном году было 200, ныне 260, да еще на днях примем около 20 учеников. Кроме того, с окончанием

в 1911 г. школьного бойкота русских учебных заведений поляками число учеников-поляков все более и более увеличивается».

19 июня 1913 г. Шеймин писал Лопареву из Новой Александрии: «В мае месяце у меня было много забот о гимназии. В текущем году моя Варшавская гимназия делала первый выпуск... Все 11 учеников VIII класса получили аттестаты зрелости; в числе их и Созонов, племянник министра иностранных дел Созонова; три ученика получили серебряные медали. На будущий учебный год предстоит блестящий выпуск.

Предстоявшая война с Австрией чуть-чуть не натворила мне бед. И Новая Александрия, и Варшава находились бы тогда под первыми выстрелами. Но уже одна угроза войны вызвала здесь сильный финансовый кризис, который отозвался и на мне тяжело. Я вел и веду дело гимназии, пользуясь кредитом в 7–8 т[ысяч] р[ублей]. Вот этот кредит в 7–8 т. р. мне и закрыли благодаря угрозе войны. Теперь политические отношения успокоились, и я восстановил кредит. [...] В гимназии 8 основных классов, параллельные отделения при первом и втором классах и подготовительный класс. Всех учащихся 320. Преподавателей 25 человек. Гимназия пока дохода чистого не дает. Она находится в самом центре Варшавы, именно на Театральном плацу около Большого театра. [...]

В этом году имел еще столкновение из-за гимназии с учебным округом, который это столкновение довел до Министерства нар[одного] просвещения. Г[осподин] министр нар. пр. Л. А. Кассо сам разбирал дело и привел учебный округ к «одному знаменателю», т. е. стал на мою сторону. Ох уж эта «кураторская канцелярия». Недаром поминал ее худыми словами сам Ломоносов и терпеть не мог Миллер, историограф Екатерины В[еликой]».

До июля 1914 г. учредитель гимназии Шеймин состоял профессором института сельского хозяйства и лесоводства по кафедре общего законовещения, сельскохозяйственных и лесных законов, имел приличное жалованье, чин статского советника и уже выслужил пенсию, но вовсе не думал оставлять удачно развивавшегося дела. Беспокойства и неприятности не отбивали у него охоты к рискованным затеям. Петр Николаевич намеревался, выслужив тридцатилетний срок, в 1914 г. оставить службу. В письмах к другу он делился новыми замыслами: открыть среднее мужское земледельческое училище, двухлетние юридические курсы, коммерческий институт в Варшаве. Но все спутала начавшаяся первая мировая война.

В июле 1915 г. П. Н. Шеймин вынужден был покинуть Варшаву, бросив имущество на произвол судьбы и отдав ключи от гимназии

и квартиры управляющему домом. Попечитель Варшавского учебного округа князь Куракин предложил ему переехать в Москву и открыть там гимназию для детей беженцев. Шеймин решил эту непростую задачу. Новая гимназия открылась на Садово-Спасской улице у Сухаревой башни в здании гимназии П. Н. Страхова. Занятия удалось начать только 28 сентября по старому стилю, проходили они во вторую смену с четырех часов дня до девяти вечера. 190 учащихся собрались из разных средних учебных заведений Варшавского, Виленского, Киевского и Рижского учебных округов, вытесненные из родных мест Первой мировой войной. Петр Николаевич, учитывая трудности семей беженцев, уменьшил плату за обучение. В учебной программе была такая интересная деталь: для желающих предлагался курс польского языка.

Шеймин и в этих экстремальных условиях оставался верен себе. 16 сентября 1915 г. он писал Лопареву: *«Если я здесь настрою гимназию, то здесь же открою и другие свои уч[ебные] заведения. В Варшаве уже так настраивалось дело, что я мог открыть свое высшее уч. заведение «Коммерческий институт». Но, увы, Вильгельм мерзопакостный разбил все мои планы! Ну, я не унываю»*. Шеймин задумывал с мая 1916 г. открыть в Москве частное высшее четырехклассное училище для детей беженцев, частные общеобразовательные курсы для взрослых обоего пола и частные же специальные курсы среднего и низшего разрядов. Разрешение на их открытие было получено еще в Варшаве в мае 1915 г. Для беженцев, раненых воинских чинов и их детей, для военнослужащих Шеймин также устанавливал льготную плату за обучение. Он полагал необходимым в условиях войны не прекращать забот об образовании. Кроме того, Шеймин возбудил ходатайство перед попечителем Московского учебного округа об открытии в Москве учебно-педагогического просветительного кинематографа.

Осуществились ли эти планы и какой была дальнейшая судьба Петра Николаевича Шеймина — пока неизвестно. Хочется надеяться, что чей-то настойчивый поиск даст новые сведения об этом незаурядном человеке. Есть перспектива найти их в Российском государственном историческом архиве — в фондах Варшавского и Московского учебных округов и Главного управления землеустройства и земледелия, в ведомстве которого находился Ново-Александрийский институт.

Литературное краеведение на примере романа Федора Кабарина «Самарьяне»

Калемина Юлия Владимировна, специалист научно-методического центра АУ ДПО ХМАО-Югры «Институт развития образования», г. Ханты-Мансийск

В настоящее время нет ни одного региона России, где бы не были опубликованы диалектные словари различных типов. XX в. в нашей стране ознаменовался всеобщей грамотностью, и это радикально отразилось на судьбах русских народных говоров. Со второй половины XX в. происходит всеобщее нивелирование диалектного языка под влиянием нормированного литературного языка.

Участники полевых экспедиций по этой причине привозят все меньше и меньше оригинального диалектного материала, т. е. источники поставления фактов диалектного языка в науку начинают иссякать. Но ученые нашли новый источник — художественные произведения писателей, выросших и воспитавшихся в диалектном языковом окружении и богато использующих сокровища народного языка в своих произведениях.

Например, в Сибири глубоко изучается творчество Виктора Астафьева, Василия Шукшина, Валентина Распутина, на Дону — Михаила Шолохова, на Севере — Василия Белова, Федора Абрамова. Уже созданы словари языка их произведений, в которых отражены все типы диалектизмов.

Счастливая находка во время одной из диалектологических практик — роман Ф. В. Кабарина (настоящая фамилия Кобылин), нашего земляка, патриота Югры. Его произведение «Самарьяне» народно уже по тематике, изображает сибирскую деревню.

Кафедра филологии Гуманитарного института Югорского государственного университета ежегодно посылает студентов на диалектологическую практику, в том числе в Цингалы, Тюли. На практике мы открыли для себя неожиданную и интересную вещь: в Тюлях родился, а в Цингалах работал Федор Васильевич Кабарин, ставший заметным советским писателем, но, к сожалению, уже будучи жителем центральной России. Однако он не забыл своих корней, и самое значительное его произведение посвящено землякам, истории Югорского края на рубеже XIX–XX вв.

Родился Федор Васильевич Кабарин в начале века в д. Тюли Ханты-Мансийского района. На снимке 1930-х гг. «изображен благородного вида молодой мужчина в гимнастерке. Лицо писателя в полупрофиль притяги-

вает строгой озаренностью. Необыкновенную чистоту и ум излучал этот человек». Его роман «Самарьяне» вышел в Саратове в 1964 г. 15-тысячным тиражом. Популярный в 1960-е гг., он стал теперь редкостью. Автор, похороненный в Саратове, забыт на родном Севере.

Самарьяне в романе — жители Самарово, нынешнего Ханты-Мансийска, а также близлежащих деревень. Самарьяне, по замыслу автора, равно «северяне» и «самаряне». Увлекательный роман посвящен крестьянской жизни прииртышского населения. Главный герой — семнадцатилетний Сергей Былин в годы «германской» вступает на путь революционной борьбы. Активно участвует в становлении на его родине Советской власти, в организации первого Совета в своем селе, названном автором Усть-Кондинском.

Замечу, что все топонимические приметы края, где происходит действие, сохранены. Нахрачи, Болчары, Согом, Реполовский, Базьяны, протока Ярлинская, р. Конда и другие названия оставлены Кабариным в художественной ткани его большого произведения. По названиям населенных пунктов образованы фамилии большевиков: Сургутов, Батов, Самарин, Белогорцев.

В романе присутствуют такие интересные названия профессий и занятий, как бакенщик, прасол, башлык (руководитель артели), нормировщик, капитан, механик, профессиональные революционеры, дружинники, столяры-краснодеревщики, подрядчики, церковные старосты, псаломщики, потомственные купцы. Все это — яркая иллюстрация к социальному устройству предреволюционного села.

Большинство жителей Усть-Кондинска занималось обычными для севера промыслами: рыболовством, скотоводством, охотой, прирабатывали на сплаве строевого леса и дров, на поставках сена, заготовке ягод и кедровых орехов.

Главные герои романа: Сергей Былин, его дед Митрич, бабушка Паруша, прозванная за худобу Шушкой, Пелагея Орехова, Яков Кукленок, его дети — Куклята, Никодим Хозяюшкин по прозвищу дед Унта, Фомка Спирькин, Петрован Ширков, Платон Воронков, Антонида Воронкова, Зиновий Чухловаров, Лаврентьич, Флегонт, Авдотья Макова, Полина.

Этот перечень имен возвращает нас в начало XX в. и показывает, какие имена, в отличие от современности, бытовали в то время в Сибири.

Заметны в тексте интересные бытовые и промысловые диалектные термины: завозня, чирок, пятистенник, режовка, белкование, сукманный шабур, братан, берданка, вспомогнул, ругачка, уккрышка, зауголь-

ничать, тетерка, дратва, кенчик (шерстяной носок), гоношиться, плес, курья (залив), приплекток (песчаная бровка), сор, сомлеваться, косач, чуется (дым) и др.

Речь персонажей характеризует героев произведения с точки зрения их социальной принадлежности. Например, речь крестьянина:

— Ну-ко, высунь язык вдругорядь, тертая подстилка! Всю рожу раскровеню.

Речь специалиста-профессионала (механик):

— Условились, что он сойдет на ходу. Сегодня ночью приходите на корму, поговорим. Ровно в двадцать четыре ноль-ноль...

Речь образованного человека:

— Благодарю вас, Дарья Ильинична. Непременно воспользуюсь любезным приглашением, если позволят обстоятельства.

Речь революционера:

— Все затаились. Павел Батов укрывается неподалеку отсюда, на Змеином острове. Аксен Сургутов живет нелегально в Дальнем Согоме. Вот где Белогорцев, — не слышать.

Поскольку автор пишет в основном о жизни сельского населения и периферии города, в его произведении встречается очень много диалектизмов, например:

- зряшный народ — ненужный, презираемый;
- скрадом — украдкой (Дружки пошли скрадом, прячься за мелко-лесье);
- ерепениться — капризничать, упрямиться (Нечего ерепениться);
- омет — большой стог (На твоём дворе омет сена в запасе);
- поньжи — накидные сетки (Пока притаяло, двумя поньжами добыли около полсотни красногрудых);
- супряги — общие дела (Сколько раз тебе говорил: не ввязывайся ни в какие супряги, а ты свое);
- Прикрыла рот платочком, кхекнула и подалась вперед.
- голец — голый берег без растительности (Ударяясь о Пагилевский голец и разрываясь на два рукава, Иртыш снова обретает свою нормальную окраску);
- курья — продолговатый речной залив (Потом открылась заводь Кашаевской курьи, напомнив погоню за неводником Чухловарова);
- ветошь — старая прошлогодняя трава (Огонь перекинулся из-под котелка на «перину» многолетней ветоши);
- занатринка — раковина или иной изъян в ружье (Время теперь с острыми занатринками);

- жакан — вид заряда в ружье (Чтобы все знали и поздравили жаканом в затылок?);
- гузны — средний шов в брюках (Взяли брюки в плен чужие — в гуз-нах распоролся);
- хмарь — марево жарким летом (Горячие безветренные хмари тронули золотыми метинами кроны тополей).

Вниманию читателей предлагаются образцы статей, отражающих диалектную лексику и фразеологию романа в «Опыте словаря русских старожильческих говоров Нижнего Прииртышья и Приобья»:

- БЕДА БЕДУ НАГОНЯЕТ, ГОРЕ ГОРЕМ НАКРЫВАЕТ. Беда не приходит одна. — Ох-хо-хонюшки, — вздохнула Дарья, направляясь на улицу покликать Ильку. — Беда беду нагоняет, горе горем накрывает... (Тюли, Ханты-Мансийский район).
- ГОНОШИТЬСЯ, усь, ишься, несов. Суетиться, делать что-либо то-ропливо, озабоченно. — Чего, Платон, гоношишься? Будто тебе на ногу наступили (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- ЖИЛЫ (ВЫ)ТЯНУТЬ. Добиться своего, взять измором. — Умаслить бы самое-то, а она уж из Митрича жилы вытянет (Тюли, Ханты-Мансийский район).
- ЗАКУРЖАВИВШИЙСЯ, прич. Заиндевелый. — А вскоре между закуржавившихся ракиит показался и сам стрелок с тремя куропатками в руках (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- МАХРИНКА, и, ж. Бахрома по краю кружев. — Да исподницу-то кружевную надень так, чтобы махринки из-под платья выглядывали (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- ОБЛИТЬ ПОМОЯМИ. Оболгать, обругать. — А то и взаправду Авдотья начнет обливать помоями (Тюли, Ханты-Мансийский район).
- ОБСКАЗАТЬ, у, ешь, сов. Рассказать. — Обскажу все Лаврентьичу (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- ОТЛОПАТИТЬ, у, ишь, сов. Избить. — Отлопатил ты их правильно (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- ПОПЕРЕЖЬ, предл. Перед, впереди. — О Зиновье попережь тебя подумал (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- ПРИСТУПОК, а, м. Ступеньки. — Пристав устало опустил на приступок крыльца, скрежеща зубами (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: разг.
- САМОКРУТКА, и, ж. Самодельная папироса. — Платон, свертывая самокрутку, поглядывал на обоих (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: прост.

- СИТЦЕ, а, ср. Ситечко. — Золоченое ситце для процеживания чая (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- УДУМАТЬ, аю, аешь, сов. Решить. — Ты чего удумал бушевать в моем доме? (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: прост.
- УПРЕДИТЬ, у, ишь, сов. Предупредить. — Я упреждал тебя, Михай, — приободрился Унта, увидев под навесом Олеху (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: прост. и устар.
- ХРИСТОПРОДАВЕЦ, а, м. Тот, кто продал Христа, человек без чести, безнравственный, обманщик, мошенник. — А ты возрадовался, христопродавец! Может, твое осиное гнездо и навело пристава на след (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.
- ЦОКНУТЬ, у, ешь, сов. Выстрелить, застрелить со звонким звуком выстрела. — Нагрянул пристав, и коленки у всех затряслись, — укоризненно произнес Сережка. — Взять бы обоих на мушку и цокнуть разом (Тюли, Ханты-Мансийский район). Ож[егов]: нет.

Проведенный анализ художественного текста показал, что автор умело пользуется всем богатством родного языка: его литературной разновидностью и безграничным богатством диалекта, в окружении которого он родился и вырос. Федор Васильевич давно умер, но результат его труда жив, книга читается с интересом, а диалектизмы пополняют «Словарь русских старожильческих говоров Нижнего Прииртышья и Приобья», над которым работает кафедра филологии Гуманитарного института Югорского Государственного университета. Значительный пласт диалектной лексики в романе позволяет точно и правдиво отразить жизнь северян-сибиряков в начале XX в.

Письма тоболяков в фонде Г. Н. Потанина (научная библиотека Томского государственного университета)

*Мандрика Юрий Лукич, кандидат филологических наук, журналист, книгоиздатель,
г. Тюмень*

Творчество Г. Н. Потанина, пожалуй, самого знаменитого сибиряка XIX в., до сих пор занимает исследователя. Оставленное Григорием Николаевичем наследие столь велико, разнообразно и столь сильно

разбросано по различным хранилищам страны¹, что, наверное, еще не одно поколение историков будет пытаться осознать масштаб личности великого ученого.

Вызывает удивление объем сохранившегося эпистолярия. Множество адресатов, знание нюансов издания провинциальной прессы, мощный интерес к этнографии инородцев — все это подчеркивает значимость фигуры Г. Н. Потанина для сибиряков. Но даже поверхностное знакомство с изданным в Иркутске пятитомником² его писем раскрывает неполноту замысла составителей эпистолярия.

Тому есть подтверждение. Опубликованные недавно письма редактора «Сибирского листка» В. Ф. Костюрина³, М. А. Рылова и первого тюменского издателя А. А. Павлова⁴ к идеологу сибирского областничества говорят о том, что стороны поддерживали отношения. Однако ни одно из посланий Г. Н. Потанина в адрес вышеназванных журналистов не только не попало в иркутское издание, но пока и не обнаружено. Плохая сохранность получаемых писем, по мнению краеведа В. К. Белобородова, не более чем «штрих к характеристике сельского мира»⁵. И с этим можно было бы согласиться, если бы вышперечисленные жители являлись жителями не Самарова, а пусть и небольших, но городов Тобольской губернии — Тобольска, Тюмени, Ишима.

Публикация Т. С. Комаровой шести писем Н. Л. Скалозубова к Г. Н. Потанину⁶, сохранившихся в Красноярском краевом краеведческом музее, предполагает, что губернский агроном вряд ли мог потерять послания от крупнейшего этнографа⁷ того времени. Но в ир-

¹ См.: Колосова, Г. И. Фонд Г. Н. Потанина в научной библиотеке Томского государственного университета // Вестн. Томск. гос. ун-та, сер. «История». 2011. № 2. С. 29–33.

² Письма Г. Н. Потанина / сост. А. Г. Грумм-Гржимайло, С. Ф. Коваль, Я. Р. Кошелев и др. Иркутск, 1987–1992. Т. 1–5.

³ Комарова, Т. С. Из переписки М. Н. и В. Ф. Костюриных с Г. Н. Потаниным // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 2004. Вып. IV. С. 290–298, 303–308.

⁴ Материалы к биографии Михаила Анфимовича Рылова / публ. и коммент. Ю. Мандрики // Лук & Чок. 2008. Вып. 2. С. 133–158; Материалы к биографии Андрея Арсеньевича Павлова / публ. и коммент. Ю. Мандрики // Лук & Чок. 2008. Вып. 2. С. 159–167.

⁵ Самаровский петербуржец : письма сибиряков к Х. М. Лопареву. Ханты-Мансийск, 2008. С. 15.

⁶ Письма Н. Л. Скалозубова к Г. Н. Потанину / публ. и коммент. Т. С. Комаровой // Лук. 2011. Ч. 3. С. 131–144.

⁷ Судя по публикациям «Подорожника» (см., напр., вып. 7, 10), неизвестные краеведческому миру письма самого Н. Л. Скалозубова еще удастся находить.

кутском пятитомнике нет ни одного письма, адресованного депутату II и III Государственной думы от Тобольска Н. Л. Скалозубову.

Объяснить факт можно лишь одной причиной: у данного мифа есть автор. Кто изъял из переписки тоболяка с идеологом сибирского областничества письма последнего? То, что составители «Писем Г. Н. Потанина» работали во многих фондохранилищах страны, факт известный. Но могли ли они подвергнуть идеологической цензуре какую-то часть эпистолярия знаменитого сибиряка? Учитывая, что имя Н. Л. Скалозубова не было на слуху у советских историков ни как нарицательное, ни как знаковое для своего времени, этого не должно было случиться. Но, если делать вывод по сохранившимся в архиве литературы и искусства письмам Г. Н. Потанина к М. Н. Костюриной, положительный ответ напрашивается сам собой, так как потанинские письма, адресованные редактору «Сибирского листка», почему-то в пятитомник не попали.

Почему иркутские историки решили сузить представление аудитории о круге сибирской интеллигенции, общавшейся с Григорием Николаевичем? Только ли потому, что в научных кругах стремительно возрождался миф (особенно это заметно в последние десятилетия по публикациям М. В. Шиловского) о сибирском областничестве?

Г. Н. Потанин писал Марии Николаевне 6 ноября 1905 г. из Челябинска: *«Я очень огорчен тем обстоятельством, что Тобольская губерния не может организовать группу областного Сибирского союза. Такие группы образовались в Красноярске, Иркутске, Семипалатинске, Барнауле, даже в Бийске... Ответственность за это лежит на «Сибирском листке», редакция которого не проявила никакой областной деятельности... поправьте дела, постарайтесь съорганизовать хоть небольшую областническую группу, которая хотя бы имела видимость органа, на который можно было бы смотреть как на суррогат земства»¹.*

С точки зрения историков, по времени уже не советских, Г. Н. Потанин не мог быть строителем потемкинских деревень. И кропающие на скрижалях вехи нашего бытия попытались скрыть одну из граней общественной жизни. Но такой подход к формированию репертуара эпистолярия мог иметь еще одну причину, на мой взгляд, сугубо местническую. Составители пятитомника заботились лишь

¹ РГАЛИ. Ф. 1637. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 7–7 об.

о популяризации той части Сибири, в которой жили сами¹. Этому есть красноречивое подтверждение: фамилия Н. Л. Скалозубова не попала² даже в комментарии.

То, что Г. Н. Потанин писал Н. Л. Скалозубову, подтверждает сам Григорий Николаевич. В апрельском письме к А. Н. Пыпину за 1895 г. он сообщает, что Н. Л. Скалозубов по его просьбе прислал несколько экземпляров своей статьи «Красноуфимский народный календарь», опубликованной в «Адрес-календаре и памятной книжке Пермской губернии на 1894 год»³.

Именно развитое местничество у сибиреведов заставило обратиться к просмотру фондов Г. Н. Потанина. Поиск новых документов тоболяков XIX в. должен был приоткрыть, как точно сформулировал все тот же В. К. Белобородов, «живую, достоверную картину повседневности, если в чем-то и тенденциозную, то не в такой степени, как в трудах историков...»⁴

О положении Г. Н. Потанина в иерархии общественной жизни Сибири конца XIX в. хорошо сказал в своих воспоминаниях уроженец Тюмени Г. Баитов, редактор томской «Сибирской жизни»: «...несмотря на общественный вес, чины и связи с высшей администрацией, Высоцкий был в политическом отношении у губернской и местной жандармской власти на весьма плохом счету. Ему приписывалось сношение с видными политическими ссыльными в Сибири, начиная чуть ли не с Бакунина и Чернышевского, ему инкриминировалось сочувствие народолюбцам 70-х годов, его обвиняли в помощи беглым политикам по т. н. «сибирской веревочке» и, наконец, ставилось в вину, что он в своей ти-

¹ Мне уже приходилось писать о томских историках, приписывающих в угоду канонизированным советской наукой диссертационным заветам своему краю появление первой частной газеты в Западной Сибири. Хотя не «Сибирской газетой» открывается ряд негосударственной периодики: в 1879 г. в Тюмени К. Н. Высоцким издавался «Сибирский листок объявлений». — См.: Акценты: новое в массовой коммуникации. 2005. № 5–6. С. 103–104.

² Иркутянами, несомненно, проделана огромнейшая работа по написанию комментариев. Этот труд был достаточно непростым, поскольку большинство упоминаемых в письмах фамилий относят к разряду, по терминологии издателей, неустоявшихся имен. Часть сведений, приведенных в пятитомнике, уже нуждается в основательной корректировке. Но в большинстве комментариев к «Письмам Г. Н. Потанина» его авторы были и до сих пор остаются пионерами.

³ Письма Г. Н. Потанину. — Иркутск, 1990. — Т. 4. — С. 287.

⁴ Самаровский петербуржец : письма сибиряков к Х. М. Лопареву. — Ханты-Мансийск, 2008. — С. 15.

пографии печатает по ночам разные революционные прокламации для какой-то столичной организации. Кроме того, ему ставилось в вину, что в его доме образовался какой-то странноприимный дом для разных (выделено мной. — Ю. М.) Потаниных, Ядринцевых...»¹ Признавая, что Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев «оставили в жизни Сибири неизгладимый след», Г. Б. Баитов все-таки в контексте с фамилией Высоцкого поставил впереди этих двух значительных имен определение «разные». Да, к слову сказать, сам Ядринцев для газеты «какого-то» (выделено мной. — Ю. М.) Высоцкого², архивы о котором не сохранили ни строки, писал программу.

Когда наша регионалистика потеряла людей, названных Г. Баитовым «культурными одиночками»? Может, в годы издания словаря революционеров, который на долгие годы предписал советской цензуре ограничивать сведения о тюменском первопечатнике рамками трех невразумительных строк³ о нем? И с тех пор мы так и живем с оглядкой на тот петит. Той самой книжицей, именуемой почему-то словарем, не была предусмотрена в жизни К. Н. Высоцкого даже издаваемая им в Тюмени первая частная в Западной Сибири газета...

Вроде бы и цензуры сейчас нет, но это не гарантирует нашу внутреннюю свободу при наличии единственной научной школы. Такому положению вещей в обществе позавидовал бы даже отец цензурного режима в России...

Сегодня просмотр фондов Г. Н. Потанина для меня — это попытка избавиться от некоторых мифов, другие, может быть, пересмотреть. Как карта ляжет...

¹ Баитов, Г. Б. О забытых культурных одиночках: юношеские воспоминания // Сибирский архив. 1912. С. 913–922; Лукнич. 2010. Ч. 32. С. 95–104.

² Н. Ядринцев писал 10 августа 1876 г. краеведу и публицисту из Нижнего Новгорода А. С. Гацискому: «В Тюмени я видел Высоцкого, типографщика и местного предпринимателя. Они думают издавать справочный листок, для которого я придумываю программу. Надо изобрести такие листки, чтобы при видимой скромности программы можно было развернуть по необходимости литературную газету. Это приходится умудриться» (ГЛМ. ОРФ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 251. Л. 22 об.–23). Ходатайство о разрешении издавать справочный листок «Надежда» не было удовлетворено по причине неблагонадежности К. Н. Высоцкого (РГИА. Ф. 776. Оп 11. Д. 1. Л. 305).

³ «Высоцкий Константин, бывш. учитель. Проживал в 1875 г. в Тюмени, состоял под надзором полиции вследствие полит. неблагонадежности». — См.: Деятели революционного движения в России: библиографический словарь. Том второй : семидесятые годы / сост. А. А. Шилов и М. Г. Карнаухова. М., 1929. Вып. I: А–Е. С. 234.

* * *

В отделе редких книг и рукописей научной библиотеки ТГУ есть архив Г. Н. Потанина. В нем хранится около двух тысяч писем от 600 корреспондентов¹. Научный сотрудник Е. В. Сизова сделала обзор писем корреспондентов, активно сотрудничавших с идеологом сибирского областничества, однако и в этой статье тоболякам традиционно «не повезло».

В архиве хранятся по одному письму директора Тюменского Александровского реального училища И. Я. Словцова, присяжного поверенного П. А. Городцова, а также журналиста И. С. Левитова.

Илья Семенович Левитов женился на сестре поэта Федора Филимонова Юлии, которой после смерти родителей досталась часть недвижимого имущества на Черной Речке. Известный журналист вынужден был какое-то время жить под Тюменью, сотрудничал с «Ирбитским ярмарочным листком». 10 января 1889 г. он обращается с просьбой к Григорию Николаевичу. И. С. Левитов годом раньше совершил путешествие по Ангаре. Сейчас же, став членом Сибирского отдела Русского географического общества, журналист планирует издать отчет о путешествии, который, несомненно, будет иметь «торгово-промышленное значение». При этом не обошлось без церемоний: *«при высоком уме, вы отличаетесь особой добротой сердца, я уверен, что Вы не сочтете мою просьбу за нахальство»* (Ед. хр. № 478). И. С. Левитов хотел бы, чтобы Г. Н. Потанин свел его с нужными людьми из РГО, которые бы смогли довести рукопись до книги.

Иван Яковлевич, планируя *«нынешней зимой открыть при нашем училище ряд публичных чтений по кожевенному и гончарному производству»*, просит узнать *«у кого-нибудь в Петербурге, какое есть о кожевенном производстве лучшее сочинение на французском языке. Франция славится выделкою сафьяна, шагренья, юфти. Вероятно, профессора технологического института знают литературу этого производства. Не откажитесь сообщить мне список книг, какие я должен выписать»* (Ед. хр. № 666). Письмо не датировано. Установить время написания его пока сложно, так как о таких планах директора ТАРУ неизвестно. Тюмень славилась выделкой кож. Три различных отрезка своей жизни провел в этом городе автор бесчисленного количества книг, в том чис-

¹ См.: Сизова, Е. В. Письма западно-сибирских корреспондентов Г. Н. Потанина в научной библиотеке Томского государственного университета // Вестн. Томск. гос. ун-та, сер. «История». 2011. № 2. С. 71–76.

ле учебников, по технологии выделки кожи Михаил Анфимович Рылов. Очевидно, руководителю реального училища хотелось поддержать марку Тюмени. И он, наверное, считал, что его положение в обществе достаточно солидное, и он может обратиться с такой мелочной просьбой, как мы теперь знаем (судя по переписке), к очень занятому человеку.

К числу просителей можно отнести еще одного автора из Тюмени. Он написал Григорию Николаевичу на бланке «Юрисконсульт Тюменских отделений Государственного банка и Сибирского Торгового банка. Присяжный поверенный Петр Алексеевич Городцов. Адрес: г. Тюмень, Тобольск. губ., 2-я Монастырская ул., собств. д. № 4. Телефон 168». Сетую на свою нелегкую судьбу фольклориста («...мне надо было познакомиться с сочинениями Ореста Миллера — «Илья Муромец и богатырство Киевское» и Гильфердинга — «Онежские былины»; я обращался во многие книжные магазины Москвы и Петербурга, но нигде книг этих не оказалось, и я их до сего времени не имею, хотя книги эти должны быть для меня настольными книгами; равным образом нигде не мог достать Афанасьева — «Поэтические воззрения славян на природу». Так и относительно других книг мною испытываются подобные же затруднения...» — Ед. хр. № 94), автор послания просит написать рецензию на «Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда», помещенную в Ежегоднике Тобольского губернского музея и «выпущенную отдельным оттиском, в очень небольшом количестве экземпляров». И при этом сообщить, где это будет напечатано.

Все эти письма лишь подчеркивают, что с Г. Н. Потаниным все общались как с равным, не стесняясь при этом выглядеть просителями.

Сохранилось по два письма М. Н. и В. Ф. Костюриных.

Послания Марии Николаевны вносят некоторую ясность в историю местной печати. В датированном 7 ноября 1894 г. письме М. Н. Костюрина сообщает идеологу провинциальной прессы о той ситуации, в которой они оказались: «Что касается речи г-на Павлинова и Вашей статьи, то, конечно, они будут напечатаны здесь, хотя при этом считаю долгом Вас прежде уведомить, что все сотрудники «Сиб. лис.», живущие в Тоб., вышли из редакции (Подревский, мой муж и я) ввиду того, что г-н Зубковский, фактически заведующий газетой, начал разыгрывать маленького Суворина, в настоящее время хроникером в «Сиб. лист.» состоит бывший сотр. Тоб. губ. вед. — газеты противоположного лагеря и характер газеты меняется, как это не трудно видеть по нынешним статьям «Сиб. листка». Бывшие сотрудники до сих пор не объявили

о своем выходе только в надежде на то, что если удастся достать средства на ведение дела «Сиб. лист.», можно было бы еще его поддержать. Не лучше ли Вам дать речь и свою статью в «Степной край», в котором редакция радикально изменилась в последние месяцы. Редактором фактически там Михайлов¹ (Голодниковых уже нет — они здесь². Муж и я перешли в «Степной край», — относительно цензуры там условия благоприятнее здешних и программа далеко шире» (Ед. хр. № 1284). Вот примерно в этой ситуации, обрисованной Марией Николаевной, и обратился с резким письмом к Г. Н. Потанину ее муж Виктор Федорович Костюрин.

Бойкот, устроенный почитателями «Восточного обозрения» томскому «Сибирскому вестнику» за все его истинные и мнимые погрешения, по мнению автора письма, не имеет резона. «Григорий Николаевич, я думаю, Вы согласитесь со мной в том, что на нас, людях, уцелевших от всевозможных крушений 60-х и 70-х годов, лежит обязанность не упускать ни одного случая пытаться выносить на улицу свои изорванные в боках знамена и собирать вокруг себя всех, в ком живо еще желание быть «гражданином страны родной» — помните слова Лориса — «надо ловить момент!» — Кто же кроме печати может быть выразителем желаний «иллюзий», вот почему интересно, чтобы Вы воспользовались «Сибирским вестником» в его настоящем виде» (Ед. хр. № 1285). Очевидно, Григорий Николаевич предложил В. Ф. Костюрину сотрудничать с «Восточным обозрением». Тоболяк отказался от предложения: «Если же «Вост[очное] обозрение» будет платить, то вопрос — представляю ли я для него особенный интерес, — литературного имени у меня нет, талантов я тоже никаких не проявил и хотя не боги горшки обжигают, но при полной неустойчивости моего литературного заработка я не могу отдавать всего времени литературной работе, хотя это моя мечта — избавиться от необходимости «письменных занятий по вольному найму» в разных конторах и жить исключительно литературным трудом; сибирские издания мне этой возможности не дадут...». И, завершая свое письмо, отстаивает свою точку зрения на «Сибирский вестник»: «Я предлагал и предлагаю Вам поддерживать «Сибирский вестник», пока он нам «потрафляет», как говорят крестьяне. Если мы его заполним всего своими людьми, вытес-

¹ Михайлов Константин Прокофьевич (1858–1903) в начале 1892 г. напечатал статью в «Сибирском вестнике» за подписью «старший делопроизводитель канцелярии генерал-губернатора». Работал в Иркутске в ВСОРГО, сотрудничал с «Восточным обозрением», в 1897–1898 издавал газету «Сибирь» в Петербурге.

² К. М. Голодников, основатель «Степного края», возвратился из Омска в Тобольск.

ним картамышевское охвостье совсем из него, он будет нашим органом, хотя бы кормчим в нем официально был и Прейсман; если же Прейсман найдет для своего кармана невыгодным тот цвет, который мы станем придавать «Сибирскому вестнику», и будет петь свои собственные песни, мы в полном составе перейдем в другое место, хотя при наличных условиях, кажется, первое возможнее второго. Наша братва вплотную туда со всех сторон Сибири стянулась — Якутск, Колыма, Вилюйск, Иркутск, Минусинск, Красноярск, Тобольск — все корреспонденты — все сплошь политические, бывшие или настоящие, ссыльные» (Ед. хр. № 399).

Сохранилось в научной библиотеке ТомГУ несколько писем А. И. Деспот-Зеновича к Г. Н. Потанину, судя по которым, последний в переписке с бывшим тобольским гражданским губернатором выступал нередко просителем: «Что же касается Вашей просьбы относительно Красина, то несмотря на все мое желание быть полезным, я в настоящую минуту не могу принять на себя лишних хлопот... последние 5–6 недель я до такой степени много имел ходатайств о лицах подобной категории, что, вероятно, моим именем намозолили глаза департаменту полиции... О Красине хлопотал И. И. Семенов, а он пользуется большим уважением и влиянием...» (Ед. хр. № 892).

Приводим в приложении к данной публикации письмо Н. Л. Скалозубова. Напечатанное на машинке, оно не содержит ни одного исправления. Только подпись автора, сделанная чернилами. В нем встречается нарочито сохраненный порядок слов, не характерный для русского языка. Это наводит на мысль, что письмо адресовано по сути не Г. Н. Потанину, а некой третьей стороне, которой должна быть интересна точка зрения Н. Скалозубова на областнический вопрос, против которого так явственно, судя по тексту, восстает автор письма.

И, конечно, самой большой находкой в архиве Г. Н. Потанина были письма М. П. Плотникова. Их несколько. Они уточняют ранее неизвестные страницы его биографии. О том, насколько актерствует в своих письмах автор поэмы «Янгал-Маа», можно судить по мнению, высказанному В. М. Крутовским в письме к Г. Н. Потанину от 7 февраля 1919 г. «Плотников — молодой человек, знаток вогулов. По-видимому, он провел среди них свою молодость и хорошо их знает. Есть его книжка рассказов из вогульской жизни, переведенная даже на американский язык, т. е. на английский, но американцами. Плотников — друг моего журнала и делает для него все, что может» (Ед. хр. № 177). Перевод

«на американский» — это еще одна сторона мифа¹ о М. П. Плотникове. Вспоминается при этом дневниковая запись П. И. Чайковского от 22 июня 1888 г.: *«Мне кажется, что письма никогда не бывают искренними. — Сужу, по крайней мере, по себе. К кому и для чего я бы ни писал, я всегда забочусь о том, какое впечатление произведет мое письмо»*².

В приложении к данному сообщению публикуются письма М. П. Плотникова.

Письма Михаила Плотникова

№ 1

16 марта 1919 г.³

Многоуважаемый Григорий Николаевич.

На днях Владимир Михайлович Крутовский⁴ переслал мне одно за другим — два Ваших письма, адресованных ему, в которых Вы несколько строк посвящаете моей поэме «Янгал-Маа». Я хотел Вам написать сразу, как только получил первое пересланное мне Вл. Мих. Ваше письмо, но, не имея от него разрешения сослаться на него, решил дожидаться на это разрешения. В настоящее время я имею разрешение Владимира Михайловича и Ваше второе письмо, в виду чего пишу Вам. Возможно, настоящее* мое письмо в достаточной степени не осветит интересующих Вас вопросов, т. к. Вы в помянутых выше письмах пишете вскользь о поэме, я прошу Вас написать мне, и я с великим удовольствием постараюсь дать самые исчерпывающие ответы по затронутым вопросам.

Прежде всего я должен уведомить Вас, что ни остяцкого, ни вогульского, ни самоедского полного⁵ текста поэмы* у меня не имеется,

¹ Пархимович С. Г. Много шума из ничего // Как наше слово отзовется. Ханты-Мансийск, 2002. С 25–33.

² Цит. по: Петровская И. Ф. За научное изучение истории Сибири: о методах и приемах исторических исследований. Критико-методический очер. СПб., 2009. С. 149.

³ Данный документ состоит из трех тетрадок, состоящих из согнутых пополам страничек в линейку, каждая из которых имеет размер 13,3 x 21,2 см. На первой странице нанесено типографским способом угловое обозначение должности автора: Редактор газеты «Каменская мысль» г. Камень Алт. губ. 191__г. №__ Машинопись. Текст нанесен с обеих сторон страничек через фиолетовую копирку. Нумерация листов сделана автором сверху в левом верхнем углу с помощью пишущей машинки.

⁴ Крутовский В. М. (1856–1938), врач. В 1900-х гг. возглавлял Красноярский подотдел Русского географического общества. Редактировал журнал «Сибирские записки» (1917–1918).

⁵ Здесь и далее астериксом (*) обозначены слова, вписанные от руки автором письма.

т. к., видимо, народный эпос этих народностей дошел до наших дней и не в полном объеме: в виде былин или связанных друг с другом песен, в виде жалких отрывков, по которым нельзя восстановить полностью нашей сибирской Гайаваты; причем эти отрывки — частью имеют стихотворную форму, частью выродились в сказки, сказания и рассказы, в которых более древние населения перемешались с новыми и благодаря чему исказили не только форму, но и самый их смысл. Ввиду чего с уверенностью можно сказать, что открытый Кай-Доннером¹ «самоедский эпос» является счастливым остатком некогда богатого эпоса, который в настоящее время полностью восстановить невозможно, т. к. полного взятого наугад эпического сказания не имеется. К сожалению, не читал статью Кай-Доннера (Влад[имир] Мих[айлович] мне обещал ее прислать), но, насколько я знаю север Сибири, Кай-Доннер не мог открыть полной поэмы или былины с ее полным текстом, а натолкнулся тоже на отрывки, некогда составлявшие целые поэмы такого эпоса наподобие *Nibelunglied**, или финской *Calevala**. Это, я думаю, может подтвердить К. Д. Носилов, знаток этого края.

Разрешите мне подробно коснуться того пути, по которому я шел, составляя поэму «Янгал-Маа». Во время моих скитаний по северу Сибири я также старался найти полный памятник героического эпоса. Таковой найти не удалось, но при большем знакомстве с туземной словесностью (в данном случае — остяков, вогулов, отчасти, самоедов) я нашел отрывки, видимо, существовавшей поэмы «Янгал-Маа». Я начал записывать отдельные песни, сказки, рассказы, легенды и пр., относящиеся к этой поэме, причем я заметил наличие одинаковых сказок, песен и др. памятников народной словесности у всех трех помянутых племен. Благодаря тому, что я хорошо изучил вогульский язык и достаточно порядочно научился остяцкому, такое собирание мне не представляло особой трудности, и мне удалось скомпилировать родственные между собой отрывки этого эпоса, из которого как восстановленная цепь выявилась поэма «Янгал-Маа». Для полноты я вставил в поэму и другие отрывки других памятников туземного эпоса.

Такова история происхождения «Янгал-Маа». В настоящее время у меня имеются также записи, из которых незначительная часть

¹ Выдающийся финский исследователь, автор книги «У самоедов в Сибири». Наблюдения над жизнью сибирских аборигенов дополняются зарисовками нравов русского населения и описанием сибирских городов и поселков, которые автор посетил в течение 1911–1913, 1914 гг. Издана впервые на русском языке в 2008 г. в Томске.

записана по-вогульски (т. е. русскими буквами по-вогульски), остальная же часть записок писалась по-русски в форме сказок, записей, заметок и рассказов, т. е. в том виде и той форме, как передавал мне рассказчик. Одновременно я собрал и сказки, которые думаю со временем разработать и напечатать. Приблизительно я записал 15–20 таких сказок, чисто северных, сибирских, о которых еще нигде не писалось.

Отрывки поэмы в стихотворной форме, которые мне удалось записать, написаны в подлиннике (если можно так выразиться), тем же размером, который я употребил и для поэмы. Пение же поэмы, как это было в Греции при Гомере рапсодами или у нас на Севере России «сказителями», мною не замечено. Встречались мне певцы, знавшие много песен и сказок, но ни один из них не сумел пропеть или рассказать целиком вполне законченную балладу (поэму), а пели большей частью отрывки, не замечая сами того, что многие из них есть звенья стройного целого. История вогулов сохранила имена некоторых певцов (Ваза, Вача и др.), но они жили «так давно, — как говорят вогулы, — что наши деды не слышали их голоса, а слышали о них от своих старых дедов»; б. м., эти рапсоды вогульского народа могли пропеть целую законченную балладу (поэму), но теперь таковых нет. Русские за три века владычества сумели переделать «меньшего брата» на свой лад, и он теперь с большим удовольствием горланит русскую частушку и прикладывается к бутылке денатурата с примесью жевательного табаку, а про свое родное забыл.

Не знаю, удовлетворят ли Вас мои сведения о поэме. Сейчас я не знаю, какая сторона Вас интересует и если Вы не откажете мне написать, я с великим удовольствием и готовностью отвечу Вам.

Во втором письме Владимиру Михайловичу Вы пишете: «Нельзя ли его сделать орудием возрождения самоедов, остяков и вогуличей. Привлечь его к написанию статей о мерах против вымирания инородцев, об открытии школ для них, об издании учебников на самоедских и остяцких языках, об издании азбук и книг для чтения и пр.».

Все затронутые Вами вопросы серьезны и говорят о верном пути, намеченном Вами в этих немногих строках. Я подписываюсь под ними обеими руками и мне хотелось знать Ваше компетентное мнение по этому вопросу более подробно. Я готов служить меньшим братьям.

Благодаря Владимиру Михайловичу возможность сделать много добра, очень много добра мне предоставлялась. Владимир Михайло-

вич в июне п[рошлого] г[ода] рекомендовал б[ывшему] министру туземных дел Михаилу Бонифатьевичу Шатилову, который меня пригласил на службу. На первых порах мне удалось разработать вопрос о снабжении инородцев севера Сибири хлебом, охотничьими припасами и другими продуктами их обихода, а также снабдить хлебозапасные инородческие магазины нужными продуктами. К великой радости мои проекты благодаря энергии М. Б. Шатилова остались не мертвой бумагой, а вошли в жизнь и осуществились. Но потом пошли различные осложнения, повлекшие сначала отставку, а потом и смерть самого министерства. Н. Я. Новомбергский приглашал меня работать, но я чувствовал, что со смертью министерства туземных дел, пристроившись при МВД, едва ли я* буду полезен, а поэтому ушел писать «строчки». Так окончилась моя живая деятельность на пользу меньших братьев.

Извиняюсь, что затрудняю Ваше внимание и отнимаю у Вас время, я напишу несколько строк о моей литературной деятельности по инородческому вопросу.

Я написал несколько рассказов из быта вогулов («На Конде», «Шунгур», «Маньси», «Сабанар», «Суд», «Маа», «Кошечья тропа», «Страница жизни», «Шаман», «Божьи олени», «На оленьем холме», «Певец спора»¹), некоторые из них напечатаны в «Сибирских записках», также писал статьи по инородческому вопросу, и когда закончу поэму, передам наши северные сибирские сказки.

Заканчивая настоящее письмо, скажу, что как сибиряк я всей душой готов служить родине и забытым туземцам. Их* все* забыли* и* до* них* нет* никому* дела*.

Жду Вашего ответа. Адрес мой: гор. Камень Алт. губ. редактору газеты «Каменская мысль» Михаилу Павловичу Плотникову.

Искренне уважающий* Вас* (подпись)**

Ед. хр. № 234. Л. 1-11.

¹ В «Каменской мысли», редактируемой М. П. Плотниковым, обнаружены рассказы «Весенней ночью» (1919. 20 апр., № 74) и «На заимке» (1919. 6 июля, № 131), а также стихотворения «Три острова» за подписью Хелли (1919. 15 июня, № 113); «На 25-летие со дня кончины Н. М. Ядринцева» за подписью М. Сибиряков (1919. 4 июля, № 129). Оба псевдонима, несомненно, принадлежат М. Плотникову. Судя по содержанию некоторых публикаций, ему могут принадлежать псевдонимы Ята-певец, Яла-певец. В издании обнаружено несколько стихотворных текстов за такой подписью, а также ироничные заметки.

Дорогой Григорий Николаевич¹

Разрешите назвать Вас при нашем малом знакомстве дорогим, т. к. я Вас давно знаю и люблю Вас. Я получил Ваше письмо, а Вы, наверное, уже получили мое заказное, отправленное из Камня 6 марта н[ового] с[тиля] с[его] г[ода], в котором я постарался дать исчерпывающие сведения. Вл. Мих. Крутовский на днях мне прислал статью Кай-Доннера «Самоедский эпос» (Выдержка из финского* журнала* Гельсинф*.). Высказанные мысли о неизвестной мне статье Кай-Доннера после ее прочтения мной во многих случаях оправдались, несмотря на то, что моя поэма вогульско-остяцкого происхождения, а не самоедского, причем следует заметить, что самоедский эпос много разнится по своему духу от остячко-вогульского.

Кай-Доннер говорит, что «в 800 в[ерстах] от устья Кэти в самоедском поселке Мешаткина я в первый раз услышал от сына прославленного шамана в полном виде поэму о Итът'е, но, — далее говорит Кай-Доннер, — он не мог сообщить ее дословно, т. к. хотя известное число эпизодов он мог произвести слово в слово, другие же части он рассказывал по памяти. Во всяком случае, — заключает Кай-Доннер, — у меня получилась схема поэмы и впоследствии оказалось значительно более легким включить в нее отдельные эпизоды, которые мне пришлось услышать позднее».

Делая такое вступление, Кай-Доннер дает мне основание повторить сказанное в моем письме к Вам, что народный эпос вогулов, самоедов, остяков дошел до наших дней не в полном объеме в виде былин или связанных друг с другом песен, а в виде отрывков, по которым нельзя с полной достоверностью восстановить поэмы в целом, причем эти отрывки имеют стихотворную форму, частью выродились в сказки, сказания, рассказы, в которых более древние слияния перемешались с новыми и благодаря чему исказили не только форму, но самый смысл. Последние мои слова подтверждают замечания Кай-Доннера, что некоторые части несомненно позаимствованы или более позднего происхождения.

¹ Машинопись. Отпечатано на бумаге размером 22,2 x 35,6 см с обеих сторон. На первой странице нанесено типографским способом угловое обозначение должности автора (см. прим. 21). Текст нанесен с обеих сторон страничек через фиолетовую копиру. Все авторские исправления внесены красными чернилами.

Из всего высказанного, что Кай-Доннер в восстановлении поэмы о Итьт'е шел тем же путем, от части к целому, из отдельных эпизодов к целой поэме. Нужно сказать, что вогулы первые столкнулись с русскими завоевателями, они первые оказали сопротивление и в их среду вперед всего влились русские колонисты, проповедники и власти. Все это заставило вогулов забыть быстрее родное, чем самоедам или северным остякам. Русские монахи, просветившие вогулов, оказались не немецкими и не додумались записать народно-эпических произведений, как это сделал неизвестный немецкий монах, записавший *Nibelunglied*. Я тоже слышал былинку об Итьт'е и Людоеде, но, к сожалению, не целиком, и у меня имеются в портфеле три отрывка (сказки), из числа тех, о которых я Вам писал.

Постараюсь ответить Вам на вопросы, которые мной оказались незатронутыми. Я действительно исходил северо-запад Сибири, пробыл там в два приема около двух лет. Первое мое скитание, как я называю мои путешествия по северу Сибири, началось от с. Самаровского Тоб. губ., я поднялся в верховье реки Конды, откуда перебрался на Лозьву в предгорья Урала и, повернув на восток, добрался до с. Сосьвы, до Березова, откуда на пароходе добрался до Обдорска. От Обдорска я вернулся пароходом в Березов, ушел в верховья Сосьвы: Таль-я, Уоль-я, Мань-я, где зимовал. Одичав и соскучившись, весной я из Березова возвратился в Ново-Николаевск, также помимо скуки, которая у меня была в достаточном количестве, не оказалось достаточного количества денег. На другой год вновь из Самарова направился на север, побывал на Казыме, Войкаре, Вогулипе, хотел исследовать реку Полуй, но заболел какой-то странной болезнью вроде малярии и возвратился обратно домой. Я постараюсь в следующий раз написать более подробный маршрут моих скитаний, для чего немедленно возьмусь перетряхивать путевые записки.

Кай-Доннер и его труд мне были неизвестны, и он исследовал Нарымский край, который я знаю только хорошо до Ваховского, а на Тyme я не был. Что же касается сказания об Итьт'е, я его знал частями, отдельные эпизоды, которые нашел в верховьях р. Кельмы, о которых я упоминал. «Не слышно ли о возвращении Итьт'е?» — то же самое говорят о Вазе и Яный-Келбе, сказку о котором я записал и пришлю Вам ее. В ней, без сомнения, отразился эпизод борьбы русских с вогулами и ожидание Яныя-Келба как избавителя распространено среди вогулов. Ваза в конце концов оказался несостоятельным, так как он, узнав о смерти Ючо, когда вернулся после всех подвигов, не пошел спасать

народ, отказался от права быть богом и быть среди богов, т. к. с ним не было бы Ючо, которая как смертная не имела права на это. Он отказался от всего, разошелся с богами и людьми и сжег себя. Существуют варианты, где говорится, что из пепла он возродится, найдет Ючо, которая благодаря тому, что была женой Мейка, не обратилась в жужелицу, а превратилась в тень и находится в Царстве Смерти.

Он найдет и приведет ее за руку.

Тогда жизнь и земля будут привольны.

Добро сойдет в народ вогульский.

Таков заключительный стих в дословном переводе.

В Вашем письме затронут вопрос о вымирании инородцев. Я Вам пришлю статью «Забытые народы»¹. Статья эта чисто газетная, но все же отражает мои взгляды на затронутый вопрос о вымирании. Вымирание не является в данном случае следствием какого-либо одного факта, эта сумма всего того, что выпадает на долю обездоленного дикаря, и бороться с вымиранием можно не только с помощью фельдшеров и частной власти, а главным образом просвещением. Об образовании говорить не приходится, ибо если наш мужик темен и безграмотен, то забытый всеми инородец — несчастен в своем незнании. Те редкие школы, распространенные в более крупных торговых центрах северо-запада Сибири, не обслуживают всей массы населения, и, кроме того, в таких школах процент туземцев низок. Если всмотреться в эту причину глубже, то мы увидим, что учащие² (большой частью русские) не отвечают своему значению и мало интересуются инородцем. Нужны учителя из инородцев, владеющие не только языками, но даже и отдельными наречиями. Для подготовки кадров учителей нужны специальные училища с четырехклассным курсом, равным хотя бы городскому училищу. Эти училища дадут необходимых учителей. Помимо

¹ В фондах научной библиотеки Томского государственного университета сохранились отдельные экземпляры газеты «Каменская мысль» за 1918–1919 гг. Ежедневная общественно-политическая кооперативная газета начала выходить в 1918 г. Издателем выступал культурно-просветительский отдел Каменского союза кооперативов. Удалось обнаружить лишь окончание очерка «Забытые народы» (1918. № 120, 19 нояб.) В данном письме тезисно изложено содержание публикации.

² Очевидно, с ударением на первом слоге. Речь идет об учителях.

этого нужно обратить серьезное внимание на внешкольное образование, на которое ни ранее, наверное, и сейчас правительство не отпускало ни одной копейки. Необходимо издание книг на остяцком, вогульском и самоедском языках. Насколько я знаю, таких книг почти нет и единственная книга, которой снабжало российское правительство — евангелие.

Если помянутому в Вашем письме И. С. Ключеву желательно получить полные сведения, какие я могу дать, то пусть он не откажет мне написать, я с удовольствием поделюсь, напишу, поищу в своей памяти. Быть может, это дело каплю да принесет пользы. Пишите мне, я с нетерпением жду Вашего письма. На первое мое письмо я ответа до сего времени не получил, хотя отправил его 6 марта н.с. с.г.

Искренне уважающий Вас* и* готовый* к* услугам* (подпись)*

Ед. хр. № 235. Л. 1–2 об.¹

№ 3.

г. Томск, Нечаевская ул., д. 14

3 ж[енская] гимназия Тихонравовой²

Григорию Николаевичу Потанину³

Дорогой Григорий Николаевич!

Сообщаю Вам, что меня мобилизуют и тянут пока на комиссию в Новониколаевск. Письмо Ваше получил, но в связи с призывом пока подробно ответить не могу. Как только отделаюсь, напишу Вам. Возьмут, тогда, прощай поэма и все, но делать нечего. О результатах комиссии уведомя Вас немедленно.

Искренне уважающий Вас (подпись)

11. IV. 919.

Ед. хр. № 1135.

¹ Данное письмо не имеет ни авторской нумерации, ни нумерации листов фондохранилища.

² Тихонравова Наталья Андреевна — начальница детского сада, подготовительного училища и женской гимназии, созданных ею в Томске.

³ Открытка размером 8,8 x 14,0 см. Рукопись.

№ 4.
7 июня 1919 г.
№ 25

Дорогой Григорий Николаевич¹

Прежде всего я приношу свое глубокое извинение, что не мог ответить на все вопросы, затронутые письмом Вашим от 31 марта сего года. Как Вам известно, я призывался, побывал на разных комиссиях, освидетельствовался и только вчера (6-6) был признан совершенно негодным к военной службе. На днях я получил от Владимира Михайловича письмо, в котором он сообщает мне, что Вы спрашивали обо мне. И вот теперь, вздохнув от долгих мытарств, я спешу писать Вам. Сердечно благодарю Вас, что Вы не забыли меня. В помянутом выше письме Вы меня спрашиваете: «...где проходит южная линия оленеводства?» Едва ли сумею Вам точно указать эту линию, т. к. южная линия перемежается в зависимости от урожая оленьего корма и многих других причин, но все же приблизительно могу указать, что таковая на сев[ере] Тобольской губ. проходит следующим образом: Нарым по р. Тыму, далее на западе по р. Васюгану и истокам р. Демьянки. Затем южная линия оленеводства (как мне кажется, ввиду неудобства здесь оленеводства) круто поворачивает на северо-запад к впадению Иртыша в Обь и идет в границах р. Охлыма, Назыма², а далее на запад она переходит на левый берег Оби, выпрямляется и приблизительно определяется р. Ендыром, верховьями р. Тапа (приток Конды), подходит к озеру Елпын-Тур, поворачивает немного севернее к притоку Конды (Ес) и идет по р. Тапсую почти по прямой линии к верховьям р. Лозьвы. Что же касается южной границы оленеводства на восток от Нарыма, то таковая проходит* приблизительно р. Тыму и Сыму, опускаясь в некоторых местах южнее, иногда поднимаясь севернее. К сожалению, я этим вопросом в бытность мою на севере не занимался специально, но полагаю, что в определении границы особенно грубых ошибок не допустил. Вы в письме своем указываете, что МНП устроило три учительских

¹ Машинопись. Отпечатано на бумаге размером 21,8 x 35,6 см с обеих сторон. Первые два листа имеют нанесенное типографским способом угловое обозначение должности автора (см. прим. 21). Текст отпечатан с обеих сторон страничек через фиолетовую копиру. Авторские исправления внесены красными и фиолетовыми чернилами. Имеет постраничную нумерацию (включая обороты) фиолетовыми чернилами и нумерацию листов фондохранилища.

² Первая буква слова неразборчива, скорее напоминает Н, нежели К.

семинарии, из коих Березовская будет обслуживать нужды остяков, самоедов и вогуличей. И Вы рекомендовали в ней преподавать курсы оленеводства. Без сомнения, это более чем необходимо, ибо и ранее наблюдалось, что неправильное ведение оленеводства ведет, с одной стороны, к истощению Севера, а с другой стороны, к вымиранию северного оленя. Если взглянуть в жизнь самоеда-тундровика, то можно прийти к заключению, что племя это жизненное, но для этого необходимо их вырвать из лап тундровых пауков, купцов, которые пробираются даже* на* крайний* север* Ямала*, и делают разрушительное дело, а в результате такой «деятельности» купцов можно сказать, что тундры вымрут; ибо самоеды, как племя, приспособленное к жизни в этом суровом* краю, вымрет, а русские или зыряне едва ли пожелают жить там. Вместе с вымиранием самоедов пойдет и на убыль оленеводство, для которого требуется правительственная поддержка, кредит на покупку оленей обедневшим оленеводам, ветеринарная помощь, показательные хозяйства и пр. Я еще раз заявляю: «Инородцы не вымрут, только надо о них позаботиться, и печальная тундра даст свой дар Сибири». Необходимо построить заводы для переработки шкур и холодильники для оленьего мяса, и оленеводство даст большую пользу не только* для* тундры, но и для страны.

Ивану Семеновичу Ключеву я собирался написать обширное письмо, но до сего времени по обстоятельствам моего призыва на военную службу никак не мог этого сделать. Как только соберу материал по делу туземного просвещения, а также постараюсь указать пункты для открытия сельских школ на севере Тобольской и Томской губ. Хорошо было бы созвать съезд учителей сельских школ севера Тобольской и Томской губ., и, я полагаю, такой съезд мог бы дать обильный материал, а кабинетные вычисления и проекты будут все же далеки от жизни, причем за последнее время так меняется сама по себе жизнь, что говорить о том, что видел ранее, не приходится. Я полагаю, что Вы со мной согласитесь, что необходимы также летучие курсы и внешкольное образование, которое необходимо не менее увеличения сети сельских школ и училищ.

Теперь постараюсь ответить Вам по вопросу о некоторых верованиях и преданиях самоедов. Заранее прошу извинения, что на многое, возможно, я не сумею Вам точно ответить, но постараюсь сообщить, что знаю вполне точно.

В представлениях остяков и самоедов мир делится на две области. Одна из них светлая (рай) находится на небе и верховное существо,

управляющее миром (землей) и раем у остяков называется Торумом, а у самоедов — Нумом. Как Торум, или по-вогульски Торым (Торм или* Мирра-Суснахум*), а по самоедски Нум, — сам в управление землей вмешивается редко, а распоряжается через подчиненных ему богов, которых у него великое множество. Таковым подчиненным богом был, по преданию остяков (казымских и др.), медведь (мойбер), который является младшим братом Торума. Вогулы и остяки редко называют медведя собственным именем, т. е. мойбер, а обыкновенно говорят: шубный ойка, старец-ойка или просто «он», потому что, по их верованиям, может отплатить обидчику, т. к.* он* все* слышит* и* знает*. Так же редко произносятся имена Нума, Торыма, Торума и Торма. В некоторых местах, а ранее везде, убитый медведь служит причиной целого праздника, так называемого медвежьего. Приносятся «пори» (жертвоприношения). Интересным моментом бывает обряд «отречения», когда убившие остяки кричат троекратно* «кара-юйя» и говорят, что убили не они, а русские, которые* выдумали* ружье*, и пр.* После «отречения» начинается танец медведя, который пляшут обязательно в рукавицах (мойбер-якты-пост) с изображением вышитого на них медведя. После пляски разыгрываются небольшие пьесы, актеры надевают «тонды-вешь» (берестяные маски), а также идет гулянка и пляски, нередко продолжающиеся несколько дней. Голова и лапы медведя отрезаются от шкуры и считаются священными. Их продавать ни в коем случае нельзя, и они хранятся продолжительное время. Мойбер-сонгт (медвежий череп) хранится иногда в жертвенных избушках, иногда в капищах у шайтанов. Клыки вынимаются и носятся как украшения, но не талисманы. Головной мозг съедается, а также им пользуются как лекарством при ревматизме; стружки медвежьего зуба употребляют при порезах, медвежья желчь — при коликах, медвежье сало в соединении с грудным молоком (обязательно аи — девушки) — при болезнях кожи. Клятва на лапе* медведя считается самой страшной, и ни один вогул, остяк не рискнет ее нарушить. По преданию вогулов, «мойбер» в давние времена спустился на землю, чтобы наблюдать за правопорядком на земле, судить людские дела и накладывать наказания на виновных. В данном случае он был посредником между Верховным* божеством* и людьми (вогулами). Впоследствии, Вы, наверное, помните главу из моей поэмы «Янгал-Маа» о суде Ючо, он был лишен рассудка, ввиду чего не мог уже больше судить и, женившись на Мюсснэ, ушел в тайгу, а* от* него* пошли* дети*, которые* и* расселились* по* тайге* в* образе* медведей*.

Первый медведь, по преданию вогулов, спустился где-то на Северном Урале, точное местонахождение мне не удалось выяснить. У остяков существует предание, что медведь пришел с Больших Гор, видимо, тоже с* Урала, иногда инородцы просто появление первого медведя приурочивают к ближайшей местности, где они живут сами*. Священными «емы» считаются некоторые птицы, как, например, кулик-сорока (*Haematorpus* octrolegus* Z**), сурок-шилохвост* (*Anas* ocut* Z**), черная гагара (*Colymbus* acticus* Z**), иногда кряковая утка (*Anas* boschas**) и др.

Теперь несколько слов о «Тунк-Пох'е». Я слышал это предание и пришел к тому же заключению, что и Потканов¹, т. е. это остяцкий миф о луне. Что же касается олицетворения «Тунк-Пох'а» с «папой римским», то это здесь какая-то путаница. Я не слышал такого определения, но отрицать достоверность не смею, ибо Потканов безусловно авторитет. Приведу Вам остяцкие названия 12 месяцев года. Январь — оледенение реки (Ас-хатты-тылис); февраль — Ай-кор-тылис (время/месяц малого поста); март — Ум-кер-тылис (время/месяц длинного/большого поста); апрель — Нобытты-новы (время ледохода); май — Лыбыт-этты-тылис (время появления листьев); июнь — Вуш-новы (время нельмы); июль — Вуйт-тор-тос-ты-новы (время городить малые сора); август — Уйт-тор-тос-ты-новы (время городить большие сора); сентябрь — Хор-теу-ты-тылис (время случки оленей); октябрь — Сусс-ун-тыды-тылис (время рубки); ноябрь — Ван-хот-тылис (время коротких дней) и декабрь — Рох-пын-курных-тылис (орлиный месяц обманчив во времени).

Вчера во владивостокской газете «Эхо» я прочитал корреспонденцию из Якутской области, где говорится [что] на почве недостатка пищи (хлеба), лекарств и одежды появились эпидемические заболевания и процент вымирания якутов поднялся чрезвычайно. Якуты племя жизненное и если их положение таково, то каково положение тунгузов, айнов, гиляков, комчадалов, коряков, чукчей, юкаиров, чуванцев и др. Главным образом, как указывается в корреспонденции, тормозится отправка хлеба в Харбине и Владивостоке. Пишу Вам об этом в надежде, что Вы напишете в Омск и Ваше слово без сомнения поможет выйти из беды туземцам.

У меня есть к Вам одна большая просьба. Я написал 12 рассказов из жизни вогулов, которые объединил в книжку и которую, как будут обстоятельства благоприятствовать — издам. За написанием предисловия

¹ Так в тексте артикулируется фамилия Серафима Кероповича Патканова.

к* книжке* я обратился к Владимиру Михайловичу, он не отказался, но написал мне, что лучше я попросил бы написать предисловие Вас, причем Владимир Михайлович со своей стороны хотел просить Вас за меня об этом же. Я боюсь Вас затруднить этой просьбой, т. к. Ваше время дорого, но все же прошу Вас не отказать мне, если возможно, за что буду Вам несказанно благодарен. В случае Вашего согласия я Вам пошлю рукопись рассказов для прочтения.

Еще сообщу Вам новость. На днях получил через Владимира Михайловича предложение быть редактором земского журнала в Красноярске. Я телеграфировал принципиальное согласие, а сегодня утром получил официальную телеграмму от Енисейского губернского земства. Сейчас сижу и думаю, что делать. Здесь меня держат и туда хочется. Как быть? Не знаю. Боюсь, что в Красноярске жизнь дорога и денег мне не хватит. В случае [решу] ехать, Вам протелеграфирую* о выезде. Жду Вашего ответа и желаю всего лучшего.

Готовый к услугам и преданный Вам* (подпись)*

Ед. хр. № 1566. Л. 1–3.

№ 5

26 июня 1919 г.

Дорогой Григорий Николаевич!¹

Крайне сожалею о Вашей болезни и желаю Вам скорого выздоровления. Я получил письмо от редактора «Вестника Томской губернии», из которого видно, что Вы советуете мне подать прошение на имя председателя Института исследования Сибири и отказаться от красноярских предложений.

В настоящее время переговоры с Енисейской губ. зем. упр. еще не закончены и прервать их было бы мне неудобно, как перед управой, так и перед Владимиром Михайловичем Крутовским. Думаю, что этот вопрос выяснится через неделю, и я Вас уведомяю. С другой стороны, я боюсь, что, подавая прошение, потом окажусь непригодным, т. к. к чиновничьей или подобной службе не пригоден, что доказано мною на опыте. Боюсь Вас затруднять, но мне интересно и необходимо было

¹ Рукопись. Написано на бумаге размером 22,2 x 17,8 см с обеих сторон. На первой странице листа имеется нанесенное типографским способом угловое обозначение должности автора (см. прим. 21).

бы знать, какую службу мне могут дать в Институте и будет ли эта работа мне по силам. Кроме того боюсь томской дороговизны, а мне приходится учить брата, сестру и помогать родителям. Здесь я получаю 1350 руб. в месяц, что мне хватает.

Извиняюсь за беспокойство, и, если Вас не затруднит, не откажите уведомить меня¹. Много раз благодарен за местное предложение и поддержку. Думаю приехать в Томск в том месяце повидать Вас. [Жду] Вашего ответа.

Искренне уважающий и преданный Вам (подпись).

Ед. хр. № 567. Л. 1-1 об.

Письмо Н. Л. Скалозубова

Многоуважаемый Григорий Николаевич!

По неисправности своей канцелярии Ваше письмо от 24 июня, пришедшее в мое из Тобольска отсутствие, я имел возможность прочесть только вчера, к великому своему огорчению.

За это время обстоятельства уже несколько изменились. Тем не менее очень рад по вопросам тактики войти с Вами в сношения. До последнего времени, как Вы вероятно, замечали, я стоял довольно далеко от политики, ясного представления о том, что надо и что лучше, к стыду своему, не выработал. Война и деятельность по заготовке мяса для армии, поставившая меня в возможность лично наблюдать и оценивать наши порядки, раскрыли мне глаза и возбудили во мне желание идти навстречу новому порядку. К сожалению, я человек, с трудом подчиняющийся чужим и мною не прочувствованным мнениям, и поэтому мне трудно работать в партии. В настоящее время я считаю необходимым сделать все возможное, чтобы влиять на выборы в думу. Составил обращение к крестьянам, собираемся составлять списки лиц, желательных в выборщики. Сейчас собираюсь в поездку по губернии, надеюсь поговорить и послушать.

Идее областного Союза для того, чтобы добиваться областной Думы, я не сочувствую. Я прожил в Сибири 11 лет: при краткости человеческой жизни, этот период довольно значительный. Умственные интересы у меня связаны с Сибирью.

¹ Номер «Каменной мысли» за 11 июля 1919 г. был последним, который М. П. Плотников подписывал как редактор.

Но все же я считаю себя не Сибиряком, а прежде всего русским. Завтра силой судеб я могу очутиться на какой-нибудь Чухломе. Мне обидно будет чувствовать, что я уже выброшен за борт сибирской организации. А чтобы чувствовать членом российской (?) областной Думы, я должен и там прожить столько же лет. Нет, по-моему, о разделении России на области нет особых оснований говорить. Мне хочется везде в России быть русским: и в Сибири, и в Финляндии, и на Кавказе. Поэтому, поскольку союз задается преследовать свои областнические тенденции, меня они не интересуют. Совершенно иначе я отношусь к остальным задачам и целям кружка. И содействовать своими слабыми силами решению основных задач общественной деятельности в настоящий момент я очень бы хотел.

Далее я должен заметить, что направлению крайних партий я не сочувствую; что положение: цель оправдывает средства, я тоже не признаю, и пытаюсь каждый шаг оценивать с точки зрения его нравственной правоты и христианской этики.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего доброго.

Ваш Н. Скалозуб[ов].

17.X.1905

Ед. хр. № 1175

От Горнофилинска к Горноправдинску: история и современность

Першина Мария Ивановна, главный библиотекарь библиотеки семейного чтения муниципального учреждения культуры «Библиотечная система Горноправдинск», Ханты-Мансийский район

Своему появлению на карте Ханты-Мансийского района поселок обязан открытию в этих местах месторождений нефти. Люди разных национальностей, приехавшие сюда со всего Советского Союза, построили новый красивый поселок Горноправдинск.

Но история поселка начиналась гораздо раньше. Первыми русскими поселенцами в этом крае были казаки и служилые люди, поселившиеся в ямских слободах. К северу от Тобольска русское население расположилось по Иртышу и Оби. Согласно архивным данным, в 1864 г. в с. Филинском Деньщиковской волости проживало 100 муж-

чин и 81 женщина. Среди них жили Курбатовы, Захаровы, Чикирдины, Молоковы, Баландины, Пуртовы, Воронцовы, Сивковы.

Население занималось извозом, охотой рыбалкой, сбором дикоросов для собственных нужд и для продажи. Держали скот, сеяли рожь, овес, ячмень. Выращивали картофель, огурцы, репу, морковь.

Село располагалось на крутом, подмываемом рекой, берегу. По этой причине жилые дома и храм приходилось относить дальше от берега. Все строения в селе были деревянными, и только церковь, построенная купцами Фроловыми на крутом берегу Иртыша, была каменной. По сведениям книги «Православие на Обь-Иртышском Севере» (Екатеринбург, 2007), «...на Иртыше, выше с. Самарова, в югорских пределах к началу XX в. имелось несколько православных приходов. Вознесенская церковь в Филинской волости была основана в первой трети XVIII в. В то время она относилась к Демьянскому заказу. В 1740 г. в Филинском погосте имелось только 14 ямщицких дворов, остяки здесь не жили, несмотря на то, что церковь была построена для них. В 1755 г. было освящено новое церковное здание. Эта деревянная церковь в 1835 г. была заменена каменной, построенной на средства прихода. Утратившая верхние объемы одноэтажная Филинская (п. Горноправдинск) Вознесенская церковь стоит по сей день...».

Филинское никогда не было большим селом, но вблизи располагалось более 40 населенных пунктов, и в престольные праздники в церкви было всегда многолюдно. Службы в храме продолжались до 1935 г. Согласно сведениям Государственного архива Омской области (ГАОО. Ф. 437. Оп. 6(1). Д. 295. Л. 1.), в начале 1939 г. церковь была закрыта в связи с неиспользованием по прямому назначению и передана «в распоряжение Горно-Филинского сельского совета для использования на культурные цели». Достоверно известно, что с начала обоснования экспедиции на филинской земле стены храма пытались взорвать, но не смогли, настолько прочной была кирпичная кладка. В 1972–2010 гг. в храме располагалась пекарня. В 1993 г. деятельность прихода Филинского Храма Вознесения Господня была возобновлена. 17 января 2007 г. состоялось открытие воскресной школы, в которой в настоящее время занимается 53 ребенка и 15 взрослых.

В 1924 г. в селе было 34 двора и проживало 174 жителя. События Октябрьской революции и гражданской войны коснулись и Филинского. В 1918 г. был создан Филинский ревком, который возглавил балтийский моряк Николай Сергеевич Поспелов, уроженец с. Уват, но уже летом в село пришли колчаковцы. В 1920 г. советская власть была

восстановлена, но ненадолго — начался мятеж 1921 г. Местные активисты Поспелов и секретарь комсомольской ячейки Худяков были казнены.

По воспоминаниям Василия Васильевича Демыкина, работавшего в 1939–1953 гг. агрономом в Горнофилинске: *«В деревне был колхоз имени Ленина, сельский совет, почтовое отделение. На почте телефон, так как деревня находилась на телефонной линии Тобольск — Ханты-Мансийск, больница (ФАП) с одним медработником. Была начальная школа. Под горой магазин смешанных товаров, рыбоприемный пункт. Дома располагались на трех увалах, была одна прямая улица (от современной пекарни к реке), от нее по распадку по обе стороны тоже стояли дома. В распадке был хороший родник, где многие брали воду. С поймы, из-под горы вели две дороги, одна параллельно реке, более крутая. По ней ходили по воду на реку, зимой гоняли скот (коров и лошадей) на водопой, по другой дороге — по, так называемому, поповскому взвозу — только зимой возили сено. Хозяйство в деревне было многоотраслевым. Главным было животноводство, полеводство, рыбодобыча, охота. Кроме того, в зимний период — извоз (веревочка), возка пихты, лесозаготовки.»*

В колхозе сеяли озимую рожь, овес, ячмень. А с 1939 г. начали сеять яровую пшеницу, сажали картофель, турнепс и репу на корм скоту. Овощи производили только в личных подсобных хозяйствах. Землю обрабатывали в основном конными орудиями, и только тяжелые работы выполняла Реполовская М[ашинно] Т[ракторная] С[танция] по договору тракторами...»

Газета «Ленинская правда» (1964. 22 сент.) писала: *«На берегу Иртыша раскинулась деревня Горно-Филинская, живет здесь всего — всего пять семей. Так и осталось бы Горно-Филинское тихим местечком, если бы не обосновалась здесь геологическая партия.»*

Приказом № 62 от 17 сентября 1964 г. по Государственному геологическому комитету РСФСР — об образовании Правдинской нефтеразведочной экспедиции — начальником экспедиции был назначен Фарман Курбан-оглы Салманов.

Летом 1965 г. под его непосредственным руководством началось строительство поселка.

Многие здания в Горноправдинске построены студенческим строительным отрядом «Ермак» Киевского политехнического института. Им было начато строительство магазина, жилых домов, детского сада. За лето было построено восемь тысяч квадратных метров жилья.

6 сентября 1965 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР с. Горнофилинское переименовано в пос. Горноправдинск. В 1965 г. в поселке жило более одной тысячи человек. Слава о поселке гремела далеко за пределами округа, а имя начальника Правдинской нефтегазоразведочной экспедиции было известно не только в Советском Союзе, но и за рубежом. В поселке проводились всесоюзные, областные, окружные конференции, слеты, семинары-совещания. В августе 1967 г. — слет молодых геологов. *«Со всех концов страны съехались геологи в таежный поселок Горноправдинск, чтобы увидеть, что могут сделать люди, если ими движут инициатива, выдумка...»* (Ленинская правда. 1972. 12 авг.).

На страницах периодики постоянно упоминались фамилии буровых мастеров Правдинской нефтегазоразведочной экспедиции — Вырвикишко, Николаенко, Арутюнова, Владимира Исаченко, Василия Андреевича Петелина.

Все, кто приехал в поселок в числе первых, вспоминают, что жить и работать в первые годы было очень трудно. Из воспоминаний бурового мастера В. Ф. Исаченко: *«Просто мы умели работать. Могли работать в любых условиях. Ведь это наша бригада на пятидесятиградусном морозе проводила разведку на Приобском месторождении. Все бы ничего, да вот балки, чтобы обогреться где было, не привезли. Техника вышла из строя. Отправили за нами вертолет. Вертолет не мог даже на таком морозе взлететь. И мы на такой стуже, обогреваясь кострами, работали. За открытие Приобского месторождения наградили орденом Ленина».* (Наш район. 2003. 18 дек.)

Первопроходцы рассказывают, как Фарман Курбанович лично ходил по квартирам и записывал нужды работников, а потом на машине развозили по поселку холодильники, ковры и другие предметы первой необходимости. До всего было дело этому человеку: как идет строительство больничного комплекса, завезли ли на буровые продукты, есть ли в магазине фрукты.

1 сентября 1965 г. в строй вступила новая школа на 320 мест. В школе сразу же сложился творческий, работоспособный коллектив учителей. Среди них — Е. Г. Копотилова, Л. П. Хорина, Л. И. Зуева, А. А. Молостова, Е. И. Колосова, Т. М. Третьякова.

Об истории образования в поселке известно следующее. Первое учебное заведение в селе открыто в 1897 г., первым учителем была Надежда Тверетинова, бывшая помощница учителя младшего отделения Благовещенского приходского училища г. Тобольска.

13 февраля 1965 г. открыта сельская библиотека. Ее организатором и первым библиотекарем стала уроженка с. Филинского Уватенкова (Кулакова) Тамара Васильевна. Читательский формуляр под № 1 был вручен Ф. К. Салманову.

В настоящее время поселок — самый крупный по численности населения в Ханты-Мансийском районе (около 6 тыс. жителей).

Самаровцы Мухины — защитники Отечества

Струсь Владимир Филиппович, ветеран педагогического труда, г. Ханты-Мансийск
Романова Ольга Александровна, воспитатель детского сада «Дюймовочка», г. Ханты-Мансийск

Я, Романова Ольга Александровна, являюсь потомком первооткрывателей села Самарово из рода Мухиных. Мой дед Мухин Семен Сергеевич родился в 1904 г. в с. Самарово.

В 1923 г. Семен Сергеевич вступил в брак с Корепановой Павлой Михайловной, дочерью отставного солдата Корепанова Михаила Прокопьевича, уроженца и жителя с. Самарово. Так было положено начало ветви рода Мухиных-Корепановых.

В нашей семье хранятся две старинные фотографии, наклеенные на картонные паспарту, на которых изображены военные в старинных мундирах. По рассказам мамы и бабушки, сохранивших эти фото, это наши родственники. К сожалению, ни бабушка, ни мама не подписали эти фотографии, и сейчас Владимир Филиппович пытается по материалам метрических книг Самаровской Покровской церкви, частично сохранившимся надписям на обороте фотографий и научно-справочному аппарату Российского Государственного военно-исторического архива г. Москвы установить имена тех, кто изображен на фотографии. По словам мамы и бабушки, нашим родственником является стоящий слева служивый. Гвардеец. Об этом говорит надпись: «В память военной службы лейб-гвардии Измайловского полка 16 роты». Рекрут из далекого Самарово проходил службу в привилегированной воинской части Его Императорского Величества?

Измайловский полк был сформирован в 1730 г. в Москве, название получил по с. Измайлово под Москвой. Полк являлся третьим по значимости после лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Комплектовалась гвардия новобранцами со всей России, в боль-

шинстве своем из зажиточных крестьян и ремесленников. По данным исторических источников, в русской гвардии XVIII в. существовал принцип отбора в гвардейские полки по внешним данным. Жгучих брюнетов ростом не менее 182 см — в Конногвардейский полк, в Преображенский полк — шатенов со светлыми глазами. В Павловском полку служили только курносые блондины (в память об императоре Павле I). В лейб-гвардии Измайловский полк отбирали голубоглазых и белокурых. Отбор по внешним данным нашел свое отражение в военном фольклоре. Так, гвардейцы Павловского полка подсмеивались над служащими Измайловского:

— Все измайловские рожи

На кули с овсом похожи!

На что измайловцы незамедлительно отвечали:

— А курносы, как телята,

Это павловцы-ребята!

Есть основания предполагать, что изображенный на фото гвардеец — близкий родственник моей бабушки, урожденной Корепановой.

По линии моей бабушки выявлено немало военных Корепановых. Мой дед Михаил Прокопьевич Корепанов был рядовым солдатом, прадед Прокопий Григорьевич Корепанов вписан в метрических книгах как безусловно отпускной кавалер 1-й статьи Амурского экипажа, прапрадед был штабным интендантным кавалером. Также в нашем родословном древе ветви Корепановых есть предки с воинскими званиями: унтер-офицер, ефрейтор, бомбардир, рядовой.

А сейчас перейду к моим предкам Мухиным.

Мой дед Семен Сергеевич в 20-х гг. прошлого века возил обозами рыбу в Тобольск, держал четырех ездовых лошадей. В 1929 г. вступил в колхоз. Вскоре его выбрали председателем сельхозартели. У него были планы развития колхоза, но началась война, и он был отправлен на фронт.

В октябре 1942 г. от дедушки пришло долгожданное письмо. А спустя несколько дней на звероферму колхоза «15-й Октябрь» на имя Мухиной Павлы Михайловны поступило извещение: *«Ваш муж солдат Мухин Семен Сергеевич, находясь на фронте, пропал без вести в октябре 1942 г.»*

9 мая 1943 г. в двенадцать часов ночи из Самарово ушел пароход с добровольцами, среди них был и мой дядя Сергей Мухин, которому только что исполнилось семнадцать лет. В каких местах воевал Сергей, родные не знали, потому что писем с фронта, как и от отца, не приходило.

Летом 1944 г. почтальон принес Павле Михайловне Мухиной письмо, написанное незнакомым почерком: «Я — медсестра, ухаживающая за вашим сыном Сережей. В нашей жизни приходится переносить разные трудности не только тем, кто находится на полях сражений, но и тем, кто находится в тыловых условиях. Сережа много рассказывал о рыбных местах, где вырос, о том, какая вы добрая, о том, что растет сестренка. Ваш сын геройски сражался с ненавистным врагом, получил тяжелое ранение. В госпиталь поступил в плохом состоянии, за его жизнь боролись, и он сам хотел жить и вернуться на родину. Очень много было приложено сил к его спасению, но организм был ослаблен, Сережа не выдержал и умер 9 мая в двенадцать часов ночи. Сережу уже вернуть нельзя, но я прошу вас не надрывать себя. Вы мать и вам надо воспитывать дочь».

В июле пришло официальное извещение о смерти Сергея, в котором сообщалось, что «...младший сержант Сергей Семенович Мухин в бою за социалистическую Родину, проявив героизм и мужество, был ранен и умер 10 мая 1944 г. Похоронен на воинском кладбище с. Гвинитоби Ухалрубского района Грузинской ССР». А в 1970-х гг., когда Павлы Михайловны, моей бабушки, уже не было в живых, пришло письмо из Грузии. Члены клуба юных следопытов просили прислать подробную биографию Сережи, фотографию, копии фронтовых писем.

Переписку вела я, когда училась в школе. В Грузию ушла бандероль с рассказом мамы о Сергее, воспоминаниями родных, копиями некоторых документов.

Сегодня мы, потомки рода Мухиных-Корепановых, бережно храним немногие сохранившиеся документы — память о деду Семене Сергеевиче и его сыне Сергее, павших на полях сражений. Их имена вписаны в книгу благодарной памяти «Подвиг Ваш — грядущему пример», выпущенную Ханты-Мансийским городским советом ветеранов войны, и в книгу «Память» по Тюменской области. В нашем городе в Парке Победы на мемориальной стеле также есть их имена.

Платон Лопарев — собиратель фольклора аборигенов Югры

Патрикеев Новомир Борисович, академик Петровской академии наук и искусств, магистр краеведения, заслуженный работник культуры РСФСР, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, почетный читатель Государственной библиотеки Югры, г. Ханты-Мансийск

На прошлых (вторых) Лопаревских чтениях сделана попытка подробно представить П. И. Лопарева в новом образе — исследователя и организатора народного хозяйства Тобольского Севера — кооператора, охотоведа, эколога, звероведа и даже активного автора местных газет и журналов.

Но в библиографическом словаре «Ученые и краеведы Югры» П. И. Лопарев позиционируется еще как краевед, этнограф и фольклорист. В библиографии к его персоналии указывается публикация «Мифология остяков и самоедов. Поклонение Ун-Урту. Сказание об Ун-Урте» в тобольском краеведческом журнале «Наш край» (1924. № 1, 3).

Занимаясь историей охотничьего промысла в Обь-Иртышье, я года три с помощью краеведческого отдела Государственной библиотеки Югры разыскивал тот редчайший номер «Нашего края», но не из-за «Мифологии остяков и самоедов». Меня интересовала опубликованная в нем статья П. И. Лопарева «Виды на пушные заготовки на Тобольском Севере в кампанию 1924–1925 гг.». Наконец, работники нашей библиотеки подарили мне ксерокопию журнала, где было и «Поклонение Ун-Урту. Сказание об Ун-Урте» с предисловием и послесловием П. И. Лопарева — настоящее этнографическое исследование с солидным справочным материалом, справедливо опубликованное под рубрикой «Литературный отдел». Это богатый материал для всестороннего научного анализа со стороны специалистов.

Опираясь на авторские примечания к тексту, можно добавить, что это одно из многих сказаний об Ун-Урте, записано оно со слов 83-летнего промышленника Николая Антоновича Курманшина, жителя юрт Сеульских Самаровского района, бывшего долгое время помощником во время камланий родовых шаманов юрт Проточных. Представляю, сколько пришлось потрудиться Лопареву при записи сказания и при его литературной обработке.

Но мне бы хотелось остановиться на предисловии автора, которое носит отдельное название «Поклонение Ун-Урту» — большому Богу

всех остяков и русских, который «невидимо обитает» в юртах Проточных, в семи верстах от с. Троицкого на р. Иртыш.

Сюда ежегодно съезжались массы поклонников, представители почти всех народностей Севера и приносили в жертву божеству оленей, баранов, жеребят, а особенно ценились пегие лошади. Животных убивали, пили горячую кровь, а мясо съедали. Поставка в юрты жертвенных жеребят за 60–80 беличьих шкурок стала чуть ли не специальностью некоторых юртовых жителей и купцов. А за жертвы просили у Бога милостей и удач на промысле.

За прошлые успехи благодарили разной пушниной, в основном красной лисицей. С этой же целью бросали в местное озеро монеты. С древних времен их там накопилось столько, что некоторые авантюристы собирались даже осушить озеро, от чего их удержал только страх перед аборигенами и законом.

Жертвоприношения длились несколько дней, сопровождались шаманскими камланиями, пиршествами с огромным количеством спиртных напитков.

Прерванные революцией съезды аборигенов сейчас возобновляются. «А старики, остяки и самоеды считают колокольный звон церкви с Троицкого голосом Ун-Урта», — писал П. И. Лопарев в послесловии.

В заключении автор призывает советскую власть *«перешагнуть невероятно трудные условия работы среди туземного населения Севера, вытекающие из разбросанности его по глухим углам необъятной тундры, отсутствия ученых советских специалистов их родного языка, и приобщить их к культурным и политическим завоеваниям Республики».*

Страницы истории Самаровской Покровской церкви (XVII–XX вв.): по новым материалам Государственного архива г. Тобольска

Перевалов Владимир Алексеевич, историк, г. Екатеринбург

Деревянная церковь в Самаровском яме была построена, вероятно, одновременно с его основанием — в 1637 г. или в ближайшее за этим время. Предназначалась она для местных жителей — новоприборных ямщиков, поступивших на государственную службу и получавших за нее жалованье, поэтому ее возведение велось, по-видимому, за казен-

ный счет¹. Однако статуса «государева богомолья» храм не имел и в дальнейшем являлся приходским, в связи с чем его содержание должно было обеспечиваться уже самими прихожанами.

В новой церкви был устроен один престол, освященный, если доверять сведениям *Х. М. Лопарева*, во имя святителя Николая Чудотворца (как отмечено им же, «покровителя плавающих»), по которому она и стала называться Николаевской (Никольской)². Однако впоследствии по неясной пока причине (возможно, в связи с перестройкой или переносом на другое место) она получила иное посвящение — в честь Покрова Пресвятой Богородицы, после чего именовалась уже Покровской. Достоверно известно, что это произошло еще в XVII в. — не позднее 1676 г.³ Память же о первоначальном названии местного храма очень долго, вплоть до первой трети XX вв., сохранялась в Самарове сначала в виде одноименного — Николаевского (Никольского) — придела, устраивавшегося в его последующих зданиях во второй половине XVII—XVIII вв., а затем — Никольской часовни, находившейся на противоположном от Покровской церкви конце села.

В дальнейшем, при очередных перестройках Самаровской Покровской церкви, к главному храму в ней добавились еще сначала, как уже было упомянуто, придел во имя св. Николая Чудотворца (это произошло не позднее второй половины XVII в., а точнее, в 1683 г.)⁴, а затем (скорее всего, уже в следующем столетии) — придел во имя Знамени Пресвятой Богородицы (по документальным сведениям, в ее устроенном на 2 «апартамента» здании, сгоревшем в 1743 г., главный храм находился в верхнем — холодном — этаже, а 2 других, придельных — в нижнем, являвшемся теплым)⁵. Несколько десятилетий спустя — в 1760 г. — в нижнем этаже деревянной Самаровской Покровской

¹ Косвенно об этом свидетельствует и тот факт, что впоследствии на средства Сибирского приказа, являвшегося центральным учреждением по государственному управлению краем, приобретались недостающие в библиотеке храма книги — так, им в 1651 г. по челобитной местных жителей у московского купца Леонтия Иванова за 3 руб. 10 алтын было куплено «Полууставье» (Лопарев, *Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа.* — СПб., 1896. — С. 10).

² Лопарев, *Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа.* — СПб., 1896. — С. 10.

³ Лопарев, *Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа.* — СПб., 1896. — С. 154.

⁴ Шашков, *А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее.* — Сургут, 2004. — С. 69, 76.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 64. Л. 2–3; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347; Тобольская епархия. Ч. 2. — Омск, 1892. — С. 17; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 23.

церкви, построенной в середине 40-х гг. XVIII в. местным ямщиком Д. Сургутским (Сургутсковым) по его «всеусерднотщател[ь]ному рачител[ь]ству и обещанию» был устроен и четвертый придел — во имя Рождества Пресвятой Богородицы¹. Однако в ее новом деревянном здании, сооруженном в 1782 г., его уже не было². После этого она никогда более не расширялась, все время оставаясь трехпрестольной.

В административно-территориальном устройстве Тобольской епархии в течение большей части XVIII в. Самаровская Покровская церковь относилась сначала к Самаровскому, а затем Кодскому духовным заказам, с 1783 г. она была подведомственна Демьянскому духовному десятоначеству, а в XIX — начале XX вв. входила в состав сначала благочиния тобольских подгородных церквей, потом Березовского благочиннического округа, а впоследствии — 3-го благочиннического округа Тобольского уезда³.

История Самаровской Покровской церкви как архитектурного объекта складывалась следующим образом. К сожалению, из-за отсутствия в нашем распоряжении соответствующих документов невозможно детально восстановить ее прошлое за XVII — первую треть XVIII вв.; можно лишь с большой долей уверенности (на основании данных о других деревянных храмах Северо-Западной Сибири) предположить, что за это время она минимум 2–3 раза перестраивалась в дереве.

В 1743 г. ее существовавшее в то время деревянное здание сгорело «без остатку», вместе со всеми «украшениями»⁴. Тогда же заложили новую церковь⁵; а, по-видимому, уже на следующий год она была восстановлена в прежнем виде — «на два ж апартамента, и о трех же престолах» — во всяком случае, Тобольской духовной консисторией с ее настоятеля, протопопа Г. Максимова была взята подписка, «колико возможно, старание приносить», чтобы новый храм «к предбудущему [1]744 г. в августе привести ко окончанию»⁶.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2826. Л. 1, 4.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1685. Л. 5–5 об.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 411. Л. 3; Зольникова Н. Д. Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). — Новосибирск, 1989. — С. 271, 274; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 4. Д. 207. Л. 2; Тобольская епархия. Ч. 2. — Омск, 1892. — С. 57; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 23.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 2826. Л. 1.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 64. Л. 4, 5.

Простояв более 30 лет, он к концу 70-х гг. XVIII в. пришел в ветхость, и в 1779 г. было заложено новое здание Самаровской Покровской церкви, опять из дерева. Его постройка завершилась через 3 года — в 1782 г.¹

Четверть века спустя храм снова стал ветшать, ему уже требовался ремонт. Поэтому 10 декабря 1807 г. прихожане, учитывая и действовавший тогда правительственный запрет на сооружение деревянных церквей, решили, пока он не пришел в «крайнюю ветхость», «заблаговременно» строить его новое здание из камня и обратились к тобольскому преосвященному за соответствующим разрешением, а также просили выдать им «шнурозапечатанные» книги для сбора на это денежных пожертвований от «доброхотных дателей»². Однако Тобольская духовная консистория задержала решение этого вопроса до представления ими сведений, *«сколько они от собственности своей пис[ь]мянно согласятся внести ныне суммы на построение каменной церкви и впредь какое имянно надежное старание, равно от собственности же своей прилагать будут»*, а также проектного плана будущего храма и сметы необходимых расходов³.

1 апреля 1808 г. благочинный тобольских подгородных церквей, ключарь, иерей П. А. Фелицын направил причту Самаровской Покровской церкви приказ об «отобрании» у местных жителей соответствующей «подписки» (т. е., общественного приговора). Мирская сходка по этому вопросу, на которую собрались 115 человек крестьян и «ясашных остяков», состоялась только 1 июля (руководил ей волостной голова Борис Губин). На ней они все *«имели согласие, что оную каменную церковь вновь построить желаем и прихожена собственных своих складов к ныне состоящей церковной сумме взносят 1584 рубли»*, а *«что касается до... плана и сметы, то оного здесь сочинить некому, ибо таковой план и смета будет нужно сочинить знающему человеку на месте»*, в связи с чем просили прислать архитектора. Не могли прихожане также предоставить и сведений о том, когда было построено существовавшее в то время деревянное здание храма и сколько времени оно сможет еще простоять. В заключение они еще раз просили выдать 2 шнуровые книги, так как *«каменную церковь, по невозможности прихожан, в скором времени построить не надеются, а заблаговременно желаем оную заводить в надежде той, ежели будем книгами зборными*

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 3. Д. 1685. Л. 1, 3, 4.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 223. Л. 1–2.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 223. Л. 5 об., 6.

снабжены от доброхотных дателей прикладов; сверх того, мимо села Самаровскаго проплывают и проходят ежегодно из городов Томска, Енисейска и из Тобол[ь]ска купецкие и протчие для соления рыбы суда, на коих на лодках проходят с... кладью купцы и протчие разного звания люди бывают..., то и оные прикладами своими для благолепия храма Божия не оставят»¹.

Согласно составленному в августе 1808 г. Самаровским волостным правлением «регистру», жители с. Самарова и окрестных деревень, а также благотворители из других населенных пунктов собрали тогда на сооружение нового каменного здания Покровской церкви 1584 руб. 30 коп. К ноябрю прихожане также вернули в ее казну взятые ими когда-то в долг 370 руб. 95 коп. Однако в то время строительство каменного храма так и не началось, очевидно, из-за отсутствия у прихожан средств — они, по-видимому, не только так и не получили просимых шнуровых книг для сбора пожертвований, но и даже имевшаяся у них «сумма церковная» в количестве 1955 руб. 25 коп. была тогда по распоряжению Тобольской духовной консистории через самаровского ямщика Герасима Корепанова «отослана в банк для приращения». В 1811 г. благочинный П. А. Фелицын на запрос Тобольской духовной консистории сообщал, что по этой причине прихожане «намерение свое строить каменную церковь оставили до грядущаго времени», посчитав, что и «состоящая же ныне в их селе деревянная... лет пять или более для священнослужения существовать может»².

В 1812 г. с разрешения епархиального начальства старая деревянная Самаровская Покровская церковь была перекрыта «новым тесом», поскольку «по ветхости крыши... проходит в оную течь»³.

Однако 14 декабря 1815 г. в результате пожара этот храм сгорел вместе с «принадлежащим содержимым, церковною суммою и части имуществва»⁴. Уже в начале следующего года прихожане, посоветовавшись на общественном собрании, обратились к тобольскому архиепископу Амвросию I (Келембету) за разрешением построить «однопрестол[ь]ную церковь во имя Покрова Божии Матери деревян-

¹ Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1896. — С. 38–39.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 223. Л. 7; Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1896. — С. 40, 198–202.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 420. Л. 1–2.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 2.

ную, а равно и о со[о]ружении каменной», а для сбора средств на это просили выдать 2 шнуровые книги, «так как мы однем своим обществом заложит[ь] не можем, по неимению у нас хлебопашества и по дороговизне хлеба, а также и по неулову рыбы имеем скудное положение»¹. Однако Тобольская духовная консистория, рассмотревшая по его резолюции это обращение, распорядилась указать просителям, «чтобы они решились построить в своем селе одну церковь [-] деревянную или каменную, и о сборных книгах просили во обще с священно[- и] церковнослужителями на законном основании, особо на построение той или другой церкви»². Тогда на новой мирской сходке было решено «заводить церковь каменную о трех престолах во имя тех же самых, коими и погоревшая... именовалась», и просили на это «архипастырской резолюции, а также для збору от боголюбцов на заведение оной снабдении тремя книгами»³. Тобольская духовная консистория в своем докладе, составленном по этому поводу, рекомендовала преосвященному «на сооружение в Самаровском яму... вновь каменной церкви во имя Покрова Пресвятыя Богородицы с приделами Знамения Божией Матери, святителя и чудотворца Николая материалы заготовлять прихожанам дозволить, с тем, чтобы они, не приступая к заложению, предварительно представили... оной церкви план с фасадом и на заложение ея тогда испросили... благословение, а для поспешнейшего строения оной и вспоможения прихожанам, по бедности их, выдать... две зборныя книги». Ознакомившись с ним 11 марта 1816 г., тобольский архиепископ Амвросий I (Келембет) начертал на нем резолюцию: «Поступить по мнению консистории»⁴.

Уже в июне того же года материалы для постройки нового каменного здания Самаровской Покровской церкви прихожанами были «все исправлены»⁵. По воспоминаниям старожила И. Г. Кузнецова, записанным во второй половине XIX в. Х. М. Лопаревым (он неверно поместил их в своей хронике с. Самарова под 1808 г.⁶), прихожане «содействовали делу и приготовлением кирпича; ...был прислан из Тобольска архитектор Шаньгин, который, по ознакомлении с местностью, счел

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 22–23.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 25 об.–26.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 29.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 33, 32.

⁵ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 38.

⁶ См., в частности: ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 43.

наиболее удобным воздвигнуть храм вблизи деревянной церкви..., ближе к Коммиссарской горе. Прежде всего он велел копать канавы для фундамента. Крестьяне выкопали и явились за дальнейшими указаниями. Шаньгин, рассмотрев рвы, нашел их недостаточно глубокими и велел рыть глубже. Работающие подняли ропот, говоря, что это с его стороны притеснение; но архитектор убедил их, что они работают для Бога, что для такой тяжести, какую будет каменная церковь, необходим весьма прочный фундамент»¹. В целом этот рассказ И. Г. Кузнецова, несомненно, достоверен, хотя в некоторых деталях память его и подвела — так, в действительности, как свидетельствуют сохранившиеся документальные материалы, упомянутый выше Шаньгин был не архитектором, а служащим Тобольской духовной консистории, чиновником 12-го класса по Табели о рангах (хотя, возможно, местные жители просто приняли его за архитектора).

17 июня 1816 г. Самаровское волостное правление направило благочинному П. А. Фелицыну сообщение, при котором был приложен и «графированный» план будущего храма (впоследствии — в 40-х гг. XIX в. — к сожалению, утраченный), об «испрошении архиастырского благословения» на его закладку². А уже через несколько дней — 6 июля — была выдана благословенная грамота, по которой 18 сентября того же года местные священнослужители и заложили новое каменное трехпрестольное здание Самаровской Покровской церкви³.

Обычно в краеведческой и популярной литературе (а также, отметим, и в некоторых архивных документах, как правило, позднего происхождения) указывается, что она была построена в 1815 или 1816 г.⁴, однако это не соответствует действительности, что отмечал еще Х. М. Лопарев⁵. Летом 1816 г., как сказано выше, состоялась только ее закладка. К сожалению, документы о ходе строительства каменной Самаровской Покровской церкви и времени его завершения пока обнаружить не удалось. Известно лишь, что оно велось «тщанием прихожан

¹ Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1896. — С. 40.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 38; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 23; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 39, 43.

⁴ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347; Тобольская епархия. Ч. 2. — Омск, 1892. — С. 17; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 23; Анашкевич, М. А. Храмы России. — СПб., 2007. — С. 463.

⁵ Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1896. — С. 44.

и других жертвователей», а опекуном «означенной вновь строящейся церкви» был тобольский купец *Семен Александров сын Струнин*¹. Кроме того, по личному распоряжению тобольского архиепископа Амвросия I (Келембета) при «строении» в с. Самарове каменного храма было велено «неотлучно» находиться вдовому священнику Петру Протопопову, который ради этого по просьбе местных жителей был даже временно освобожден от отправки на жительство в Кодский Свято-Троицкий монастырь (такая практика в XVIII–XIX вв. имела место в отношении овдовевших представителей белого духовенства)².

Возведение новой каменной Самаровской Покровской церкви никак не могло уложиться в один год и, по-видимому, заняло довольно продолжительное время. Осуществлялось оно, как уже упоминалось, не в последнюю очередь на «доброхотные пожертвования». Так, только в начале 1819 г. закончился их сбор по выданным шнуровым книгам в Тобольской епархии (на территории Енисейского духовного правления было собрано 410 руб. ассигнациями, а на территории Барнаульского духовного правления — 235 руб. ассигнациями и серебряными и медными монетами)³. Но еще даже в январе 1824 г. имелась недоимка в сборе по книгам денег, записанных некоторыми лицами «в приклад» на ее «строение»⁴.

Можно предположить, что в конце первой трети XIX в. каменная Самаровская Покровская церковь уже существовала. Это был одноэтажный трехпрестольный храм (т. е. с двумя приделами: справа от главной церкви, являвшейся холодной, находился теплый придел в честь иконы Пресвятой Богородицы Знамение, а слева — во имя святителя Николая Мирликийского Чудотворца), устроенный, по свидетельству одного из современников, в «византийском стиле»⁵ и увенчанный сложной формы куполом, стоявшим на мощном многогранном барабане. На колокольне новой церкви был установлен высокий шпиль. В 1843 г. ее осмотрел березовский благочинный, протоиерей *И. М. Заборовский*, который нашел, что «в холодной церкви иконостас хотя и поставлен, но красками не окрашен, икон в нем

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 52.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 18.

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 7. Д. 1972. Л. 50–53 об.

⁴ Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1896. — С. 202–203.

⁵ Тобольские губернские ведомости. — 1880 г. — № 47. — С. 3.

нет, а потому богослужения в ней не бывает», а также обратил внимание на отсутствие вокруг нее ограды. По его донесению тогдашний тобольский епископ *Владимир* (Алявдин) распорядился обратиться к светским властям, чтобы «*понудить самаровских прихожан к покраске иконостаса и к постановлению в него икон, а также к устройению церковной ограды*». В 1864 г. храм был отремонтирован, а в 1874 г. его заново оштукатурили¹.

В начале XX в. Самаровская Покровская церковь представляла собой крепкое каменное здание, покрытое листовым железом, которое находилось в одной связи с такой же колокольней. Вокруг него была устроена железная ограда на каменном фундаменте. С западной стороны по ее углам располагались два каменных помещения, также покрытых железом — караулка и кладовка. И внутри, и снаружи церковь уже требовала значительного ремонта: внутри — «*окраски, поправки печей, замены чугунаго пола в теплом и холодном храме деревянным, с окраской в надлежащий цвет*»; планировалось также «*холодный храм на всякое время года сделать теплым*». Снаружи же ее вместе с оградой было «*вместо штукатурки желательнo окрасить масляной краской*». Однако, по сообщению причта, выполнение всех этих работ, кроме ремонта печей, приходилось откладывать до «*благоприятнаго и дешеваго на материалы года*». Церковной же утварью в храме в то время было «*скудо-достаточно*»².

Это здание Самаровской Покровской церкви просуществовало до первой трети XX в. Таким образом, за свою многовековую историю она перестраивалась по меньшей мере четыре раза: в XVII в., в 1744 и 1782 гг. и в первой трети XIX в.

В начале XX в. при Самаровской Покровской церкви состояли священник, псаломщик, а также просфорня с годовым жалованьем соответственно по 294, 98 и 36 руб. Кроме того, причт ежегодно получал кружечные доходы (так, в 1917 г. их набралось 640 руб.) и проценты с капитала в размере 1800 руб., вложенного кем-то билетами на его имя «за вечное поминовение» (они составляли 18 руб.). У церкви была собственная сенокосная земля, которой причт пользовался совместно с прихожанами. Кроме того, имелся церковный капитал, насчитывавший 9959 руб. 15 коп. и хранившийся в кредитных учреждениях

¹ Лопарев, Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа. — СПб., 1896. — С. 56, 145.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347.

(в 1917 г. его размер составлял уже 12119 руб. 52 коп.), а также причтовый капитал в размере 1800 руб.¹

В приходе Самаровской Покровской церкви тогда имелось 4 деревянных часовни: три — во имя св. Николая Чудотворца (в предместье Бараба), во имя св. Пророка Илии и во имя Всех Святых (на кладбище) — в самом с. Самаровском и одна — во им св. Пророка Ильи — в д. Оленевой².

После установления советской власти она была передана в пользование образовавшемуся при ней «религиозному обществу» (т. е. приходской общине) и продолжала действовать.

Закрыта была Самаровская Покровская церковь в 1930 г.³ Тогда же местными властями было решено ее разобрать с целью использования полученного из стен и сводов кирпича на строительстве Самаровской консервной фабрики. В качестве рабочей силы для этого были привлечены высланные на Север спецпереселенцы.

Однако фундамент храма, выполненный из кирпича на известковом растворе, как оказалось, уцелел. Его удалось обнаружить на глубине около 1,5–2 метров в ходе раскопок в 1994 г. С этого времени начались работы по возрождению Самаровской Покровской церкви. Известный новосибирский архитектор *Н. Казаков* разработал проект ее реконструкции с воссозданием исторического облика по сохранившимся изображениям. Все работы, продолжавшиеся в общей сложности 4 года, велись на добровольные пожертвования прихожан, организаций и предприятий и при финансовой поддержке администрации города и правительства округа.

Наконец, 14 октября 2000 г. возрожденный храм во имя Покрова Божией Матери в Ханты-Мансийске был открыт.

¹ Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 23; ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 347–347 об., 348 об.

² ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 19. Д. 331. Л. 348; Справочная книга Тобольской епархии на 1913 г. — Тобольск, 1913. — С. 23.

³ Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. — Тюмень, 2003. — С. 138; Набокова, Л. В. История церкви в документах Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Архивы Урала. — 2006 г. — № 9–10. — С. 324.

Письма Николая Лукича и Ариадны Васильевны Скалозубовых к дочери Анне

Завьялова Лидия Михайловна, ветеран библиотечного дела, г. Ханты-Мансийск

«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь...»

Тема, посвященная общественному деятелю, первому сибирскому селекционеру Тобольской губернии Николаю Лукичу Скалозубову и его семье, не раз освещалась на страницах краеведческих изданий. Появление данного материала обязано в первую очередь В. К. Белобородову, который, направив запрос в Государственный архив Новосибирской области о возможном наличии в фондах архива материалов о семье Скалозубовых, получил положительный ответ. В апреле 2011 г., находясь по случаю в Новосибирске, я и приступила к работе над личным фондом Анны Николаевны Скалозубовой. Ф. Р. 1790 содержит 61 единицу хранения и раскрывает жизнь и деятельность одной из дочерей Николая Лукича Анны (3.12.1902–30.03.1970) периода 1927–1961 гг.

Окончив в 1926 г. факультет растениеводства сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева по специальности «агроном» и пойдя по стопам отца, она всю свою трудовую деятельность посвятила созданию урожайных сортов пшеницы и овса, среди которых сорта яровой пшеницы: «Скала», «Урожайная 716», «Якутянка 224», «Таежная 4», «Мильтурум 400». А. Н. Скалозубова первая в стране изучала разнообразие сортов пшеницы, собранных ею у старожилов и переселенцев. В последние годы работала на Северо-Кулундинской опытной сельскохозяйственной станции в п. Баган Новосибирской области. Насколько высок был ее авторитет, говорит приказ Министерства сельского хозяйства от 21 ноября 1962 г. за подписью заместителя министра И. Синягина, один из пунктов которого гласит: «Новосибирской сельскохозяйственной опытной станции провести юбилейное заседание научного Совета, посвященное 35-летию научной работы А. Н. Скалозубовой». В 1963 г. ей было присвоено звание «Заслуженный агроном РСФСР». В приветственном выступлении в честь 60-летия и присвоения почетного звания А. Н. Скалозубовой отмечалось ее неиссякаемое трудолюбие, исключительная работоспособность, скромность, прямота, принципиальность и бескорыстие — черты, которые были присущи и ее отцу Николаю Скалозубову.

Все ее дети получили высшее образование, а старшая дочь Алла продолжила династию агрономов Скалозубовых. Отцом ее четверых детей — Аллы, Льва, Тома и Кима — был Порядин Виктор Николаевич, 1901 г. р., который также имел специальность агронома и в последние годы работал директором Покровской сельскохозяйственной опытной станции в Якутии. Согласно Книге памяти Республики Саха (Якутия), арестованный в 1937 г., 15 апреля 1938 г. он был обвинен НКВД Якутии по двум пунктам ст. 58 (п. 7, 11) УК РСФСР. Прокуратурой СССР реабилитирован в 1954 г. за недоказанностью дела.

Вторым ее мужем стал Иван Спиридонович Шелухин, коллега.

Архивный фонд в числе других материалов включает и письма, адресованные Анне Николаевне. Среди них 12 писем Н. Л. Скалозубова, датированные 1911–1914 гг. Читатель уже знаком с письмами Николая Лукича к одной из его дочерей — Надежде, опубликованными в краеведческом альманахе «Подорожник» (2009. Вып.10).

«Милая Нюрасинька, Нюсинька, Нюрашенька», — обращается Николай Лукич к своей дочурке, будущей Анне Николаевне. Много ли примеров из литературы и жизни мы знаем, когда 9-летней девочке пишет письма отец, когда письма наполнены такой нежностью и теплотой? В этот момент (1911–1920 гг.) Анна училась в коммерческом училище Колокольниковых в г. Тюмени со своей старшей сестрой Надеждой и поступившей позднее туда же младшей сестрой Людмилой. Сравнивая письма, которые он писал дочерям в училище, в частности Анне и Надежде, хочу отметить, что написанные в один и тот же день для каждой из них они были всегда разного содержания. Где бы ни был Николай Лукич — в Одессе, на пароходе «Румянцев» в Средиземном море, в Костроме, а в последние годы в Петровском под Курганом, письма, будь они короткие либо детально повествующие, писались регулярно при том, что в эти годы Н. Скалозубов был очень занят — до сентября 1912 г. он был сибирским депутатом Государственной думы. В одном из писем он пишет: *«Милая Нюсинька, письма пиши не торопясь, по транспаранту и избегай ошибок, чтобы я мог поставить за письмо sehr gut»*. Почти каждое письмо Нюсе имеет познавательный характер. Так, находясь в Одессе, он пишет об Афонском монастыре, в келье которого остановился на проживание, в следующем письме он описывает повадки воробья, нашедшего приют «у одного старого господина из литовцев». В его письмах к дочери нет нравоучений, их заменяют только добрые советы отца, друга.

Также в Новосибирском архиве хранятся 12 писем Ариадны Васильевны, жены Николая Лукича, к дочери Анне Николаевне, начиная с 11 марта 1942 г. К сожалению, не все письма, адресованные Анне Николаевне, были датированы, но, судя по содержанию, 11 писем связаны с периодом жизни Ариадны Васильевны в Ханты-Мансийске.

Ариадна Васильевна Скалозубова, урожденная Максимова, приехала в Остяко-Вогульск вместе со своей дочерью Ариадной Голяновской, которая была направлена в 1937 г. из Москвы на работу в сельскохозяйственный опорный пункт. До 1948 г. Ариадна Васильевна работала библиотекарем опорного пункта. Ее письма, адресованные Анне, могут служить примером бесконечной любви, заботы, тревоги матери за своего ребенка. *«Я смотрю на твою карточку, люблюсь на свою милую Нюсеньку, хотелось бы горячо твоего счастья, счастья в детях, в работе».* «Любящая тебя бесконечно мама», «Горячо любящая мама» — так подписывала свои письма Ариадна Васильевна.

Вся ее жизнь в Ханты-Мансийске была наполнена смыслом. В письме, которое А. Голяновская писала матери в Ханты-Мансийск, находясь в командировке в Москве, приводятся такие слова: *«В Ариадне Васильевне интересна не мудрость, а жизнь, бьющая ключом несмотря ни на что, даже на дряхлое тело».* В свою очередь Ариадна Васильевна писала в одном из писем к Анне: *«...вообще удивляюсь на свою 78-летнюю живучесть, продолжает все меня интересовать...».* И этому есть подтверждения в письмах. Она называет себя политиканкой, не пропускает «последних известий», пишет по просьбе Горюнова биографию Н. Л. Скалозубова, полна желания решить вопрос с Костромским музеем краеведения, куда без ее согласия отдал письма и дневники Николая Лукича брат Иван Лукич. *«Это такой ценный материал, а кто поедет в Кострому для использования. Я уверена, что никто не пользовался, но надо решить, куда их посылать, в какой музей, где наилучше будут использованы».*

В преклонном возрасте Ариадна Васильевна продолжает работать кистью, создавая этюды и портреты. *«...Несмотря на 81 год, тяжелую болезнь, я жива духовной жизнью»*, — пишет она в конце своего пребывания в Ханты-Мансийске.

Разумеется, живя в Ханты-Мансийске, Ариадна Васильевна не могла не писать об этом маленьком городе, в котором прожила свыше 10 лет.

«Весна, весна, сегодня ждут первого парохода, а с ним вести с родины. Это самое скверное здесь, живешь только почтой и ждешь газет. Хорошо, что есть радио и не вовсе оторван от мира».

«Здесь в Самарове... есть 10-летка не на опор[ном] пункте, а в Самарове, которое находится под горой, а пункт на горе. Надо спуститься под гору и немного пройти по Самарову или пройти (как делают учащиеся) до крутого спуска прямо к школе. Школа, конечно, по качеству уступает столичным, но в общем необходимое есть. Конечно, Том был бы обеспечен хорошим питанием и надзором (жил же у нас Антон), но я боюсь климата — нынче зима на диво теплая, а бывают резкие перемены, морозы с ветрами».

В начале 1950-х гг. (предположительно 1952–1953 гг.) Ариадна Васильевна покидает Ханты-Мансийск и переезжает жить к Анне Николаевне в Курганскую область, где и умирает в возрасте 85 лет.

Насколько уважительное было отношение Анны Николаевны к родителям, свидетельствует тот факт, что письма родителей были сохранены ею до конца своей жизни.

Безусловно, эти письма пополнят сведения о жизни и деятельности членов семьи Скалозубовых.

Кроме того, в Новосибирском архиве хранятся 150 фотографий из семейного архива, переданные старшей дочерью Анны Николаевны — Аллой Викторовной (Ф. Р. 175. Оп. 1. Д. 34).

Микротопонимы поселка Кирпичный

Усачева Вера Александровна, библиотекарь сельской библиотеки, пос. Кирпичный, Ханты-Мансийский район

Географические названия представляют собой большую ценность для истории народа, его культуры, они оставляют след духовной жизни многих поколений. Нередко они — неповторимые памятники языка, сохранившие в своем составе давно забытые, вышедшие из активного употребления слова. Вопрос о географических названиях непосредственно связан с культурой речи и с историческими событиями, которые связаны с населенным пунктом.

Кирпичный — маленький сибирский поселок, расположен на правом берегу Оби, в месте ее слияния с Иртышом.

Первые данные, которые мы обнаружили в архиве г. Ханты-Мансийска, говорят о том, что в XVI в. на правом берегу р. Оби было небольшое поселение рыбаков и охотников. Расположилось оно в местечке, именуемом местными жителями «Митькин лог». Состояло оно

всего из нескольких юрт. Это название поселка просуществовало до 1928 г. В окргосархиве есть документы, подтверждающие, что такой поселок существовал. В 1930 г. немного в стороне от Митькинского строится лесосплавконтора Усть-Иртышского рейда. Именно со строительства лесосплавконторы, которая заготавливала лес и сплавила его в сторону Троицы, и связано изменение названия поселка. В результате строительства поселок вытянулся вдоль р. Оби, и разные его части получили каждая свое название: коренное население продолжало жить в селении Митькинское; приезжие рабочие — в хозяйстве лесосплавконторы Усть-Иртышского рейда, раскулаченные ссыльные строили кирпичный завод, и их поселение именовалось «Кирпичный». Впоследствии основным названием поселка стало Кирпичный. Еще одно название получил он в пору становления судоходства в Сибири. На судоходных картах речников он значился, как и сегодня, Прииртышский.

Долгое время улицы поселка не имели названий, получили они их в 1984 г.

Идущая вдоль берега центральная улица стала носить имя братьев Дурицыных. Осенью 1941 г. из многочисленной семьи Дурицыных на фронт ушло 5 сыновей и отец семейства — Дурицын Федор Сергеевич. Двое из сыновей и глава семьи погибли, а трое вернулись в поселок и приняли активное участие в его строительстве. В поселке и сейчас живут их дети и внуки, это семьи Дурицына Виктора Федоровича, Урсу Веры Федоровны, Исаевой Ольги Федоровны, Дурицына Александра Федоровича.

Вторая была названа именем выпускника нашей школы Ахметшина Юрия. Юра в 18 лет принял присягу и стал солдатом, потом его, отличника боевой и политической подготовки, отправили в школу сержантов. За образцовое несение службы по охране государственной границы Юрий был награжден значком «Отличный пограничник». В это время на границе с Китаем было неспокойно. В бою Юрий Ахметшин выполнил солдатский долг и посмертно награжден медалью «За отвагу». Медаль была вручена его маме — учителю математики нашей школы Анне Кузьминичне Сабаевой.

Еще одна улица получила название Комсомольская. 1984 г. — время расцвета нашего поселка. Население его насчитывало более 1200 человек. Строились дома, общежития, кирпичный завод работал в три смены, велась большая вывозка леса и обработка его на лесопилораме, в столярном цехе. В 1983 г. по комсомольской путевке

в поселок приехала целая рота демобилизовавшихся солдат. При их участии были построены жилые дома, здания больницы, детского сада, два общежития, магазин и многое другое. В поселке было много молодежи, поэтому и было принято решение назвать одну из улиц Комсомольской.

Остальные улицы нашего поселка на основании предложений коренных жителей получили названия Луговая, Попова, Лесная.

Возле нашего поселка было несколько деревень: Митькино, Марьяна щель, Затон, Юрты. Сведения о них мы получили от старожилов, затем они были подтверждены архивными выписками, официальными документами.

Деревня Митькино. Это селение, располагалось в местечке, именуемом сегодня жителями поселка Митькиным логом. Жили в нем рыбаки и охотники. В 30-е гг., когда началась ссылка на север раскулаченных крестьян, районные власти организовали невдалеке от селения лагерь для ссыльных, которые строили кирпичный завод. Здесь же появилась рыболовецкая артель «Прогресс», лесосплавконтора. И население Митькино постепенно перешло на работу в строящийся поселок Усть-Иртышского рейда.

Деревня Марьяна Щель. О ней рассказали старожилы нашего поселка. Находилась она в нескольких километрах от Кирпичного на склоне Северной горы, на берегу протоки Сумринки. В весенне-летний период протока затапливала своими водами сенокосные луга в месте слияния с другой протокой — Сумринской. По рассказам старожилов Шушунова Василия Ивановича, Дурицыной Анны Яковлевны, Попова Григория эта деревня состояла из нескольких чумов.

Деревня Затон, в отличие от Марьиной Щели, была довольно большая. Находилась она на правом берегу Оби в сторону п. Луговской. Основным населением были русские, они занимались разведением лошадей, крупного рогатого скота, работали на лесопилке. Сплавленный по Оби лес пилили на доски, брус, который вывозили баржами на стройки района. В поселке были кузница и литейный цех, изготавливали чугунные изделия: плиты для печей, печные заслонки, различный сельскохозяйственный инвентарь. Постепенно жители разъехались: часть переехала в Луговской, часть — в Кирпичный, Троицу, Белогорье. В нашем поселке из Затона поселились семьи Морозова Николая, Попова Григория. По сегодняшний день на руинах этой деревеньки можно увидеть остатки жилых домов, домашней утвари, сельскохозяйственного инвентаря.

Деревня Юрты. На самом деле это была стоянка коренных жителей численностью в несколько юрт. Находилась она под горой, где сейчас живут семьи Сотниковой Паулины Васильевны, Гайль Татьяны Дмитриевны, Гайль Николая Павловича, Смирных Александра Николаевича. После того, как прибрежную часть стали заселять переселенцы из других мест, жители Юрт ушли в другие места, где могли жить в соответствии с их национальными традициями и в гармонии с природой.

Не менее интересна история названий лугов, полей, возвышенностей, находившихся близ нашего поселка. Люди, не задумываясь, говорят: Пегановская гора, Митькин лог, Игнатьев лог, Три сосны, Рейд, БАМ. Что же означают эти названия?

Пегановская гора. Немногие поселки нашего района могут похвастаться такой горой-красавицей. О происхождении ее названия мне рассказали сестры Купряхины, которые приезжали в поселок летом 2008 г. Затем их рассказ подтвердили и другие старожилы села.

«Пегановской» ее окрестили сами жители. Дело в том, что возле горы, где сейчас развалины кирпичного завода, был поселок ссыльных. Там стоял домик Пегановых. У них была большая семья. Родители были учителями и после занятий в школе устраивали с детьми катания с горы, игры на свежем воздухе, вся детвора поселка собиралась у них. Отсюда и пошло название горы.

Позднее на Пегановской горе устраивали народные гулянья, встречали праздники, молодежь и сейчас ходит на эту гору.

Игнатов лог. Здесь стояла контора Усть-Иртышского рейда. На фотографиях, подаренных нашему музею старожилами поселка, хорошо видно, что основная часть поселка в 1930–1940-е гг. находилась в Игнатовом логу. Мы еще не можем дать точного ответа на вопрос, почему его так называли, существуют большие разногласия на этот счет. Одни утверждают, что там жил знаменитый охотник Игнатий, другие говорят, что в этом месте жила семья Игнатовых, и лог не «Игнатьев», а «Игнатов».

Три сосны. В Ханты-Мансийском районе есть много удивительных уголков природы. У нас это Три сосны. Вниз по протоке Сенной есть сор. Он спрятался в зарослях ивняка, и проехать в него можно, если только хорошо знаешь это место. Когда выезжаешь на сор — душа радуется: тихая вода, деревья, цветы, птицы — нетронутый цивилизацией уголок первозданной природы! Весной на этот сор прилетают лебеди. В середине сора — небольшой остров, на котором растут березы, тальник, ольха и осина. И здесь же — три сосны. По ним и название.

Рейд. Рейдом называют у нас берег Оби, где находилась контора Усть-Иртышского рейда. Там же стояли «сплавные». Лес, связанный проволокой в плоты, в 1930-х и 1940-х гг. сплавливали по реке в сторону пос. Луговской на переработку. От конторы рейда остались одни фотографии, воспоминания, кучи проволоки на берегу да глыбы фундаментов от былых построек.

БАМ. В 1970-х и 1980-х гг. поселок бурно расстраивался вдоль Оби. Строили его студенты из г. Ивано-Франковска. Студенческие строительные отряды в летний период приезжали в наш район на комсомольские стройки. Не обошли они и наш поселок, а место, где они работали (от магазина ОРСа в сторону лесопилорамы), местные жители в шутку называли БАМом. Название прижилось.

Многие названия стерлись из памяти народной, ушли в историю, но есть загадки, над которыми можно еще поломать голову. Одна из них — священное дерево, которое стоит на горе у Митькиного лога. Коренные жители даже сейчас приезжают к нему со всех концов Югры, повязывают ленточки на его ветвях. Что это за дерево? Как называется место, где оно стоит, какие легенды оно хранит в своих ветвях? Хотелось бы узнать и об этом.

Природные реалии в угорских языках

Игушев Евгений Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Гуманитарного института ЮГУ, почетный читатель Государственной библиотеки Югры, г. Ханты-Мансийск

Учеными финно-угроведами доказано, что ханты, манси и венгры являются близкородственными народами, которые со второго тысячелетия до н. э., после распада финно-угорского пранарода, в течение полутора тысяч лет жили единой семьей в бассейне р. Белой, притока Камы, на южном Урале, говорили на общем им языке-потомке финно-угорского (уральского) праязыка, занимались традиционными видами хозяйственной деятельности, пропитание добывали рыболовством и охотой, в охоте использовали собаку и лошадь.

Названия этих домашних животных звучат одинаково на всех угорских языках. Сравните: собака по-хантыйски — амп, по-мансийски — амп, по-венгерски — еб. В данном термине в отдельный период жизни венгров произошли фонетические изменения: в середине слова звуко-

сочетание *tr* преобразовалось и произошло озвончение глухого согласного *r* под влиянием сонорного *m* за счет выпадения последнего по фонетическому закону деназализации, действовавшему в венгерском и пермских языках после распада угорского праязыка (V в. до н. э. — IX в. н. э.). Лошадь по-хантыйски — лов, по-мансийски — лув, по-венгерски — *ló*.

На существование коневодства у древних угров указывает, кроме наличия общих названий лошади, других реалий ухода за лошадью: седла (по-венгерски — *nyereg*, по-мансийски — *näwrä*, по-хантыйски — *nöүәр*), узды (по-венгерски — *fék*, по-хантыйски — *pek*, по-мансийски — *peχ*), кнута (по-венгерски — *ostor*, по-мансийски — *öšter*).

Dtyuthcrjt название стремени *kengyel* возникло в угорскую эпоху. В настоящее время оно воспринимается как неразложимая основа, но сравнительно-исторический анализ свидетельствует о том, что данная лексема — деэтимологизированное слово, первый компонент которого — *kengy* — не сохранен венгерским языком, но представлен в обско-угорских языках в значении «обувь из оленьих шкур» (сравните: мансийское — *kēńś*, хантыйское — *kenč*). Второй компонент сложного слова представляет собой венгерское *al* «нижнюю часть чего-либо» с переходом гласного в передний ряд под влиянием вокализма первого компонента — проявление закона гармонии гласных, характерного для венгерского и других финно-угорских языков. Таким образом, композита *kengyel* содержит значение — «то, что находится под подошвой обуви».

Как название важной принадлежности коневодства оно является ценным свидетельством, рассказывающим о культуре предков венгерского народа. К наследию угорского коневодства можно отнести и такие венгерские идиомы, как *másod fü lö* «лошадь второй травы, то есть лошадь, пасшаяся два лета), *harmadfü lö* «лошадь-трехлетка», буквально: «лошадь третьей травы». Этот же принцип используется и в мансийском языке. Сравните: *kit pum lü* — «двух трав лошадь», то есть лошадь, пасшаяся на лугах два лета.

Само слово трава — корм лошадей — восходит к единому угорскому источнику **rite*: по-хантыйски — *rit*, по-мансийски — *rit*, по-венгерски — *fű*.

Наряду с аргументами лингвистического порядка необходимо напомнить и о том, что венгры появляются на своей завоеванной родине, в Закарпатье, как народ коневодов, и истоки этого события восходят к угорской эпохе. О том же свидетельствует и исключительно важная роль лошади в народных традициях обских угров. В поэтическом фольклоре

этих народов верховные божества изображаются как всадники. В их народных песнях поется и об огромных табунах Небесного бога Нуми-Торума. Манси и ханты практиковали и принесение в жертву лошадей как наиболее ценимую божествами форму жертвоприношения (Хайду: 192).

Название реки Белая является калькой с древнего финно-угорского языка, на котором оно звучало как Югра. Данный гидроним состоял из двух основ: юг — что означало светлый (сравните: коми югыд, удмуртское югыт — светлый, марийское йонгешташ — проясняться). Основа Ра обозначала большую реку. Сравните современное мордовское название реки Волга — Рав (КЭСК).

С приходом в V в. до н. э. в бассейн реки Белой восточных тюркских соседей — башкир, занимавшихся скотоводством и земледелием, угорские племена в поисках новых мест охоты и рыболовства подались осваивать новые территории, так ханты и манси оказались в бассейне нижней Оби, Печоры и Вычегды, а венгры через южнорусские степи, Приднепровье достигли Закарпатья, где они со временем ассимилировали Паннонию — западнославянское население бассейна Дуная и Тиссы — и основали свою новую Родину — современную Венгрию.

Основной словарный фонд угорских языков образовался в период их совместного проживания в бассейне реки Белой — в Югре, как их называли соседние финно-угорские народы (сравните: по-коми ханты и манси называют йӧгра, по-удмуртски — эгра), отсюда русское летописное Югра. О древней родине угорских народов упоминается в первых письменных источниках Российского государства — в «Повести временных лет» летописцем Нестором: «Югра же суть людие, язык нем, и сидят с самоедью в полочных странах».

В переводе с древнерусского на современный язык это означает: югра — название народа, который говорит на своем языке, непонятном русскому, по соседству с ним на севере обитают ненцы (самодийские племена).

Историческую близость угорских языков можно проиллюстрировать параллельным переводом предложения, имеющего значение: «три женщины тянут сети с рыбой из озера»:

Перевод слов	три	женщины	рыбу	сетью	из озера	тянут
венгерский	három	nő	halat	halóval	tóból	húz
хантыйский	хелум	нэ	хул	холуп	турнан	нярл
мансийский	хурум	нэ	хул	хулупыл	турныл	хартэг

Анализ данного текста приводит к выводу о том, что рыболовная лексика, включающая в себя понятия «рыба», «сеть», «озеро», идентична во всех современных угорских языках. Числительное «три» также созвучно во всех трех языках. Следовательно, в период совместной жизни на реке Белой предки ханты, манси и венгров уже знали счет.

К общеугорскому периоду развития языка относятся и названия «мужчина», «женщина», «сын, мальчик», «дочь, девочка»:

мансийский	хантыйский	венгерский	древняя форма	значение
nē	niŋ	nő	*niŋä	женщина
χum	χum	hím (самец животных)	*koma	мужчина
piχ	poχ	fiú	*poika	мальчик, сын
aχi	ewi	i-iafia (твоя близкая родственница)	*äke	девочка, дочь

Югра — край аборигенов ханты и манси — согрета дыханием потомственных рыболовов, охотников и сборщиков дикоросов (ягод, грибов, орехов), испокон веков добывавших в суровых естественно-географических условиях средства для ежедневного существования своих семей. Во всем мире Югорская земля славится своими произведениями устного поэтического народного творчества, дошедшими из глубины веков до наших дней: медвежьими праздниками, героическими эпическими песнями, песнями судьбы, загадками и др. По мнению академика Венгерской Академии Наук Белы Кальмана, сказки и предания обских угров — одни из самых поэтических в мире. «Безымянные поэты Югры создали поэмы, образности и реализму языка которых могут позавидовать современные поэты и писатели. Описание природы и человеческих чувств в фольклоре северных народов настолько жизнерадостно, полнокровно и прекрасно в своей художественной простоте, что вполне достойно войти в мировую художественную литературу (Рябий: 383).

Когда впервые познакомишься с языком ханты и манси, поражаешься тому, что многие реалии повседневной жизни в нем имеют поэтическое выражение. Например, луч солнца — в восприятии хантов и манси — это солнечная рука, луч лунного света — рука луны, тень человека —

это картина души, передние лапы медведя, лошади, коровы, собаки и других домашних и диких животных — это руки, а задние лапы — соответственно ноги. Выражение чувства голода обские угры обозначают фразеологизмом со значением: сердце просит (сравните хант. сам вохты, манси сима этхелавуҥкве), а чувства тошноты — выражением: сердце выбрасывает (сравните: хант. сам атма йтиы, манс. айтынтах-тункве); рождение человека — фразеологическим выражением хант. сэма питты, манс. самынпатуҥкве, обозначающим дословно: на глаза падать (появиться), где сэм, сам — глаза, питы, патуҥкве — падать.

И поэтому совершенно неудивительно, что в Приобье — крае тундры и лесотундры, стране вечных снегов и льда — не только звучат традиционные народные песни, но и сочиняют песни современные хантыйские и мансийские барды. Как говорит латинская пословица: *ubi populus-ibi ars poëta* — где народ, там и поэзия!

С развитием техники, способов производства, сельского хозяйства, промышленности, культуры появляются новые реалии, которые требуют номинации. Так в хантыйском и мансийском языках появились неологизмы для обозначения самолета, парохода, поезда. Ханты и манси эти новые для них средства передвижения обозначают через привычные для них традиционные лодку и сани.

названия реалий	манси	ханты	буквальное значение
пароход	наингхап	тутангхоп	огненная лодка
поезд	наингтуйт	тутангтуйт	огненные сани
самолет	товлынгхап	тухлангхоп	крылатая лодка

В венгерском языке эти неологизмы образованы по другому принципу, нежели в обско-угорских языках: пароход — *hajó* от глагола *hajózik* — плавать, плыть; поезд — *vonat* от глагола *vonatatni* — тянуть, тащить; самолет — *repülőgéper* от глагола *repülni* и слова *géper* со значением «машина», дословно: летающая машина.

На особенности образования неологизмов в венгерском языке, несомненно, отразились способы деривации лексических единиц соседних индоевропейских языков. Сравните: немецкое *das Flugzeug*, финское *lentokone*, эстонское *lennuk*, дословно: летающая машина, летающий, где немецкое *fliegen*, финское *lentää*, эстонское *lendama* означают «летать», как и венгерское *repülni*... В европейских языках новые реалии получили номинацию от глагола со значением «летать»,

«тащить», а в обско-угорских языках — от реалий со значением «огонь» и «крыло».

Это свидетельствует о специфических особенностях в словообразовании в родственных языках, возникших уже после распада единого угорского пранарода и возникновения самостоятельных обско-угорских и венгерского этносов, проживающих на большом отдалении друг от друга.

За два с половиной тысячелетия языки ханты, манси и венгров разошлись, и некогда близкородственные народы теперь уже не могут понимать друг друга, но слова основного лексического фонда остались во всех угорских языках, они не только указывают на общность происхождения этих языков, но и значительно облегчают изучение и освоение языков друг друга.

Литература

1. Афанасьева, К. В. Русско-мансийский тематический словарь / К. В. Афанасьева. — СПб., 2002. — 151 с.
2. Лыткин, В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. — М. : Наука, 1970. — 431 с.
3. Лыскова, Н. А. Историческая грамматика мансийского языка / Н. А. Лыскова, Е. А. Игушев. — Ханты-Мансийск, 2010. — 166 с.
4. Кононова, С. П. Русско-хантыйский тематический словарь / С. П. Кононова. — СПб., 2002. — 216 с.
5. Основы финно-угорского языкознания. Т. 1. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков / под ред. проф. В. И. Лыткина, К. Е. Майтинской, К. Редэи. — М. : Наука, 1974. — 464 с.
6. Рябий, М. М. Слово о земле Югорской / М. М. Рябий // Эринтур: альманах писателей Югры. — 2006. — Вып. 11. — С. 383.
7. Munkácsi-Kálmán. Wogulisches Wörterbuch. — Budapest : Akadémiai kiadó, 1986.
8. Károi Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch. — Budapest : Akadémiai kiadó, 1988.

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Краеведческая работа в школе: опыт разработки
учебно-методического пособия в модульной
технологии обучения

Гололобов Евгений Ильич, проректор по научной работе Сургутского государственного педагогического университета, доктор исторических наук, г. Сургут

История — *Magistra vitae* (учительница жизни). В нас, хотим мы этого или не хотим, живет устойчивая вера в то, что в прошлом можно найти ответ на вопросы, интересующие нас в настоящем. Можно сколько угодно говорить, что история учит лишь тому, что ничему не учит, все равно мы ищем опоры в прошлом. Поддержание образцов, стремление к самоутверждению, самопознанию, открытию другого, историческая память — все это функции истории. В этом контексте нельзя не говорить об историческом краеведении.

Современное российское общество характеризуется заметной регионализацией. При реальном, а не мнимом федеративном устройстве страны учет регионального фактора в экономике, политической сфере, культуре — объективное требование. Изменилась и парадигма исторической науки. Историки осознали неполноту и ущербность такого подхода к отечественной истории, когда она сводится исключительно к явлениям и процессам общегосударственного масштаба. Они заново оценили важность изучения региональной, местной, локальной истории.

Воспитание краеведением подразумевает не только обучение и распространение знаний о прошлом и настоящем своего края, его особенностях и достопамятностях, но и развитие потребности в действенной заботе о его будущем, о сохранении его культурного и природного наследия. Подлинное краеведение всегда и краелюбие. Оно воплощает коренные взаимосвязи поколений и близких соседей и во многом определяет представление о месте своего родного «края» в регионе, в России в целом.

Главная цель исторического краеведения — социализация личности по месту проживания: именно знания о регионе создают условия для понимания и принятия жителями, особенно младшим поколением, учащимися той истины, что только труд и заботы людей могут сделать

жизнь в крае интересной, разнообразной и богатой. Такой взгляд формирует мотивы и потребности, побуждающие к участию в делах по благоустройству своей «малой родины».

Изучение региональной истории является условием трансляции ценностей и традиций местного общества, выступает своеобразным «мостом» в воспроизводстве коллективной памяти жителей округа, района, помогает преодолеть отчуждение не вполне сложившейся еще личности школьника и общества.

Краеведение способствует решению задач социальной адаптации граждан, особенно молодых, формированию у них готовности жить и трудиться в своем селе, районе, крае, республике, участвовать в их развитии, социально-экономическом и культурном обновлении. Это одна из актуальных социально-педагогических задач нашего времени.

Региональная и локальная история, краеведение представляют учащимся материал из непосредственного окружения и собственного жизненного опыта, актуальный для эмоционального переживания, интеллектуального и ценностного осмысления. Привлечение краеведческих материалов и фактов «микроистории» (событий из прошлого родного города, села, семьи) делает обучение личностно-ориентированным, школьники начинают активно участвовать в процессе познания, а их жизненный опыт и прошлое становятся предметом осмысления.

Региональная история, краеведение обеспечивают наилучшую основу для применения активных методов обучения (работа с музейными экспонатами и документами, источниками из местных архивов, сбор воспоминаний земляков и т. п.) и тем самым знакомят с методами исторического исследования. Привлечение различных слоев населения к исследовательской, учебно-исследовательской работе по сбору и осмыслению краеведческих материалов способствует развитию их личности.

Задачами обучения региональной истории являются:

- развитие интереса к истории не только как школьному предмету, но как явлению, охватывающему все стороны человеческой деятельности в прошлом;
- развитие критического и творческого мышления;
- формирование собственной исторической позиции и умение аргументировать и отстаивать ее в ходе дискуссий;
- обучение способам поиска и сбора информации по интересующему вопросу, ее систематизации, проверки достоверности фактов на основе сравнительного анализа с другими данными;

- обучение культуре оформления собственных исследовательских, учебных изысканий;
- развитие умения работать с дополнительной учебной литературой (учебные пособия по истории Сибири и родного края, хрестоматии, научно-популярные издания и т. п.).

Чтобы этому научить школьника, учитель это должен уметь делать сам. Для этого разработана дисциплина «Краеведческая работа в школе». Пособие является методическим обеспечением этого курса. Цель и задачи курса сформулированы в деятельностной парадигме.

Цель курса: научиться реализовывать региональный компонент в рамках краеведческой работы в школе.

Задачи курса:

Научиться использовать разные виды источников в школьном краеведении.

Научиться организовывать учебную и внеучебную деятельность школьников на основе краеведческого материала.

Поскольку дисциплина «Краеведческая работа в школе» изучается студентами на 5 курсе, данное пособие носит, прежде всего, практико-ориентированный характер и направлено на интеграцию и систематизацию знаний и умений, полученных на других дисциплинах: «История Сибири с древнейших времен до конца XVI в.», «История Сибири XVII—XIX вв.», «История Сибири XX в.». Такие дисциплины, как «Музееведение», «Источниковедение», «Теория и методика преподавания истории и обществознания», являются базой с точки зрения методики организации исследовательской работы.

В рамках компетентностного подхода на данной дисциплине формируются следующие компетенции:

- способность извлекать и интерпретировать историческую информацию из различных видов источников;
- готовность организовывать с обучающимися научно-поисковое исследование по истории обществоведения;
- способность организовывать самостоятельную и внеурочную деятельность учащихся по предмету;
- способность проектировать, планировать и проводить занятия по истории.

Для реализации компетентностного подхода в курсе предусматриваются различные формы обучения студентов: работа на практических занятиях, организация исследовательской работы студентов в области

исторического краеведения на занятиях и во внеучебное время, приобретение навыков самостоятельного творчества через выполнение поисковых, творческих заданий. Курс включает в себя два модуля.

Первый модуль «Методика сбора и использования краеведческого материала» ориентирован на изучение разных видов источников, используемых в школьном краеведении, и методов работы с ними.

Второй модуль «Реализация регионального компонента по истории в учебной и внеучебной деятельности школьников» направлен на овладение основными умениями в рамках организации учебной и внеучебной деятельности школьников на основе краеведческого материала.

По окончании курса студент должен знать:

- содержание, формы и методы организации учителем исследовательской работы учащихся в школе на основе краеведческого материала;
- объекты исторического краеведения;
- состояние исторического краеведения в регионе;
- научные основы школьного краеведения.

Студент должен уметь:

- организовывать сбор и обработку краеведческого материала;
- использовать разнообразные формы индивидуальной и коллективной исследовательской работы;
- использовать краеведческий материал на уроках истории и в элективных курсах;
- осуществлять комплексные краеведческие исследования учащихся;
- вовлекать учащихся в историко-краеведческую работу.

Студент должен быть способен:

- извлекать и интерпретировать историческую информацию из различных видов источников краеведческого характера;
- организовывать со школьниками индивидуальные и коллективные исследования по истории края;
- организовывать самостоятельную и внеурочную деятельность учащихся по истории края;
- проектировать, планировать и проводить занятия на краеведческие темы.

Рост общественного интереса к краеведению нуждается в квалифицированной поддержке ученых, учителей, политиков и руководителей региона. Только на основании актуализации историко-культурного

наследия возможны действительная гуманитаризация образования, улучшение работы учреждений культуры, гармонизация межнациональных отношений. Важным звеном в этой цепи, безусловно, является курс «Краеведческая работа в школе». Именно краеведение, наряду с изучением региональной истории, призвано определить место родного края в мировом историческом процессе, увязать историю региона с историей страны, утвердить чувство сопричастности жителей округа к его прошлому и традициям. Разработка учебно-методического пособия в модульной технологии обучения «Краеведческая работа в школе» — шаг в этом направлении.

Журнал «Югра» — 20 лет пути

Фетисова Галина Яковлевна, главный библиограф отдела краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры, г. Ханты-Мансийск

Возникновение сибирской печати началось в г. Тобольске. В городе в разное время издавались газеты и журналы. Первая газета начала выходить в 1857 г. — это были «Тобольские губернские ведомости», позже появились и другие газеты. В 20-х гг. XX в. стали выходить журналы «Северосоюз», «Наш край», «Бюллетень Тобольского окрисполкома» и другие. В 60-х гг. в Тюмени выходил журнал «Сибирские просторы». Затем наступило время других приоритетов. И только спустя почти 30 лет ситуация изменилась. В 90-е гг. XX в. в России появилось очень много разных газет и журналов, пошел большой поток новой и разной по характеру информации.

На этой почве и выросла идея создания первого в истории округа журнала. *«К этому времени с избытком уже накопилось неудовлетворенности политической журналистикой. И очень своевременным представлялось начать издание историко-культурное, не подверженное конъюнктуре, не торопящееся с выводами, спокойно и внимательно всматривающееся в локальный (в границах округа) культурно-исторический процесс... В конечном счете, хотелось, чтобы он стал пространством для творческих высказываний и стимулятором творчества»*, — писал В. К. Белобородов в статье «Преждевременный журнал» (Югра. 2001. № 10).

Идею создания такого издания поддержали и руководители округа Валерий Андреевич Чурилов и Александр Васильевич Филипенко.

23 октября 1990 г. журнал был зарегистрирован на заседании окрисполкома, В. К. Белобородов был назначен редактором. Учредителями стали окрисполком и ассоциация (впоследствии — компания) «Аки-Отыр».

Журнал вышел спустя год — в ноябре 1991 г. Редакции долго не удалось найти полиграфическое предприятие, которое бы взялось напечатать журнал, а когда оно было найдено (предприятие «Исеть» в г. Шадринске Курганской области), редактору пришлось заниматься поисками бумаги.

Одними из первых, кто взялся за распространение журнала, были библиотеки округа, затем к ним присоединились культурные и образовательные учреждения. Много сделал для популяризации журнала отдел краеведческой литературы и библиографии окружной библиотеки. В январе 1992 г. была устроена презентация журнала, а в декабре — вечер «Год с «Югрой», была дана рекомендация всем библиотекам округа выписывать журнал.

«В значительной своей части журнал задуман как краеведческое издание, призванное удовлетворить познавательный интерес тех, кто хочет подробнее познакомиться с историей и культурой края. Но взгляд авторов журнала не будет устремлен только назад, в прошлое. Не меньший интерес для нас представляет и то, что происходит в местной культурной жизни сегодня, чем жива российская глубинка... Поэтому редакция намерена сделать попытку вместе с читателями исследовать современный локальный культурный процесс, обратить внимание на многообразные факты и явления сегодняшнего духовного творчества на едином пространстве нашего округа».

«В статьях на темы местной истории, мыслилось тогда, важно было не выставлять оценки событиям и историческим деятелям, а искать в собственном прошлом точки опоры для настоящего. При обращении к темам местной культуры первостепенной задачей представлялась опять-таки не оценка деятельности учреждений и коллективов, а познание особенностей местной культуры как процесса. И если вести речь о человеке, то как о личности, интересной прежде всего своим творчеством, к какой бы сфере деятельности оно не принадлежало», — писал В. К. Белобородов в статье «Преждевременный журнал».

Вот некоторые линии содержания журнала. Номер начинался рубрикой «Гуманитарная мысль», которая знакомила читателей с мнениями гениальных мыслителей о месте культуры в душе человека и обществе. «На перекрестке культур» — заметки о национальных аспектах

культуры. «Наше богатство» — статьи о природных ресурсах края, «Век долог, да час дорог» — о традиционных занятиях северян. «Хрестоматия по истории края», «Из архивов», «Письма, дневники, воспоминания». Кандидат филологических наук Евдокия Александровна Кузакова пишет: «Главное — не забывать о людях, отдавших свои силы, жизни добрым делам в Ханты-Мансийском автономном округе». Этим людям был посвящен раздел «Деятели прошлого». В журнале освещались и острые современные темы в разделах «Записки недовольного», «Культура и рынок», «Культурная инициатива».

В 1995 г. журнал был переведен на полиграфическую базу Сургута, там же разместилась и редакция. Увеличились формат и объем журнала. Редакция продолжала придерживаться прежней структуры журнала и давала «трибуну» как новым авторам, так и тем, кто печатался раньше. В 1997 г. у журнала был самый маленький тираж 600 и 800 экземпляров. В статье «Дело главного редактора» (Югра. 2001. № 5. С. 89) В. В. Киселев вспоминает: *«В Сургуте для редакции выделили несколько кабинетов в здании городской газеты «Сургутская трибуна», администрация округа выделила финансы на издание»*. Владимир Васильевич проработал главным редактором с 1995 по 2000 гг.

В 2000 г. окружная администрация приняла решение объединить журналы «Югра» и «Югра. Дела и люди» в одно издание на базе журнала «Югра», возвратила редакцию в Ханты-Мансийск и главным редактором назначила Николая Викторовича Филимонова, который проработал до 2009 г. Журнал «Югра» был заявлен как региональный общественно-политический, экономический и историко-культурный.

Геннадий Бессонов в статье «Стилист и редактор Филимонов» (Югра. 2011. № 2) вспоминает: *«Концепцией развития журнала предполагалось, во-первых, гармоничное сочетание историко-культурной тематики «Югры» и новейшей истории молодого субъекта федерации, на которой специализировался журнал «Югра. Дела и люди». Во-вторых, планировалось вывести издание на федеральный уровень»*.

В журнале появились новые рубрики, наметился уклон в политико-экономическую тематику. Однако и историко-культурной тематике отводилось значительное место. Редакция не порвала связи со старыми авторами журнала, продолжала печатать статьи ученых, краеведов.

На протяжении всех лет существования журнала его первый редактор не терял с ним связи, работы В. К. Белобородова печатались в журнале. В 2009 г. он шесть первых месяцев года работал за главного редактора. С июня 2009 г. — и. о. главного редактора был назначен Эдуард

Нугуманов, в 2010 г. обязанности главного редактора исполняла Диана Кичигина. Печатали журнал по итогам аукциона разные полиграфические предприятия: в 2009 г. — Печатный дом «Тюмень», в 2010 — Типография ЗАО «Печатный дом «Формат» (Екатеринбург).

В последние годы изменилось содержание журнала, появились рубрики «Событие», «Власть», «Экономика» и т. п. Авторами статей являются журналисты и в меньшей степени специалисты, ученые, краеведы. В 2010 г. в номере бывало до 26 разделов. Появилось много информации, которую можно найти и в других СМИ.

С назначением в 2011 г. нового редактора Сергея Сергеевича Козлова журнал вновь претерпел изменения. У каждого номера есть своя главная тема, появились новые рубрики: «Государство и мы», «Сообщество», «Из кладезя истории», «Жизнь как она есть», «Территория души». Чуть больше по сравнению с предыдущими годами стало материалов по истории и культуре. Журнал печатает типография «Принт-Класс» (г. Ханты-Мансийск). Тираж его составляет 2150 экземпляров.

Значительным событием в жизни журнала первых лет было издание приложения «Библиотечка журнала «Югра». Читатели имели возможность впервые познакомиться с воспоминаниями учителя, краеведа Ларионова Федора Филипповича «Семейная хроника: материалы к истории культуры Западной Сибири», были переизданы два рассказа писателя К. Д. Носилова, работа А. А. Дунина-Горкавича «Нужды Тобольского севера и меры для их удовлетворения» и другие.

В традиции журнала прошлых лет была публикация содержания журнала за прошедший год. Это очень удобно для работы, надеемся, что традиция будет возобновлена.

Литература

1. Бакулин, Ю. У нас теперь есть краеведческий журнал / Ю. Бакулин // Тюм. известия. — 1991. — 5 дек.
2. Белобородов, В. К. «Преждевременный журнал: из истории «Югры». 1990–1994 гг. / В. К. Белобородов // Югра. — 2001. — № 10. — С. 56–63.
3. Белобородов, В. К. «Югра» — журнал для северян / В. К. Белобородов // Сургут. трибуна. — 1991. — 12 окт.
4. Бессонов, Г. Стилист и редактор Филимонов / Г. Бессонов // Югра. — 2011. — № 2. — С. 87–91.
5. Киселев, В. В. Дело главного редактора / В. В. Киселев // Югра. — 2011. — № 5. — С. 89.

6. Книжка, которую читают не только в округе // Нефтеюг. рабочий. — 1993. — 31 авг.
7. Коняев, Н. И. Знакомьтесь: «Югра» : [беседа с Н. И. Коняевым о журнале] / Н. И. Коняев ; записала И. Цепелева // Когалым. рабочий. — 1992. — 30 нояб.
8. Мирнов, О. Первый журнал в округе / О. Мирнов // Новости Югры. — 1991. — 7 дек.
9. Мухаметова, А. «Югра» — журнал для вас / А. Мухаметова // Новости Югры. — 1992. — 30 апр.
10. Назаров, В. «Югра» — ваш журнал / В. Назаров // Нефтеюг. рабочий. — 1994. — 3 окт.
11. Назаров, В. Журнал «Югра»: история, культура, краеведение / В. Назаров // Нефтеюг. рабочий. — 1992. — 14 мая.
12. Страшнов, В. Главная награда — любовь читателей : [беседа с зам. гл. ред. регион. журн. «Югра» В. Страшновым о журнале] / В. Страшнов ; записал И. Николаев // Тюм. известия. — 2008. — 16 дек.
13. Федорова, А. Пробудить память, взрастить любовь / А. Федорова // Сургут. трибуна. — 1992. — 16 окт.
14. Читатели о журнале «Югра» // Новости Югры. — 1992. — 29 сент.

Роль газеты «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» в зарождении литературы на национальных языках

Нестерова Светлана Николаевна, старший научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск,

Берендеева Светлана Петровна, заведующая отделом библиографии и литературы Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Хантыйская и мансийская литература на национальных языках не возникла стихийно, ее зарождению предшествовала большая и кропотливая работа. Исследователи признают факт появления самостоятельных литератур, но и считают их детищами русской литературы, оказывающей влияние на их зарождение и развитие.

Важнейшую роль в становлении литературы сыграла газета «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» («Остяко-Вогульская правда»), привлекавшая с первых дней своего существования коренное население округа к активному строительству нового социалистического образа жизни,

выполнению экономических и политических задач. Большое внимание на страницах печатного издания уделялось культурному развитию населения округа. Заголовки газеты привлекли к себе внимание: «Ликвидировать неграмотность в округе», «Реализую знания без задержки», «О состоянии обучения родному и русскому языку в национальных школах», «Каждый ханты и манси теперь может стать грамотным». Обсуждали информацию о подготовке кадров в туземном педагогическом техникуме как одну из острых задач.

Пристальное внимание было уделено учебному процессу, подготовке будущих педагогических кадров. Остро обсуждали проблемы подготовки учебников и методических пособий на языке ханты и манси, выбора литературного хантыйского языка. В статье *«В светлых, теплых комнатах встретить учебный год»* корреспондент пишет о задачах, поставленных перед коллективом туземного педагогического техникума: *«в ближайшие годы подготовить высококвалифицированные педагогические кадры для туземных школ и развернуть работу по подготовке имеющегося состава школьных работников»* [1932]. В статье *«За национальную письменность»* под рубрикой *«Даешь национальную азбуку. Ни одного работника организации не должно быть вне учебы туземного наречия»* сказано: *«В нашем округе с нынешнего учебного года уже практикуется работа по переводу туземных школ на свой родной язык. Письменность для остяков и вогулов утверждена Наркомпросом в прошлом году. Задача педагогов нашего округа ускорить внедрение этой письменности в гущу туземных масс. Но для того, чтобы осуществить эту важнейшую задачу, они прежде всего должны сами изучить остяцкий и вогульский язык»* [1932].

Работа по созданию литературы на национальных языках стала особенно актуальной, когда в 1931 г. сектор науки Наркомпроса РСФСР и ВЦК НА утвердили проект единого алфавита северных народов на латинской основе, исходя из которого были утверждены хантыйский и мансийский алфавиты. А перевод алфавита с латинской основы на кириллицу в 1937 г. не замедлил темпы работы в данном направлении деятельности.

Вторая важнейшая предпосылка к созданию литературы — переводческая деятельность. Студенты переводили на хантыйский и мансийский языки произведения русской классической литературы. Именно в этой работе проявился и развился литературный талант будущих поэтов и писателей. На страницах *«Ханты-Манчи Шоп (Шой)»* были опубликованы первые переводческие работы. Впервые [1937. № 7] опубли-

кована на хантыйском языке «Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Автор перевода Петр Хатанзеев. В интервью корреспонденту газеты «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» «Пушкин на национальных языках народов Севера» П. Хатанзеев говорит: «Сказка о рыбаке и рыбке» удалась лучше. Она понятна нам. Мы, остяки-рыболовы, живем на Оби, сетями рыбу ловим. Старики нам сказывали такую же сказку про рыбака и рыбку. У Пушкина она интересней. Я переводил ее на свой язык несколько раз, не удавалось. В нашем языке и слов многих нет, и звучат слова по-иному. Однако, я перевел ее вновь».

Далее Хатанзеев рассуждает об особенностях лексического строя хантыйского и русского языков. Эта публикация явилась своеобразным толчком к размышлению над тонкостями перевода не только русской классической литературы, но и хантыйского и мансийского фольклора, а также первых поэтических и прозаических произведений с национального языка на русский. Г. М. Василевич в статье «Переводческая работа на языках народов Севера за годы Советской власти» писал: «Первые переводы в тех условиях грешили кальками (перенос русских синтаксических норм в национальный текст) и бедностью словаря» [1. С. 231]. В дальнейшем была проделана большая работа по разработке единых требований к переводам, которые используются и в наши дни. Хотя, конечно, остается еще много проблем в этой области, которые исследователи, в частности фольклористы, пытаются решить при переводе фольклорных текстов.

Переводческая деятельность приобрела популярность. В последующие годы вышли отдельными изданиями несколько произведений русских писателей на национальных языках:

Пушкин, А. С. Сказки. Сказка о рыбаке и рыбке. Сказка о попе и работнике его Балде / пер. на хант. яз. П. Хатанзеева. — М. : Худож. лит., 1936. — 28 с.

Пушкин, А. С. Станционный смотритель / пер. на манс. яз. Е. Вингелева. — Л. : Худож. лит., 1936. — 26 с.

Пушкин, А. С. Сказка о рыбаке и рыбке / пер. на манс. яз. А. Баландина. — Л. : Худож. лит., 1938. — 28 с.

Пушкин, А. С. Станционный смотритель / пер. на хант. яз. Н. Терешкина. — Л. : Худож. лит., 1937. — 28 с.

Ранее уже были зафиксированы попытки к созданию хантыйской и мансийской литературы на Северном факультете Ленинградского Восточного института. В 1926 г. преподаватель А. К. Подгорская пред-

ложила написать рассказы на русском языке «из жизни наших националов». Результатом первых трудов явилась подготовленная книга «О нашей жизни» (Л., 1929. В 2 ч.), в которую вошли рассказы, очерки, записи фольклора. Б. Л. Комановский дает следующую характеристику: *«Страницы книги носили главным образом документальный и автобиографический характер и были весьма бесхитростны по форме»* [3. С. 50].

В этот же период вышли сборники «Тайга и тундра» (Л., 1928–1933, № 1–5), в которых «студенты-северяне также публиковали свои впечатления о пережитом, статьи о том, что их волновало» [3. С. 50].

Несмотря на небольшой промежуток времени от появления письменности на национальных языках, уже стали известны первые литературные опыты. В работе Б. Л. Комановского читаем: *«В феврале 1934 года газета «Остяко-Вогульская правда», обозревая достижения северян, продемонстрированные на первом городском слете национальных культур в городе Остяко-Вогульске, упомянула пьесу на хантыйском языке «Советская кубышка», поставленную студентами местного тузпедтехникума. Судить об этих первых пьесах мы можем теперь лишь по свидетельствам очевидцев и историков, так как тексты их, к сожалению, утрачены»* [3. С. 68]. Поскольку информация о других литературных попытках отсутствует, мы обратимся к следующей форме зарождения первых произведений.

В 1937 г. был создан кружок национального творчества фольклористом, преподавателем методики музыкального образования В. В. Сенкевич и преподавателем русского языка И. С. Гудковым. Молодые североведы очень активно включились в работу Ханты-Мансийского педагогического училища. Этому способствовала их многолетняя деятельность по записи фольклорного материала у народов Обского Севера. Подтверждение находим в статье В. В. Сенкевич «Фольклор Обского Севера» [8]. В деятельности кружка был продуманный этап. В. В. Сенкевич в статье «Кружок национального творчества» сообщает о первоначальной задумке назвать кружок литературным, но в дальнейшем темы изучения были расширены и его назвали «кружком национального творчества» [6. С. 102].

Существовало несколько направлений деятельности кружка:

- хантыйский и мансийский фольклор;
- творчество начинающих поэтов и писателей;
- переводная русская классическая литература на языках ханты и манси;

- фольклорно-этнографические доклады;
- доклады о близких Северу писателях;
- современный фольклор народов Советского Союза (о вождях революции, Сталинской Конституции, Гражданской войне и т. д.);
- орнаментальное искусство и музыкальный фольклор.

Большое внимание уделялось литературным переводам русской классики, проблемам фольклора и этнографии, орнаментальному искусству и музыкальному фольклору. Преподаватели стремились научить кружковцев писать на родном (хантыйском или мансийском) языке. По их мнению, только почувствовав слог родного языка, можно изучать другой язык, и тем более писать на нем. Результаты деятельности кружка обсуждались, и наиболее удачные произведения дорабатывались студентами. Руководители готовили к ним литературные переводы. Лучшие произведения печатались на страницах газеты «Ханты-Манчи Шоп (Шой)», в других изданиях.

В статье «Кружок национального творчества» В. Сенкевич и И. Гудковым сообщалось, что выходит первый сборник под названием «Огоньки» — «Тутийст» — «Найквэ» на трех языках. Небольшие заметки И. Гудкова о нем есть в газете «Остяко-Вогульская правда» [1938, № 1]: *«Аллегорическое произведение «Огоньки» классика русской литературы В. Г. Короленко было написано автором в альбом писательницы М. В. Ватсон 4 мая 1900 г. В печати впервые появилось в 1901 г.»*

Под огоньками, которые находятся «все-таки впереди», автор подразумевал грядущую революцию, которая снесет те мрачные «угрюмые берега» капитализма, в которых текла жизнь царской России.

Ниже мы приводим произведение «Огоньки» на мансийском языке, переведенное студенткой педучилища Мотей Вахрушевой».

В различных работах исследователей можно встретить информацию о том, что были подготовлены 4 выпуска рукописного фольклорно-этнографического и литературно-искусствоведческого альманаха «Советский Север». Нам не удалось отыскать ни одного номера в фондах Российской государственной библиотеки и в Российской национальной библиотеки. Формулировка «рукописный» характеризует ограниченность тиража.

Газета «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» явилась первоначальной литературной трибуной для начинающих поэтов. В 1937 г. на ее страницах появились первые произведения. К концу года было принято решение об открытии рубрики «Творчество народов Севера». А в номере от 11 июня 1937 г. выделена «Страница на хантыйском и мансийском язы-

ках», где дана пояснительная информация о публикации писем селькоров на хантыйском и мансийском языках. На этой странице представлено стихотворение «Вэнл'тавэнл'тел'ел'е хо», а также сообщения читателей [1937, № 87].

В данном докладе мы не ставили цели подготовить анализ всех произведений, опубликованных в этот период. Проведем небольшой обзор только некоторых номеров данного издания. На страницах № 105 в 1937 г. опубликовано стихотворение Николая Свешникова «Асн» (На Оби), оно представлено в оригинале, без перевода. Позднее его не печатали ни в одном периодическом издании и коллективном сборнике. В номере от 7 ноября 1937 г. помещено два стихотворения с переводами Моти Вахрушевой «Ленину (песня манси)» и Григория Лазарева «Сталин (песня хантэ)». В. Сенкевич в статье «Современность в фольклоре народов Севера» отметила как одну из ведущих тему о вождях революции, образ которых создавался на основе традиции идеализации сказочных богатырей древности [7. С. 103]. Это не было, по мнению В. Сенкевич, политическим заказом. Студенты выражали свое внутреннее отношение к действительности.

Приведем цитату из статьи «Кружок национального творчества»:

«Несмотря на целый ряд достижений, мы в своей работе не встречали никакой поддержки со стороны местного окрону. Руководители отдела народного образования скептически отнеслись к нашим начинаниям. Они говорили, что националам Севера, получившим только 5–6 лет тому назад свою письменность, еще рано иметь своих «Пушкиных» и что педагогическое училище воспитывает не поэтов, не этнографов-краеведов, а учителей начальных классов» [6. С. 104].

Газета активно пропагандировала новый образ жизни, вовлекая в ряды ВЛКСМ. У молодежи формировалась уверенность в строительстве светлого социалистического будущего. Конечно, это было результатом большой агитационной и пропагандистской работы. Но то настроение, которое у них преобладало, необходимо было выразить в словесном образе, а здесь появилась возможность воссоздать их и в письменной форме. Б. Л. Комановский отмечает у первых поэтов «гражданственность позиций», выраженную в формах прямого декларирования политических истин или перечисления положительных явлений, а также присутствие в стихах риторики, лозунга и невыразительных образных средств [3. С. 76].

В этом же номере от 7 ноября 1937 г. опубликовано стихотворение Григория Лазарева «Ханты хо ары» («Хантыйского человека песня»).

В мае 1938 г. вновь размещают это стихотворение «Ханты хо арь» с литературным переводом с хантыйского В. В. Сенкевич «Хантыйская песня». В этом же майском номере опубликовано стихотворение Кирилла Посохова «Оус МивЗунг», Михаила Казанцева «Песня манси». На страницах газеты от 1 января 1938 г. размещено стихотворение Кирилла Посохова «Вузьясынг Сталина» с литературным переводом с хантыйского В. В. Сенкевич «Привет Сталину». Приведем отрывок из стихотворения Михаила Казанцева «Песня манси»:

Годы мчатся, как олени,
 Дни, как птицы, пролетают;
 Прошлого остались тени,
 Наши манси процветают.
 Верный друг тайги широкой,
 Житель северной земли
 Лишь сейчас в глуши глубокой,
 Манси — сын родной земли.

Многие стихотворения молодые авторы называют песнями. Это связано, прежде всего, с жанровыми особенностями традиционного фольклора. Песня является переходным жанром от устной народной поэзии к письменной литературе [5. С. 52]. Народная песенная поэзия больше подвержена адаптации к новым условиям [10. С. 97]. Новая социальная среда способствовала появлению произведений, построенных не на жанре традиционного фольклора, а на синтезе песни и стихотворения на современную тему.

Не менее интересна рубрика «Сергей Миронович Киров в творчестве народов Севера». Этой теме посвящена целая страница. Например, Хиония Пухленкина, учащаяся 4-го класса педагогического училища пишет, что необходимо «учиться, как Киров». Михаил Григорьев уверяет своих читателей: «Мы не забудем Сергея Мироновича». Мансийский охотник Ядайко Лопцы сочинил личную песню «Горе мое», а А. Алдан перевел песню с ненецкого языка «Плач о Кирове»:

Всех оленей тундры белой
 я б погнал через снега,
 чтоб схватить рукою смелой
 руку подлого врага...

В ночь великого молчанья
 много горя, мало слов.
 В ночь великого молчанья
 ненцы плачут у костров.

Данный пример показывает, что, когда уходили из жизни вожди и лидеры революции, народ искренне переживал.

Из приведенных примеров можно констатировать преобладание поэтических произведений. Прозаические произведения появились намного позднее. В 1940 г. был опубликован рассказ «Два охотника» П. Еврина (П. А. Чейметова), зачинателя мансийской литературы.

Обратимся к другому произведению, опубликованному в номере от 20 ноября 1937 г. Это стихотворение «Мунг и азе и анкинявремыт» с литературным переводом с хантыйского В. В. Сенкевич «Мы дети одной семьи». Дословный перевод этого стихотворения «Мы одного отца и одной матери дети».

Мунгсорненихутеты,
 Тасингауттымунневы,
 Русь, ханты па ерып
 изаткуссяутет.

Первый литературный перевод:

Солнцем счастья и свободы
 Наша родина полна.
 Русский, хантэ — все народы
 Дружны, как одна семья.

Второй литературный перевод, который известен читателю:

Солнцем счастья и свободы
 Светит Родина моя.
 Русский, хантэ — все народы
 Дружны, как одна семья. [4. С. 22]

Ниже в тексте-оригинале читаем следующие строки, две из которых повторяются:

Вошет, завопыт, куртыт
там, эха мунготув.
Мунгсорненгхутеты
тасингауттымувевны.

Литературный перевод:

Города, леса, заводы —
Мы владеем ими все,
В нашей радостной, свободной,
В нашей солнечной стране.

Авторам перевода очень хотелось приукрасить жизнь коренного населения и показать ее «радостной», «свободной» и «солнечной». Существительное «куртыт» — «деревни» заменено на существительное «леса». Этим показано, что народу принадлежит все, что вокруг него и даже весь мир.

Обратимся к другому стихотворению Г. Лазарева «Ас» с подстрочным переводом с хантыйского «Обь», опубликованным в № 25 от 1 января 1938 г. Сравнивая оригинал с первым и вторым литературным переводом, мы отметим небольшое различие в тексте.

В оригинальном тексте:

Мамостемнангет Ас!
Маннехаттымоонпем.

Дословный перевод:
Я люблю тебя, Обь!
Меня качала, как в люльке.

Предложен был еще следующий вариант перевода:

Моя любимая Обь!
Меня качала, как в люльке.

В литературном переводе:
Обь! Я люблю тебя!
Больше всей природы.

Вариант литературного перевода утверждающий. На первый план вынесен объект.

В первом литературном переводе:
Ты люлькой мне была
В младенческие годы.

Во втором литературном переводе:
Ты моей колыбелью была
В далекие детские годы.

В первом варианте оттенок констатации факта, поэт сравнивает Обь с люлькой. Жизнь коренного населения всегда связана с водой, с рекой. Во втором варианте слово «люлька» заменено на «колыбель», такое сравнение ярче выражает образ. Это достаточно часто употребляемое слово в 30-е гг. Например, «колыбель революции». А вот в оригинальном тексте «оонтеп» переводим как «зыбка». Во втором варианте ностальгическое настроение передается прилагательным «далекие». Понимается нами, как воспоминания зрелого человека. Даже прилагательные «младенческие» и «детские» несут в себе разное понимание временного отрезка в жизни человека.

Именно с Григорием Лазаревым связывают зарождение хантыйской литературы. Все публикации в различных периодических изданиях в те годы носили, главным образом, информативный характер. Г. Деркач написала такие слова: *«Так и родилось поэтическое слово. Первым произнес его за всю историю хантыйского народа Григорий Лазарев»* [2].

Мы показали только малую часть того, что было написано в 30-е гг. начинающими поэтами на страницах газеты «Ханты-Манчи Шоп (Шой)». Сегодня мы констатируем факт: у нас есть возможность читать первые произведения на языке оригинала. В связи с этим отмечаем, что процесс появления литературы на национальных языках не прошел незамеченным в общем культурном становлении края.

Литература

1. Василевич, Г. М. Переводческая работа на языках народов Севера за годы Советской власти // Просвещение на Советском Крайнем Севере : сборник. — Л., 1958. — С. 228–234.

2. Деркач, Г. Первое поэтическое слово // Ленинская правда. — 1972. — 9 авг.
3. Комановский, Б. Л. Пути развития литератур народов Крайнего Севера и Дальнего Востока СССР. — Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1977.
4. Литература Югры. 1930–2000. Поэзия : антология. — М., 2001. — С. 21–27.
5. Пахорукова, В. В. Песня в лирике Питю Оньо // Проблемы жанровой поэтики коми литературы. — Сыктывкар, 2007. — Вып. 65. — С. 50–56.
6. Сенкевич, В. В. Кружок национального творчества // Литературная учеба. — 1938. — № 8. — С. 102–104.
7. Сенкевич, В. В. Современность в фольклоре народов Севера // Советская Арктика. — 1937. — № 11. — С. 103–108.
8. Сенкевич, В. В. Фольклор Обского Севера // Советская Арктика. — 1935. — № 5. — С. 65.
9. Шмидт, Е. Проблемы современного фольклора северных обских угров // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. — Томск, 1984. — С. 95–107.

«Золотой век» югорского краеведения

Шуляк Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры социально-экономических дисциплин Ханты-Мансийской государственной медицинской академии, г. Ханты-Мансийск

Второе и третье десятилетия XX в. вошли в историю отечественного краеведения как время его расцвета. В это время оно было поставлено на службу идейно-политического воспитания граждан страны Советов и получило широкое развитие. Краеведение стало важнейшим компонентом в программах советской единой трудовой школы, его проблемами активно занимались студенты средних специальных и высших учебных заведений, научные сотрудники различных профилей, развернулось активное общественное краеведческое движение. Его основные направления и задачи определялись директивами партии и правительства. В декабре 1921 г. Наркомпрос РСФСР созвал в Москве I Всероссийскую конференцию научных обществ по краеведению, где было представлено 67 организаций. Нарком просвещения А. В. Луначарский в своем докладе осветил значение советского краеведения и обозначил

его актуальные проблемы. На конференции были заслушаны доклады по различным отраслям краеведения, в том числе и по историческому. Ее участники разработали типовой Устав краеведческих обществ. Уже в январе 1922 г. при Академии наук было создано Центральное бюро краеведения, организационный и научно-методический центр краеведческой работы¹. История родного края стала предметом изучения не только профессиональных историков, но и школьников, студентов, служащих, рабочих и крестьян.

В 1930-е гг. на территории Остяко-Вогульского округа (ныне Ханты-Мансийский автономный округ — Югра) получило развитие массовое движение краеведов, организатором и центром которого был местный окружной краеведческий музей. Он был создан в Остяко-Вогульске (ныне город Ханты-Мансийск) согласно постановлению президиума Уральского облисполкома от 9 июля 1932 г., первым его научным сотрудником и директором являлся И. А. Шабалин². Уже в один из первых дней своей работы на совещании ответственных работников Остяко-Вогульского округа он обратил внимание на формирование фондов музеев через организацию краеведческих кружков, вербовку корреспондентов на местах, связь с другими музейными учреждениями по обмену мнениями и дуплетными экспонатами³. Из государственного музея народов СССР, который являлся в те годы методическим центром национальных музеев, И. А. Шабалиным были получены ценные рекомендации по организации работы Остяко-Вогульского окружного музея⁴.

Формирование фондов музея стало общим делом учреждений, организаций и жителей округа. При музее был создан окружной совет краеведения. К концу 1934 г. в округе числилось 140 краеведов, начали свою деятельность краеведческие ячейки. Особенно активно работали ячейки Казымской и Сосьвинской культбаз⁵. П. С. Карфидов, председатель совета краеведения, разослал в различные организации и учреждения округа письма с призывом изучать родной край и собирать сведения о полезных ископаемых, об изменениях в природе и присы-

¹ Историческое краеведение / под ред. Н. Г. Матюшина. — М. : «Просвещение», 1975. — С. 10, 11.

² Музей: вехи жизни. — Ханты-Мансийск : «Полиграфист», 2007. — С. 16.

³ ГА ХМАО (Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа). Ф. 174. Оп. 1. Д. 2. Л. 45–46.

⁴ ГАХМАО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 4. Л. 155.

⁵ Патранова, В. Край родной, малоизученный // Новости Югры. — 2007. — 25–31 янв.

лать их в окружной краеведческий музей¹. В январе 1935 г. совет организовал «массовый краеведческий вечер», на котором его участники ознакомились с методами работы краеведческих ячеек. Итоги работы краеведческого общества были представлены на выставках, посвященных 17-й годовщине Октябрьской революции и второму окружному съезду Советов в конце 1934 г., они отражали хозяйственно-культурное состояние округа².

В директивных письмах из Омска и Москвы краеведение называли «одним из двигателей изучения природных богатств». Омское областное бюро краеведения привлекло краеведов к работе по описанию физико-географических условий территории округа и полезных ископаемых, находящихся в его недрах. Летом 1935 г. окружной совет краеведения объявил поход краеведов с целью поиска признаков нефти на территории Югры. Краеведческая деятельность была организована в школах округа, учащиеся привлекались к сбору материалов для будущего музея. Школьная ячейка в с. Перегребном обнаружила медные монеты XVI в., зуб древнего животного. В летние каникулы школьникам рекомендовалось собирать сведения о полезных ископаемых, наблюдать за природными явлениями и изучать фольклор. Не остались в стороне от краеведческой исследовательской деятельности студенты и трудящиеся округа. Краеведческая ячейка Остяко-Вогульского педагогического училища вела метеорологические наблюдения и ежедневно выпускала бюллетень. Труженики местного рыбокомбината собирали материалы по истории своего предприятия³. Все результаты и предметы изысканий присылались и доставлялись в окружной совет краеведения при краеведческом музее.

Вклад в формирование этнографической коллекции музея внесло окружное отделение НКВД, в котором в результате репрессий, разгрома культовых мест и святилищ было собрано немало предметов, связанных с бытом коренного населения и деятельностью шаманов. 15 ноября 1934 г. один из сотрудников отделения передал в фонд музея шаманские атрибуты, в том числе суконные покрывала для ящичков и нарт, в которых хранились атрибуты шаманов, шапки с отделкой из меха и эмблемные шарфы⁴.

¹ Патранова, В. Край родной, малоизученный // Новости Югры. — 2007. — 22–28 марта.

² Патранова, В. Край родной, малоизученный // Новости Югры. — 2007. — 25–31 янв.

³ Патранова, В. Край родной, малоизученный // Новости Югры. — 2007. — 25–31 янв.

⁴ ГАХМАО. Ф. 174. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

Благодаря активной поисковой деятельности жителей округа и помощи различных центральных краеведческих учреждений и организаций 4 ноября 1936 г. музей открыл двери для посетителей. Однако работа по формированию и пополнению фондов музея продолжалась.

Начавшаяся Великая Отечественная война изменила темпы и масштабы развития краеведческого движения в округе, многие местные краеведы ушли на фронт. Фонды музея пополнялись очень медленно, финансирование и штатное расписание сокращались из года в год. В 1943 г. в музее работал только М. А. Воскобойников, его директор. Он организовал работу музея так, чтобы его выставки и экспозиции укрепляли моральный дух посетителей. В музее постоянно действовала выставка о войне, готовились временные экспозиции, посвященные дню рождения В. И. Ленина и общественно-политическим праздникам. Особое внимание М. А. Воскобойников обращал на сбор материалов об особенностях развития округа в условиях военного времени¹.

В настоящее время окружной краеведческий музей носит название музея Природы и Человека и располагается в комфортабельном современном здании. Сегодня, как и в 30-е гг. XX в., он переживает время подъема и является центром краеведческой работы в округе. Сотрудники музея широко используют в своей работе новые информационные технологии, спецэффекты и дизайн, ими разработана комплексная программа «Фабрика культур», направленная на подготовку и выпуск специальной сувенирной продукции и осуществление издательской деятельности, ведется работа по развитию музейно-туристического сервиса. Сотрудники музея активно занимаются изучением, сохранением и популяризацией историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа.

Из истории библиотеки Обско-угорского института прикладных исследований и разработок

Берендеева Светлана Петровна, заведующая отделом библиографии и литературы Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (первоначальное название — научно-исследовательский институт со-

¹ Музей: вехи жизни. — Ханты-Мансийск : «Полиграфист», 2007. — С. 37, 38.

циально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа) создан решением исполкома окружного Совета народных депутатов № 28 от 28 ноября 1991 г. В нем определялась цель образования института: комплексное изучение исторических, социально-экономических, межнациональных, демографических, лингвистических, правовых проблем обско-угорских народов, подготовка научных кадров. Регистрация библиотеки как структурного подразделения с фондом 3 тысячи экземпляров и штатным расписанием в 2 человека состоялась 1 июля 1992 г.

Основу фонда составила библиотека первого директора института Е. А. Немысовой, приобретенная в 1992 г. В ней представлены издания по педагогическим, филологическим наукам, фольклору, книги писателей Севера, учебники для национальных школ 1950–1960 гг., издания на хантыйском, мансийском, немецком и финском языках, фотографии, вырезки из местных газет. В этом же году была приобретена библиотека известного исследователя Севера профессора В. А. Зибарева. Формировалась она около 40 лет, и в ее состав входят многотомные издания по истории России, издания по материальной и духовной культуре народов Севера, коллекция авторефератов с автографами авторов, периодические издания 1960–1990 гг. («Советская этнография», «История СССР», «Вопросы истории» и др.).

В 1997 г. получена в дар библиотека заместителя директора по науке института (1994–1998) Г. И. Бардина. В ее составе наряду с научными изданиями, словарями по метеорологии, океанологии, экологии — приключенческая литература, книги русских и советских писателей (собрания сочинений Максима Горького в 25 т., Л. Пантелеева в 4 т., А. Гиляровского в 4 т., К. Паустовского в 8 т., Н. В. Гоголя, книги серии «XX век: Путешествия. Открытия. Исследования» и другие издания).

Позднее была приобретена библиотека исследователя хантыйского языка, журналиста, просветителя хантыйского народа А. М. Сенгепова (книги по истории Югры, рукописи, дневники), а также предметы (пишущая машинка, диктофон, фотоаппарат и др.), которыми пользовался А. М. Сенгепов в своей творческой деятельности. На всех изданиях, приобретенных и полученных в дар, присутствуют экслибрисы владельцев библиотек.

Так как в данной работе невозможно раскрыть всю историю библиотеки, описать все события, остановлюсь на некоторых из них. Это выставка «Финно-угорский мир в куклах и игрушках А. М. Тахтуевой»

и панорамная выставка «Так это было на земле...». Обе получили большое количество теплых отзывов посетителей.

Выставку декоративно-прикладного творчества ветерана труда, отличника народного образования Александры Матвеевны Тахтуевой подготовили к XI Международному фольклорному фестивалю финно-угорских народов, который проходил в Ханты-Мансийске с 27 июня по 3 июля 2005 г. А. М. Тахтуева дополнила уже существовавшую коллекцию кукол обско-угорских народов (ханты и манси) куклами всех 16 финно-угорских народов. Она принялась детально изучать историю, быт, культуру финнов, эстонцев, саамов, карелов, коми-зырян, коми-пермяков, хантов, манси, марийцев, мордвы, удмуртов, венгров, ижорцев, вепсов, ливов, вольфов. Библиотекари подбирали научную, научно-популярную литературу, где раскрыта материальная и духовная культура этих народов. Александра Матвеевна изучила материалы, подобранные библиотекарями, и изготовила куклы и игрушки.

Выставка вызвала большой интерес. Одна из посетительниц пишет: *«Выставка погружает в мир нашего детства, мир доброты, чистоты. Очень впечатляет. Огромное спасибо...»* Вот еще отзыв: *«...такое ощущение, будто побывала в родных Нижневарттовских краях, милых сердцу и душе...»* Венгерский ученый финно-угровед Янош Пустой в своем интервью отметил, что подобные выставки возрождают культуру народа. Экспозиция обошла многие детские сады, школы, библиотеки. Состоялись встречи учащихся, студентов с автором коллекции А. М. Тахтуевой. Издан фотоальбом «Финно-угорский мир в куклах и игрушках А. М. Тахтуевой» тиражом 1000 экз., тираж быстро «разлетелся» по детским учреждениям, библиотекам округа. В связи с большой популярностью альбома мы принялись за переиздание, но уже в электронном варианте, финансовую поддержку оказал департамент по вопросам коренных малочисленных народов Севера. Диск получили в подарок участники и гости V Всемирного Конгресса финно-угорских народов (место проведения — Ханты-Мансийск, 2008).

Второй проект — панорамная выставка «Так это было на земле...» — посвящен 80-летию со дня создания Казымской культбазы, 65-летию Победы в Великой Отечественной войне и 80-летию образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Нами было задумано представить публикации на страницах окружной газеты «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» 1930–1940 гг., в которых отображена жизнь коренного населения на культбазе. При изучении истории создания Казымской культбазы мы пришли к решению расширить хронологические рамки и тематику.

Панорамная выставка «Так это было на земле...» состояла из следующих разделов:

- «Из истории становления Казымской культбазы»;
- «Фронтовики Казыма»;
- «У истоков просвещения»;
- «Ученые и творческие деятели — выходцы из Казыма»;
- «Исследователи истории, культуры Казымской территории».

Разделы выставки расположены в прямой хронологии, дополняя друг друга, каждый из них можно использовать как самостоятельную экспозицию. Каждый раздел выставки сопровождается лозунг, с которым жила страна в тот или иной период. В подборе лозунгов организаторы ссылаются на содержание окружной газеты «Ханты Манчи Шоп (Шой)» 1931–1940 гг.

По завершении выставки национальной интеллигенцией принято решение по материалам данной экспозиции издать каталог. Он вышел в 2010 г. тиражом 150 экз. Мы надеемся, что каталог станет помощником учащимся школ, студентам в подборе литературы для написания контрольных работ, рефератов, изучения истории, культуры коренных малочисленных народов не только Казымской территории, но и Югры в целом.

Мы искренне благодарны коллегам О. А. Кравченко, Е. П. Степановой, Н. М. Постика, С. А. Герасимовой, Н. А. Матвеевой, А. В. Вадичупову, О. Д. Ерниковой, Н. А. Герляк, С. Д. Дядюн, Л. Федотовой, С. А. Тунгусову; друзьям библиотеки Е. Н. Вожаковой, У. Н. Шульгиной, М. К. Волдиной, Т. Е. Малыгиной, З. Н. Лозяновой за помощь в создании панорамной выставки и предоставленные материалы из личных архивов. Особую благодарность выражаем сотрудникам отдела краеведческой литературы и библиографии Государственной библиотеки Югры.

За двадцать лет работы мы приобрели друзей, постоянных посетителей, всегда рады новой встрече со студентами и преподавателями Югорского государственного университета, Технолого-педагогического колледжа, аспирантами, исследователями из городов Югры (Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск, Урая, Пыть-Ях и др.), Екатеринбурга, Челябинска, Новосибирска, Москвы, Санкт-Петербурга, Венгрии, Германии, Финляндии, Франции.

Использование краеведческого материала школьного музея в исследовательской и проектной деятельности учащихся

Пуртова Людмила Геннадьевна, заместитель директора по учебно-воспитательной работе МБОУ СОШ № 2, г. Ханты-Мансийска

Большие возможности в школьной образовательной практике открывает проектно-исследовательская работа учащихся, так как она ориентирована на активизацию обучения, развитие самостоятельности, способности к самоорганизации, готовности к сотрудничеству и созидательной деятельности. В процессе проектно-исследовательской деятельности учащиеся нацелены на разрешение конкретной проблемы, получение планируемого интеллектуального продукта и результата.

Школьный музей располагает богатым и интересным краеведческим материалом (письма, фотографии, воспоминания, переписка с очевидцами событий, книги и периодические издания), который учащиеся школы постоянно используют. Данный материал помогает учащимся познать историю родного края, города, школы. Большинство имеющихся краеведческих материалов музея являются неопубликованными, тем ценнее они для нынешних школьников, для которых события прошлого века являются тайной и загадкой. Иногда музейные материалы дополняют уже ранее известные и опубликованные сведения.

Возьмем, к примеру, материалы о родственниках Платона Ильича Лопарева — семье Дорониных. О семье Дорониных нам известно из книги И. П. Доронина «Семья Дорониных» (1966), но более подробную информацию о Клавдии Петровне Дорониной и Платоне Ильиче Лопареве поведала нам личная переписка Клавдии Петровны и Дианы Платоновны (дочери Лопарева) с бывшими пионерами школы № 4 (классный руководитель Пуртова Галина Михайловна) в 80-е гг. XX столетия. Кроме известных всем сведений о деятельности Платона Ильича и его отряда, Клавдия Петровна в письмах к ребятам вносит поправки, дополнения. *«В газетах неверно пишут о численности отряда Лопарева в 1921 г., называют цифру 350, а на самом деле в отряде было 36–38 человек»* (газета «Тюменская правда»). Затем она приводит подробный именной список Северного экспедиционного добровольческого отряда Лопарева (16 мая 1921 г.) с указанием званий, принадлежности членов отряда к партии или комсомолу. Часто в письмах появляется такая ее

фраза: «Будьте бдительны!» Вероятно, пережитый страх за мужа, несправедливое отношение к нему заставляют ее беспокоиться и об учащих, хотя наступили уже другие времена.

В одном из писем (от 14.02.1983) она делает приписку: «...карту Тюменской области за 1965 год (на которой отмечен карандашом путь отряда Лопарева) храните бережно, кому не надо, не показывайте». Карта, действительно, имеет ценность, потому что на ней отмечены многие населенные пункты, которые уже не существуют в настоящее время официально.

Часто упоминаются имена других членов отряда: А. П. Никифоров, А. П. Зырянов, Ф. П. Доронин, в честь которых названы улицы в Ханты-Мансийске. Многочисленные заметки из газет, фотографии дополняют представление о Лопареве и Дорониной как о простых и скромных людях. На присланных фотографиях (копиях) П. И. Лопарев с бойцом отряда Евдокимом Новосельцевым (Ваней) и другими бойцами отряда.

Знакомясь с перепиской, удивляешься отличной памяти и ясности ума Клавдии Петровны при ее преклонном возрасте. Ребятам и классному руководителю было адресовано много писем и открыток, кроме этого она постоянно интересовалась их успехами в учебе, трудовыми делами и была в курсе всех событий. В последнее время письма приходили уже от Дианы Платоновны из-за плохого самочувствия Клавдии Петровны.

Завершается переписка с ребятами, а на последней странице рукописного альбома помещена газета «Тобольская правда» (№ 78 от 24.04.1990), на последней странице которой напечатан некролог: «Горком КПСС, городской Совет народных депутатов с прискорбием извещают о кончине члена КПСС с 1921 г., персонального пенсионера союзного значения, участницы Гражданской войны, почетного гражданина городов Тобольска и Ханты-Мансийска Дорониной Клавдии Петровны».

Список статей, имеющих в рукописном альбоме школьников, дополнит представление о семье Лопаревых-Дорониных:

1. Ухалей, Б. Партизанский командир // Ленинская правда. — 1972. — 28 июля.
2. Талант командира // Ленинское знамя. — 1980. — 31 дек.
3. Под священным знаменем // Ленинская правда.
4. Всем сердцем поклонись... // Ленинская правда. — 1988. — 3 нояб.
5. Гольдберг, Р. Не склонив головы // Тюменская правда. — 1988. — 30 янв.
6. Гольдберг, Р. Платон Лопарев, коммунист // Тюменская правда. — 1989. — 28 июня.

Приятно осознавать, что известные в округе люди имеют непосредственное отношение к выпускникам школы и материалам, хранящимся в школьном музее. Оказывается, одна из дочерей Николая Лукича и Ариадны Васильевны Скалозубовых — Надежда Николаевна — мать выпускника 1941 г., пропавшего без вести, Бориса Гориновича. Надежда Николаевна в 70-е гг. XX столетия вела переписку с пионерским отрядом имени Бориса Гориновича (классный руководитель Бессонова Анна Ивановна), передала в музей ксерокопии писем сына с фронта, его пионерский галстук, книгу, подаренную ему в пионерском лагере. В своих письмах она рассказывала ребятам о сыне, о своей работе в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Ребята отправляли ей письма, посылки, однажды совершили поездку в Москву и лично встретились с ней. У Надежды Николаевны были сложные отношения с родственниками, и она была очень рада знакомству с детьми, их дружбе. Имя Бориса Гориновича в числе других погибших выпускников школы увековечено на обелиске, установленном во дворе школы.

Группа учащихся 10 класса провела наблюдение, лично познакомилась со всеми имеющимися в Самарово памятными местами, собрала сведения о памятниках и достопримечательностях южной части города, обработала собранные материалы и подготовила социальный проект «Достопримечательности села Самарово». Красочно оформленный маршрутный лист с указанием всех памятных мест теперь поможет им провести экскурсии для учащихся младших классов и познакомить их с замечательными местами села Самарово. Этот же материал могут использовать учащиеся средних классов при подготовке к сочинению-описанию памятников.

Можно еще долго рассказывать о том, какими реликвиями и материалами располагает музей, но самое важное — это познакомить ребят с имеющимися краеведческими материалами и научить их отбирать сведения для исследовательских работ и проектной деятельности. Ведь именно в процессе правильной самостоятельной работы над созданием проекта и исследовательской работы лучше всего формируется культура умственного труда учеников. В основе этой деятельности лежит приобретение личностного и профессионального опыта в процессе обучения нестандартными средствами; развитие познавательных, творческих навыков учащихся; выработка у них стремления и умения самостоятельно добывать и использовать новые знания; развитие критического мышления.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ 3

ХРИСАНФ ЛОПАРЕВ И СЕЛО САМАРОВО: ИССЛЕДОВАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

П. И. Лопарев и семья Дорониных 4

Письма Х. М. Лопарева к членам Общества любителей
древней письменности (по материалам отдела рукописей
Российской национальной библиотеки) 6

Родственники П. И. Лопарева — семья Дорониных 10

Презентация книги «Искренно делюсь с Вами как с другом»:
из переписки Х. М. Лопарева и Ю. М. Поповой 15

ИСТОРИЯ ЮГРЫ: ЛИЦА, ФАКТЫ, ДАТЫ

Югра начала XX в. в зеркале источников по истории
православных приходов (на примере Нижневартовского прихода) 17

Самаровские горы в фольклоре хантов 23

Петр Николаевич Шеймин как деятель просвещения 28

Литературное краеведение на примере романа
Федора Кабарина «Самарьяне» 33

Письма тоболяков в фонде Г. Н. Потанина
(научная библиотека Томского государственного университета) 37

Письма Михаила Плотникова 46

Письмо Н. Л. Скалозубова 59

От Горнофилинска к Горноправдинску: история и современность 60

Самаровцы Мухины — защитники Отечества 64

Платон Лопарев — собиратель фольклора аборигенов Югры 67

Страницы истории Самаровской
Покровской церкви (XVII–XX вв.): по новым материалам
Государственного архива г. Тобольска 68

Письма Николая Лукича и Ариадны Васильевны Скалозубовых
к дочери Анне 78

Микротопонимы поселка Кирпичный	81
Природные реалии в угорских языках.	85

КРАЕВЕДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БИБЛИОТЕК, МУЗЕЕВ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Краеведческая работа в школе: опыт разработки учебно-методического пособия в модульной технологии обучения	91
Журнал «Югра» — 20 лет пути	95
Роль газеты «Ханты-Манчи Шоп (Шой)» в зарождении литературы на национальных языках.	99
«Золотой век» югорского краеведения	109
Из истории библиотеки Обско-угорского института прикладных исследований и разработок	112
Использование краеведческого материала школьного музея в исследовательской и проектной деятельности учащихся.	116

Подписано в печать 01.11.2011. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0. Тираж 500 экз. Заказ № 72.

Отпечатано в ООО «Контраст».
190031, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 38.

*Государственная библиотека Югры.
III окружные Лопаревские чтения*

Карта А. А. Дунина-Горкавича, 1903 г. (фрагмент)

Поселок Кирпичный

Нижневартовский приход

1567

РЕДАКТОР
ГАЗЕТЫ

НАМЕНСКАЯ МЫСЛЬ

11. Июнь 1904 г.

№ 100

1. Киев, Атаманов 110.

Вашей Святости Высокопреосвященнейшему

Киевскому митрополиту и Киевскому епархиальному синоду
Ваше Святейшество высокопреосвященнейшее. В помянутом
письме от 14 июня 1904 г. Высокопреосвященнейшему
Кишиневскому митрополиту и Кишиневскому епархиальному синоду
выражено пожелание на имя Высокопреосвященнейшего
Кишиневского митрополита и Кишиневского епархиального синода
Киевского епархиального синода.
Известно, что в настоящее время в Кишиневской епархии
уже давно не было епархиального синода и епархиального
суда. Но для удобства, как перед Святейшим и перед
Высокопреосвященнейшим Кишиневским митрополитом и
Кишиневским епархиальным синодом, так и перед
Вашим Святейшеством и перед Святейшим и перед
Высокопреосвященнейшим Киевским митрополитом и
Киевским епархиальным синодом, пожелание на имя
Высокопреосвященнейшего Кишиневского митрополита и
Кишиневского епархиального синода не исполнилось.
В настоящее время в Кишиневской епархии нет епархиального
суда и епархиального синода. Но для удобства, как перед
Святейшим и перед Высокопреосвященнейшим Кишиневским
митрополитом и Кишиневским епархиальным синодом, так и
перед Вашим Святейшеством и перед Святейшим и перед
Высокопреосвященнейшим Киевским митрополитом и
Киевским епархиальным синодом, пожелание на имя
Высокопреосвященнейшего Кишиневского митрополита и
Кишиневского епархиального синода не исполнилось.

Письмо М. П. Плотникова

9
Милый мой Нюраненка,
Какое же ты переживала.
Мне слышал по радио.
Зритель мой, по радио
Мне слышал.
Мне все кажется:
Аннушка, Маша, и Ланка
Видела слышала, когда
я говорил о тебе.
Мне все до сих пор
рушат. При твоем и твоем.
Но от твоей улыбки на
святых в новом доме.
Укажи еще все твои
сплош, и твоя паша, пере
спрашивать твоем сиротам
и Кропоткина в саду.
Со всем уважением твоя

Письмо Н. Л. Скалозубова

Семья Дурицыных

Семья Мухиных

Семья Скалозубовых

*Выступление Галины Яковлевны Фетисовой,
главного библиографа отдела краеведческой литературы и
библиографии Государственной библиотеки Югры,
на III окружных Лопаревских чтениях*

*Выступление Евгения Ильича Гололобова,
доктора исторических наук, проректора по научной работе
Сургутского государственного педагогического университета,
на III окружных Лопаревских чтениях*

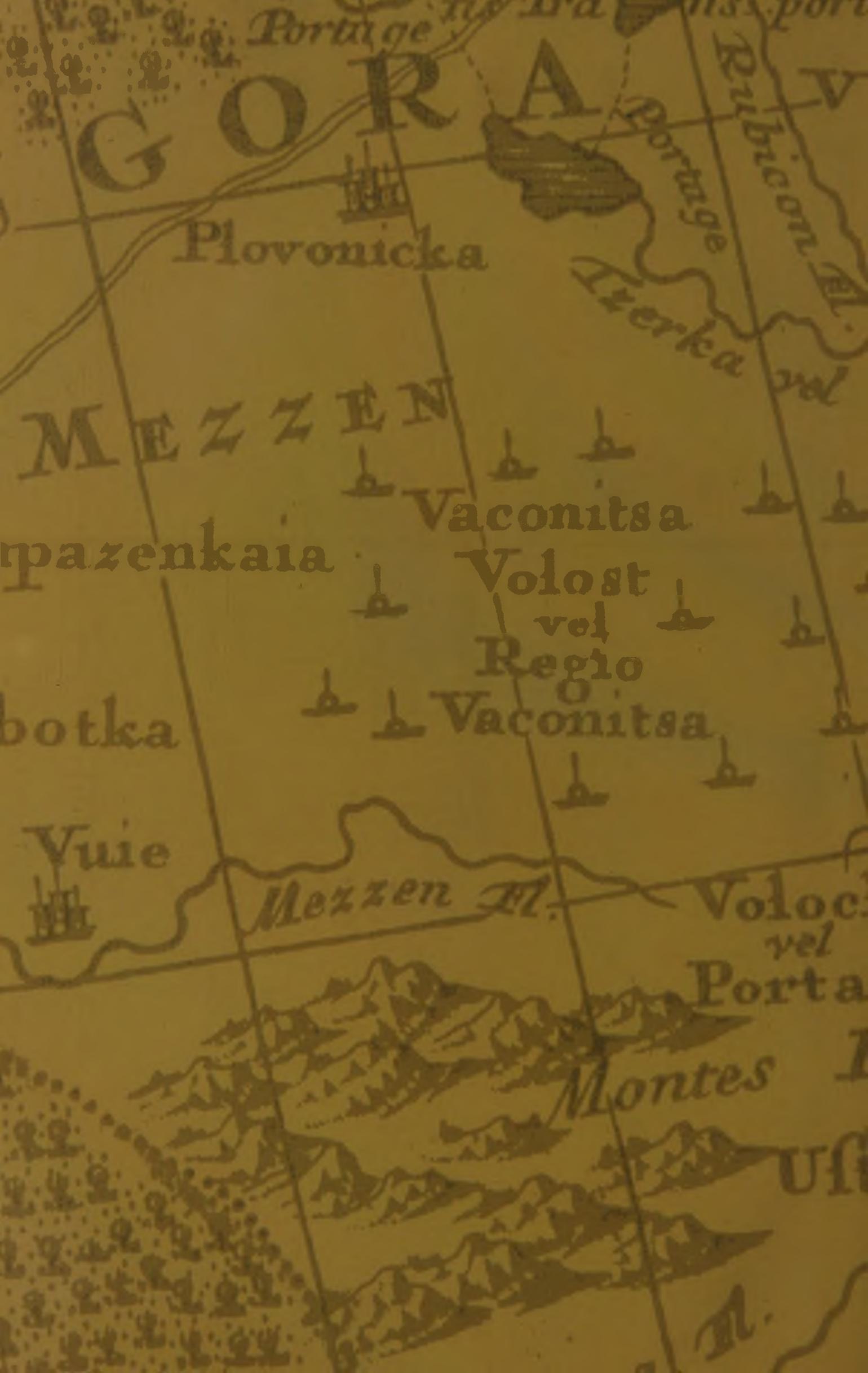
Участники III окружных Лопаревских чтений

Участники III окружных Лопаревских чтений

Участники III окружных Лопаревских чтений

G O R R A

Plovonicka

M E Z Z E N

pazenkaia

Vaconitsa

Volost

vel

Regio

Vaconitsa

otka

Vuie

Mezzen M.

Voloc

vel

Porta

Montes

Uff

M.